

306 560

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕКЦИИ

Т.Н.ГРАНОВСКОГО

ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

306560

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

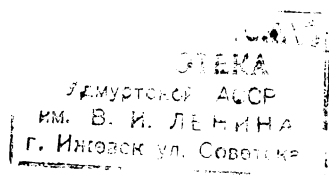
С
О
С
О
С

С
Г

ЛЕКЦИИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(Авторский конспект и записи слушателей)

Предисловие,
подготовка текста и примечания
С. А. АСПНОВСКОЙ



h
KJK

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р
С. Д. СКАЗКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая публикация архивных материалов выдающегося русского ученого Т. Н. Грановского составляет лишь часть его научного наследства, хранящегося в наших архивах. Ценность этих материалов заключается в том, что они отражают состояние исторической науки середины XIX в., борьбу различных идейных направлений, в условиях которой развивалась передовая русская наука, выковывались новые методы научного исследования. Борьба этих направлений в период кризиса крепостнической системы, естественно, сосредоточивалась вокруг наиболее жгучей проблемы — отмены крепостного права¹. Это проявилось и в научном творчестве Т. Н. Грановского. Его блестящее ораторское дарование и талант исследователя все ярче раскрывались по мере нарастания всеобщего протеста против жестокой крепостнической действительности и под влиянием идей складывавшегося революционно-демократического направления.

Мировоззрение Грановского сложилось в те годы, когда размежевание революционно-демократической и буржуазно-либеральной тенденции только намечалось, и вопрос о путях ликвидации крепостничества не получил еще той остроты, которую он приобрел позднее — в условиях революционной ситуации. В мрачные годы николаевской реакции Грановский смело выступил с кафедры Московского университета против насилия над крестьянством, против монархического деспотизма и принижения

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

человеческой личности. Для разоблачения современных ему феодально-крепостнических порядков, для пропаганды своих идей Грановский находил неисчерпаемый источник материалов в истории западноевропейского средневековья.

Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) родился в Орловской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Не получив в детстве систематического образования (домашнее воспитание и пансион Кистера, в котором два года учился Грановский, не могли его дать), он восполнил недостаток знаний усиленным чтением. Упорное самостоятельное изучение исторической и философской литературы — трудов Гиббона, Гизо, Тьерри, Гегеля — он продолжал и в период своего пребывания на юридическом факультете Петербургского университета (1832—1835). В 30-е годы он начал также общаться с кружком Н. В. Станкевича.

Антикрепостнические настроения Грановского, бесспорно, возникли еще в эти юношеские годы. Вольнолюбивая поэзия Пушкина, протест против деспотизма, звучавший в творчестве любимых им Шекспира и Шиллера, разгром восстания декабристов, а особенно живые впечатления от гнетущей крепостнической действительности не могли не оставить глубоких следов при формировании сознания молодого Грановского.

Весной 1836 г., вскоре после окончания университета, Грановского отправили за границу. В Берлинском университете он слушал лекции Ф.-К. Савиньи, Ф. Раумера, К. Риттера, работал в семинаре Ранке, изучал философию Гегеля. Разъезжая по Германии, Чехии, Австрии, он внимательно присматривался к жизни за рубежом, знакомился с учеными, общественными деятелями. В то же время письма из-за границы показывают, что он неотступно следил за жизнью своей родины, горячо откликаясь на насущные проблемы русской действительности². Он писал друзьям о своих творческих планах, о своем стремлении скорее начать чтение лекций, которое он уже тогда рассматривал как свой общественный долг³.

² См. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II (далее — «Переписка»). М., 1897, стр. 392, 411.

³ «Переписка», стр. 343, 351, 353, 358.

Осенью 1839 г., по возвращении на родину, Грановский начал читать свой первый курс лекций, и с тех пор в течение 16 лет возглавлял в Московском университете кафедру всеобщей истории⁴. В это время в университете выдвинулся ряд талантливых молодых ученых, выступавших против застоя и рутины, которые царили в среде «верноподданнической» профессуры. М. П. Погодин, С. П. Шевырев, И. И. Давыдов, С. И. Баршев и другие, проповедовавшие теорию официальной «народности», все чаще наталкивались на оппозицию молодых профессоров — Д. Л. Крюкова, П. Г. Редкина, А. И. Чивилева, а затем и Грановского, который быстро стал наиболее ярким и авторитетным представителем прогрессивного направления в русской исторической науке.

Реакционные теории, насаждавшиеся в официальной исторической науке, получили свое отражение и в трактовке важнейших проблем средневековья. Как с университетской кафедры, так и в учебной литературе подлинная история народа подменялась повествованиями о «подвигах» венценосных «героев» и полководцев, о якобы благотворной роли церкви в развитии общества.

В противовес реакционным историкам, усматривавшим в потоке исторических событий волю провидения, проповедовавшим незыблемость социальных основ и необходимость крепостнических порядков, Грановский, выдвинув идею поступательного движения истории, подводил слушателей к выводу о преходящем характере этих порядков. В центре его внимания находились сюжеты, чуждые реакционной дворянской историографии. Тяжелая судьба рабов и крепостных крестьян, деспотизм, сковывающий развитие свободной мысли и просвещения, борьба народов против национального порабощения — вот те стороны жизни, значение которых пытался вскрыть Грановский. Именно это послужило почвой для его сближения с революционными демократами, оказавшими благотворное влияние на его творчество.

Грановский не сумел подняться до материалистических и революционных идей Белинского, Герцена,

⁴ Грановский читал курсы древней, средней и так называемой новой истории (включавшей и позднее средневековье). С 1847 г. все эти курсы он читал попеременно с приехавшим из-за границы П. Н. Кудрявцевым.

Огарева. Он опасался революционной ломки феодальных отношений. В этой либеральной ограниченности его мировоззрения коренилась противоречивость и его научных взглядов. Но, неизменно оставаясь противником крепостничества и деспотизма, Грановский боролся против защитников самодержавия, против консерватизма славянофилов, хотя не столь последовательно и решительно, как революционные демократы. Его борьба выражалась прежде всего в самоотверженном служении науке и просвещению, но науке, призванной активно влиять на развитие общества, связанной с его запросами, протестующей против крепостнических устоев.

* * *

Первый курс истории средневековья Грановский читал, как известно, студентам I отделения философского и юридического факультетов (1, 2 и 4-й курсы). С самого начала его лекции привлекли внимание молодой аудитории не только ярким, живым изложением, но и новым подходом к ряду исторических явлений⁵. В теоретическом введении к этому курсу Грановский развивал свою концепцию исторического процесса, ставил вопрос об эволюции понятия всеобщей истории в различные исторические периоды, о значении истории как науки. Уже в это время он, чуждый националистическим взглядам Гегеля, отвергая реакционные выводы его философской системы, глубоко интересовался самым ценным в учении немецкого мыслителя — диалектикой. Выдвинув, хотя и на идеалистической основе, идею закономерности исторического процесса, Грановский критиковал в своих лекциях историков, не понимавших внутренней связи и единства исторических явлений.

В материалах этого курса уже проступали черты ученого-просветителя. Грановский проявлял глубокий интерес к истории народа, настаивая на необходимости ее изучения. Он говорил о важности приобщения народа

⁵ См. собственноручный конспект первого курса лекций Грановского — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИГИМ), ф. 276, ед. хр. 126, а также студенческие записи лекций этого года — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), М. 4184; Архив АН СССР (Ленинград), ф. 764, оп. 1, № 96.

к культуре и просвещению, подчеркивал общественное значение истории. Грановский делал в это время лишь первые шаги в решении тех проблем, разработкой которых он занялся в дальнейшем. У него еще не было того тонкого анализа источников, который мы обнаруживаем в его лекциях более позднего периода. Еще чувствуется робость молодого ученого в выборе фактов и в осмысливании их, хотя уже в это время Грановский выдвинул новый взгляд на отбор исторического материала.

Последующие годы лекционной деятельности Грановского запечатлены в основном лишь в записях слушателей, которые сохранились за все время его преподавательской деятельности (и во многих списках — за 1845/46, 1848/49 и 1849/50 учебные годы).

Материалы этих лекций показывают, как развернулось дарование Грановского — лектора и исследователя. Общение с Герценом и Огаревым, личным другом которых стал Грановский, его участие в общественной жизни, в борьбе против крепостнической идеологии побуждали ученого к новым теоретическим исканиям, усиливали демократические черты в его творчестве.

Как крупное событие в русской общественной жизни рассматривался передовыми людьми того времени первый цикл публичных лекций Грановского, прочитанный им в 1843 г.⁶ Особый интерес также представляют публичные лекции 1845/46 г.⁷, посвященные сравнительной истории Франции и Англии, а также университетские лекции этого времени.

Во введении к курсам и в самих лекциях этого периода углубляется понимание так называемой «пользы истории», подчеркивается «бесконечность прогресса развития человечества»⁸. Выражение прогресса Грановский видит прежде всего в развитии идей, научных знаний, в творческой деятельности исторической личности. Призывая студентов к практической деятельности, Грановский верил, что общественные преобразования будут достигнуты в результате распространения просвещения, «нравственного совершенствования» людей.

⁶ См. А. И. Герцен. Собр. соч., в тридцати томах, т. II. М., 1954, стр. 311; т. IX, 1956, стр. 126—127.

⁷ См. ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19.

⁸ ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 17, л. 8 об.

Студенческая аудитория с неослабевающим интересом слушала лекции Грановского, в которых, по словам Герцена, звучала «чрезвычайно развитая человечность, сочувствие, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному»⁹. Расширяя те разделы, в которых освещалась «внутренняя жизнь народа», Грановский активно выступал против угнетения крестьян, над которыми «тяготел самый тяжелый и безотрадный деспотизм». Крестьяне, говорил он, рисуя широкую картину феодального угнетения, трудились «не для себя, а для человека чуждого и ненавистного»¹⁰. Ненависть народа заставляла феодалов укрываться под защиту каменных замков. «Они запирались в башнях, они заковывались в железо... Это показывает недоверчивость, страх»¹¹. Рассматривая различные стороны жизни средневекового общества в свете отношений между крестьянами и феодалами, Грановский видел отражение антагонизма между ними в еретических движениях, в литературных памятниках: «страшные тоны» песен вилланов «не дошли до нас», говорил он в публичных лекциях 1845/46 г., «дошли до нас ругательства феодальных владельцев над ними, выходки летописцев»¹². В этих же лекциях Грановского появляются интересные суждения о социальном облике средневекового города. Внимание ученого привлекает не только борьба горожан против феодального произвола, но и социальные противоречия внутри самого города.

Уловив в прогрессивном и поступательном историческом процессе его противоречивый характер, Грановский с особой пылкостью и интересом изучает так называемые «переходные эпохи», в которых, как он писал позднее, можно «услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей»¹³. В лекциях 1845 г. он поднимается до признания неизбежности таких исторических периодов, когда противоречие «может быть уничтожено только насилием», имея при этом в виду, в частности, французскую револю-

⁹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. II, стр. 122.

¹⁰ ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 23, л. 120 об.

¹¹ ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 59 об.— 60.

¹² ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 107.

¹³ См. ниже, стр. 199.

цию¹⁴. В то же время в конкретных высказываниях о французской революции Грановский полемизирует по этому вопросу с Белинским и дает отрицательную оценку личности Робеспьера¹⁵.

Эта же противоречивость сказалась в оценке и других революционных движений прошлого. Так, еще в начале 40-х годов Грановский обратил внимание слушателей на историю крестьянской войны в Германии. Черпая материал в монографии передового немецкого историка Циммермана, Грановский с горячим сочувствием говорил о бедствиях немецких крестьян, об их стремлении облегчить тяготевшее над ними иго¹⁶. Однако историка смущали решительные действия повстанцев, революционные идеи Мюнцера¹⁷. Именно радикализм идей Мюнцера, его последовательность и привлекли внимание Герцена, который, в отличие от Грановского, и в событиях английской революции середины XVII в. высоко оценил революционную решимость, проявленную народом в борьбе с абсолютизмом. Для Грановского диалектика не стала, как для Герцена, «алгеброй революции». Грозный призрак надвигавшихся революционных потрясений вызывал у Грановского опасения, наложившие отпечаток не только на его политические убеждения, но и на его научные построения. В истории прошлого он пытался отыскать начала, которые способствовали бы если не примирению, то хотя бы смягчению острых социальных противоречий. Такие начала он искал в истории христианской церкви, в идее опоэтизированного романтической реакционной историографией рыцарства, которому он приписывал антифеодальную направленность¹⁸, но сила исторических фактов вынуждала его признать, что ни церковь, о которой он сам неоднократно говорил как о крупнейшем земельном собственнике, ни рыцарство не способны были уничтожить пропасть, разделявшую феодалов и крепостных. Интересуясь конституционными формами правления, резко выступая

¹⁴ См. П. М и л ю к о в. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902, стр. 221—222.

¹⁵ «Переписка», стр. 439.

¹⁶ ГБЛ, М. 3598. XXV, л. 358.

¹⁷ См. Архив АН СССР, ф. 28, оп. 3, № 11, л. 110.

¹⁸ См. ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 47, 58, 60 об.

против монархического деспотизма, Грановский идеализировал, тем не менее, отдельных государственных деятелей, которые могли будто бы защищать интересы народа в целом.

Эти убеждения историка не могли удовлетворять таких мыслителей, как Белинский, Герцен, Огарев, которые в истории находили обоснование для своих революционных идей. Теоретические разногласия между революционными демократами и Грановским, связанные с различным отношением к революции, к материалистическим и социалистическим идеям, вылились в споры 1846 г.¹⁹ Молодежь, с увлечением читавшая «Письма о природе» Герцена, проникавшаяся материалистическими и революционными идеями, чутко реагировала на эти споры²⁰, понимая ограниченность Грановского. Это не мешало революционным демократам, передовому студенчеству отлично видеть объективное значение деятельности Грановского, протестовавшего против существующего порядка в России²¹. К концу 40-х годов этот протест становился все резче, что побуждало Грановского более пристально всматриваться и в историческое прошлое. В теоретических исканиях ученого немалую роль сыграло развитие демократической мысли в России, формировавшейся в условиях нарастания классовой борьбы в стране и под влиянием революции 1848 г. на Западе. Известно, что Грановский живо интересовался этими событиями и, в отличие от либералов типа Чичерина и других, осуждал выступление реакции против французского пролетариата.

Конец 40-х годов был для Грановского периодом расцвета научной деятельности. Об этом свидетельствуют не только созданные им труды, но и его курсы лекций. Накопленный к этому времени фактический материал и большой запас мыслей, наблюдений неизбежно приводили Грановского к новому идейному освещению исторических событий. В это время возрос интерес Грановского к вопросам социальной и экономической истории, которым все большее внимание уделяли передовые люди

¹⁹ См. А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 202—212.

²⁰ См. там же, стр. 204, 206—207.

²¹ См. там же, стр. 122.

России. Круг научных интересов Грановского расширился. Поиски самостоятельного решения ряда проблем заставили ученого углубляться в источники, обзоры которых стали полнее и содержательнее. В научный оборот вводятся новые материалы — не только законодательные акты, юридические документы, хроники, но и мемуары, эпос, фольклор, данные филологии и археологии.

Не только в трудах Грановского²², но и особенно в его лекциях этих лет ясно обнаруживается идейная полемика со славянофилами, с реакцией. Еще в 1843 г. он писал Кетчеру: «Шевырева я уже несколько раз выводил на сцену: я указывал на него, когда говорил о людях, отрицающих философию истории, я говорил о нем по поводу риториков IV и V века»²³. В 1848 г. Грановский, имея в виду Шевырева и ему подобных, говорил, что римская риторика «времен упадка» расточала «свои средства на темы жалкие», льстила «материальному направлению времени», преклонялась перед властью, угождала сильному. «Чтение памятников этого времени, — говорил он, — будет для нас полезно. Оно покажет, до чего может дойти злоупотребление слова, где не дорожат им, где нет к нему уважения, нет благородных и резких убеждений. С этой стороны жалкие произведения риторики III и IV столетия имеют высокое значение как характеристика современного общества. При изучении какого бы то ни было общества не бесполезно обращаться назад к этим временам для аналогии...»²⁴.

В условиях мрачной реакции, когда, как вспоминал Герцен, «все было прибито к земле, одна официальная низость громко говорила», когда «вместо науки преподавали теорию рабства»²⁵, Грановский продолжал вести «пропаганду историей». В его лекциях слушатели улавливали едва замаскированные исторические параллели, наталкивав-

²² См. «Письмо из Москвы» (Т. Н. Грановский. Сочинения. М., 1900, стр. 517—521, 526—531), а также работу «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 г.» (там же, стр. 445), в которой Грановский показывает родство идей славянофилов с реакционно-романтическими идеями «Исторической школы права».

²³ «Переписка», стр. 460.

²⁴ ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 20, л. 20.

²⁵ А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 122.

шие на сопоставления: жизнь спарганских илотов или римских рабов, французских вилланов или сервов напоминала мрачные картины жизни русской крепостнической деревни. С особой силой звучали с кафедры Московского университета слова в защиту крепостного крестьянства. Герцен писал, что в то время, «встречая Грановского на кафедре, становилось легче на душе. «Не все еще погибло, если он продолжает свою речь», — думал каждый и свободнее дышал»²⁶.

Особенно труден и сложен был путь историка в 50-е годы, когда усилились его идейные колебания, глубже стал внутренний кризис, который он переживал. Однако Грановский и в эти годы не отказался от основы своих прогрессивных воззрений. Его труды и лекции говорят о новых творческих поисках, о стремлении пересмотреть взгляды на исторический процесс, хотя и в это время он не сумел преодолеть идеализма и романтизма. Критикуя Гегеля, выступая против его «произвольного построения» всеобщей истории²⁷, он искал новые основы для своей методологии истории.

В речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенной Грановским в 1852 г., он формулирует свое отношение к истории как к науке, имеющей глубоко общественный характер: «Одно из главных препятствий, мешающих благотворному действию истории на общественное мнение, заключается в пренебрежении, какое историки обыкновенно оказывают к большинству читателей. Они, по-видимому, пишут только для ученых, как будто история может допустить такое ограничение, как будто она по самому существу своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого. К счастью, узкие понятия о мнимом достоинстве науки, унижающей себя исканием изящной формы и общедоступного изложения, возникшие в удушливой атмосфере немецких ученых кабинетов, не свойственны русскому уму, любящему свет и простор. Цеховая гордая своей исключительностью наука не вправе рассчитывать на его сочувствие»²⁸.

²⁶ А. Н. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 122.

²⁷ См. Т. Н. Грановский. Соч., стр. 25.

²⁸ Там же, стр. 29.

В научных исканиях Грановского этого времени большую роль сыграли его патриотические устремления. Современник Восточной войны, он с чувством гордости говорил о героической защите Севастополя, о морях и полководцах, о студентах-ополченцах. Защитникам родины Грановский противопоставлял корыстолюбивое дворянство, уклонявшееся «от чести и долга защищать свое отечество... Дворянские комитеты по устройству ополчения, — с возмущением подчеркивал он в письме И. В. Варвинскому, — занимаются грабежами. Об этом не стесняются говорить открыто. Есть люди, которые радуются войне, так как наживаются на ней. Когда же будет конец этому?»^{28а} Грановский в своих лекциях уделял много внимания борьбе народов за независимость. Рассказывая о гуситских войнах, он говорит о мужестве народа Чехии, изнемогавшего «в борьбе почти с целой Европой»²⁹; он высоко оценил патриотический подъем, охвативший французский народ в период выступления Жанны д'Арк³⁰. С негодованием рассказывал он студентам об истреблении и порабощении народов Америки, о торговле неграми.

Прогрессивное значение деятельности Грановского, сохранившего до конца жизни веру в общественный прогресс, ненавидевшего угнетение народа и произвол, высоко оценили революционные демократы.

Чернышевский видел в Грановском «просветителя своей нации», ученого, пролагавшего новые пути в науке. «И действительно, — писал он, — кто вникнет в понятия Грановского, тот увидит, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы им часто гораздо полнее и глубже, нежели теми людьми, на которых он ссылается»³¹. Против извращения научного наследия передового ученого дворянскими и буржуазными историками, отрицавшими самостоятельность Грановского как исследователя, затупевавшими демократические черты в его мировоззрении, выступили и Герцен, создавший правдивый яркий образ Грановского в «Былом и думах», Добролюбов,

^{28а} Сб. «Средние века», вып. XVII, М., 1960, стр. 414.

²⁹ ГБЛ, М. 3598. XXV, л. 152.

³⁰ Там же, л. 84.

³¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 365.

Огарев, Салтыков-Щедрин³². Позднее Герцен, отделяя Грановского от буржуазных либералов типа Чичерина и Кавелина, от тех, кто оказался в годы революционной ситуации в стане «либерального хамства», отмечал, что кафедра Грановского выросла в свое время «в трибуну общественного протеста»³³.

* * *

В трудах Грановского, опубликованных в основном при его жизни, поставлены важнейшие вопросы исторической науки, которые выдвигались как в русской, так и в западноевропейской литературе того времени. Однако опубликованные сочинения Грановского далеко не отражают всего богатства идей его научного творчества. В условиях, когда всякая свежая мысль с трудом пробивалась через рогатки полицейской и церковной цензуры, историку легче было высказать свои взгляды с университетской кафедры, чем в печатном слове. Более полное представление о замечательном ученом можно получить, лишь тщательно изучив его архив и прежде всего материалы его курса лекций. Именно поэтому еще Чернышевский, понимавший значение лекций Грановского, настаивал на их издании³⁴. Тем не менее большинство его лекций оставались неопубликованными до настоящего времени.

Попытки публикации лекций Грановского были сделаны вскоре после его смерти П. Н. Кудрявцевым, начинавшим в это время свою работу над биографией Грановского. Сообщая Бабсту в письме от ноября 1855 г., что он начинает собирать материал для ее написания, Кудрявцев пишет: «Хотелось бы затем сделать еще выбор

³² См., например, Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV. М., 1948, стр. 692, 761; Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. I. М., 1934, стр. 482; Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1937, стр. 195—218. См. также критические высказывания о «Биографическом очерке» А. В. Станкевича — А. И. Герцена (Полное собр. соч., т. XXI. М.—П., 1923, стр. 528) и Н. П. Огарева («Литературное наследство», т. 61, стр. 909).

³³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVI. М., 1959, стр. 106.

³⁴ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 347, 363, 366.

из его чтений, но это, кажется, будет несколько трудно. Мало хороших списков... А главное, очень жаль, что нигде нельзя подыскать *другого* экземпляра второго публичного курса (сравнительной истории Англии и Франции). Один есть у нас³⁵, но не совсем удовлетворителен, и если бы был даже вполне хорош, все бы нуждался в проверке другим»³⁶.

Первые публикации лекций Грановского были сделаны во второй половине XIX в. В 1862 г. были напечатаны отрывки лекций по древней истории в журнале «Время» (IX и XI), затем П. Г. Виноградовым была опубликована первая тетрадь собственноручного конспекта лекций Грановского³⁷. Извлечения из записей лекций Грановского по истории средневековья были также опубликованы в конце XIX века П. Н. Милюковым³⁸ и в начале XX века М. Н. Коваленским³⁹. Но в этих публикациях главное внимание уделялось тем лекциям, где освещались история и культура позднеримской империи. В эти публикации почти не вошли лекции конца 40-х годов, в которых с наибольшей силой раскрылось дарование ученого и педагога. Советские историки проявили глубокий интерес к творчеству Т. Н. Грановского⁴⁰ и под-

³⁵ Имеется в виду список, который в настоящее время хранится в Историческом музее (см. ф. 345, ед. хр. 19).

³⁶ См. «Из неизданной переписки русских медиевистов 40—50-х годов XIX в.». Сб. «Средние века», вып. XVII, 1959, стр. 420.

³⁷ См. «Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира». СПб., 1895, стр. 308—324.

³⁸ См. сб. «Братская помощь». М., 1897; П. М и л ю к о в. Из истории русской интеллигенции. М., 1902.

³⁹ См. «Голос минувшего». М., 1913, № 9, стр. 201—233.

⁴⁰ См. А. С. Н и ф о н т о в. Россия в 1848 г. М., 1949; Е. А. К о с м и н с к и й. Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского. «Вестник Московского университета», 1956, № 4; А. И. Д а н и л о в. Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории раннего средневековья. «УЗ Томского гос. ун-та», № 16, 1951; Л. Е. К е р т м а н. Эволюция исторических взглядов Т. Н. Грановского. «Наукові записки Київського державного ун-ту», т. 6, вып. 1, 1947; С. А. А с и н о в с к а я. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М., 1955; М. А. А л п а т о в. Труды Т. Н. Грановского. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР». М., 1955; И. Н. Б о р о з д и н. Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии. «Византийский временник», XI. М., 1956; Л. А. У ш а к о в а. Грановский о роли народных масс и личности в истории. «УЗ Томского гос. ун-та»,

няли вопрос о публикации его университетских лекций⁴¹. «Мы стали лучше знать и понимать Грановского, — писал в своей статье Е. А. Косминский, — извлекая из архивов и изучая его университетские курсы, сохранившиеся только в записях его слушателей»⁴².

В наследии Грановского сравнительно мало сохранилось автографических материалов. Автографы сочинений Грановского, его статей, программы лекций и отчеты, его собственноручный конспект лекций, а также студенческие записи его курсов почти за все 16 лет его профессорской деятельности, записи его публичных лекций хранятся в рукописных отделах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Государственного исторического музея, Московского государственного университета, в Историческом архиве Московской области, а также в центральных государственных исторических архивах Москвы и Ленинграда. Материалы обнаружены в архивах АН СССР, Института русской литературы (Ленинград), в рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и библиотеки им. А. М. Горького, в Центральном государственном архиве литературы и искусства⁴³. Важнейшей частью этих материалов являются университетские и публичные лекции Грановского.

В настоящую публикацию включены автографы Грановского и студенческие записи его лекций. Прежде всего мы предлагаем вниманию читателя собственноручный конспект лекций Грановского первого его курса — единственный автограф, сохранившийся от раннего периода его педагогической деятельности. Этот конспект обнаружен в фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея, а именно в фонде

№ 35, 1960. См. также кандидатские диссертации И. Ф. Ивашина («Т. Н. Грановский — первый русский медиевист», М. 1943) и Е. Ф. Плотниковой («Римская история в трудах Т. Н. Грановского и С. В. Ешевского», М. 1951).

⁴¹ См. рецензии А. Варшавского и А. И. Данилова («Новый мир», 1956, № 5), А. С. Самойло (сб. «Средние века», вып. VIII, 1956), И. Н. Бороздина («Вопросы истории», 1956, № 7).

⁴² «Вестник Московского университета», 1956, № 4, стр. 119.

⁴³ См. С. А. А с и н о в с к а я. Архив Т. Н. Грановского. «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина», вып. 21. М., 1959, стр. 3—32; И. Ф. И в а ш и н. «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 81—89.

Щепкиных. По свидетельству Виноградова, рукопись конспекта была ему передана А. В. Станкевичем, а затем со всеми материалами Станкевича поступила в этот музей. Рукопись (ф. 276, ед. хр. 126) содержит 49 листов и состоит из 7 тетрадей, написанных уборым почерком Грановского с многочисленными исправлениями и вставками на полях. Первая тетрадь рукописи, опубликованная П. Г. Виноградовым в «Сборнике в пользу недостаточных студентов», публикуется целиком по подлиннику (П. Г. Виноградов не включил в публикацию последний лист этой тетради).

В конспекте приведены извлечения из разнообразных источников, выписки из прочитанных к курсу исторических работ и т. д. Перед нами, таким образом, как отмечал и Виноградов, зачастую лишь материал, наброски, подготовленные лектором к курсу. Конспект носит местами схематический характер, в нем неизбежно теряется обаяние речи Грановского, о котором так много писали современники. Живые мысли Грановского, то «самое лучшее», по словам Грановского, что «приходит уже во время чтения», можно отчасти восстановить лишь по сохранившимся записям студентов. В некоторых тетрадях (4-я, 5-я, 7-я) текст временами становится отрывочным (на что обратил внимание и Виноградов), последняя же тетрадь конспекта представляет собой в основном сухой перечень событий и имен. Вот почему часть этого материала опущена. Не публикуется отрывок по истории монашества, который, судя по сохранившимся студенческим записям этого курса⁴⁴, входил в раздел «Состояние церкви в IV и начале V века».

Кроме того, опущены разделы, посвященные истории монархии Сасанидов, переселению народов, истории образования Вестготского государства и начало раздела об истории народов Скандинавии. Все эти материалы конспекта носят описательный или отрывочный характер.

Важнейшим основанием для публикаций лекций конца 40-х годов явилось то, что, как уже сказано, именно на этот период приходится расцвет творчества Грановского. Записей лекций за эти годы сохранилось много. Исследование архивов помогает выявлению новых руко-

⁴⁴ См. ГББ, М. 4184, л. 230.

пшей. Ведь в разное время слушателями Грановского были А. Ф. Бычков, К. Д. Ушинский, А. Н. Островский, А. А. Фет, И. Г. Прижов. Позднее его лекции посещал и И. М. Сеченов. Сохранились лекции Грановского в записях Александра Дмитриева, М. М. Латышева, Петра Бартенева, Петра Бессонова, Карла Герца и ряда других.

Сравнение различных записей курса помогает более объективно воспроизвести его содержание. Ведь каждая отдельная запись студента может содержать элемент творчества, перефразировку отдельных мест лекций, подчас меняющих смысл сказанного. Поэтому если в студенческих записях мысль выражена неясно или слишком схематично, то составитель по возможности старался пояснить ее либо путем сопоставления публикуемого текста с другими записями за тот же год (в сносках под строкой), либо с записями за другие годы (в приложенных к книге примечаниях). В нашем распоряжении, помимо большого числа отрывочных записей отдельных лекций, имеются четыре записи, воспроизводящие курс лекций 1848/49 г. почти целиком. Наиболее полными и подробными являются черновые записи с недописанными словами и многочисленными вставками на полях и над строкой, которые делались студентами непосредственно во время чтений.

При публикации записей лекций студентов в основу был положен текст записей Владимира Собчакова, который хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в фонде Грановского (ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2). Рукопись эта, состоящая из девяти тетрадей, переплетенных вместе (198 листов), представляет собой черновую запись (за исключением отредактированных 5-й и 6-й тетрадей). На обложках тетрадей и на полях имеются пометки «1848», «1849» и указания на день, когда читалась лекция.

Большую ценность представляет также рукопись студента, фамилию которого не удалось установить. В отличие от рукописи Собчакова, она до конца черновая⁴⁵. Эта запись не датирована, но текстуальное совпадение записей, одинаковые границы лекций (в рукописи М.3598.XXI ест:

⁴⁵ См. ГБЛ, М.3598.XXI

нумерация лекций, в рукописи Собчакова указаны даты, а подчас и номера лекций), не оставляют сомнений в том, что это — курс 1848/49 г. Так же как и в рукописи Собчакова, в этой рукописи упоминается книга А. Шмидта как вышедшая «в прошедшем году» (т. е. в 1847 г.).

Обе черновые рукописи наиболее полно воспроизводят живую речь Грановского, ход его мысли, последовательность изложения, и хотя запись Собчакова в этом смысле не представляется нам ни более достоверной, ни более близкой к тексту лекций Грановского, однако при отборе материалов для публикации мы остановились именно на этом документе, как на более полном, датированном и имеющим достоверно известного автора. Сведения о Владимире Собчакове скудны. Его имя упоминается в переписке студента Бессонова, у которого Собчаков брал, видимо, проверенные Грановским лекции по «новой истории»; сохранились его письма к тому же Бессонову от 1850 г. В одном из них он писал, что дает уроки «с утра до ночи»⁴⁶.

Помимо двух указанных рукописей, имеются две в основном отредактированные студенческие записи. В отредактированной части этих рукописей нет стилистических небрежностей и вставок (обращение лектора к студентам, вопросительные знаки, выражавшие сомнения студента, не успевшего записать мысль Грановского, и т.п.), которые встречаются в черновых рукописях⁴⁷. Одна из этих записей, сделанная почерком Бессонова (в дальнейшем именуется: рукопись «Б»), хранится в Историческом музее, другая (анонимная) — в Рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина под шифром М.3598.XVIII. Сличение отредактированных рукописей с черновыми также выявляет текстуальные совпадения; даты, помеченные на полях в рукописи Бессонова (например, 3 марта, четверг)⁴⁸, те же, что и в рукописях Собчакова.

⁴⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 46, оп. 1, ед. хр. 550, л. 154.

⁴⁷ Так, в рукописи М.3598.XXI после изложения материалов сочинения Григория Турского карандашом написано: «Эти слова навраны, было что-то вроде этого» (л. 67).

⁴⁸ 3 марта, четверг приходится на 1849 год.

Переписка студентов позволяет воссоздать картину редактирования этих лекционных записей. Петр Бессонов, Петр Бартеков, Владимир Собчаков, Дмитрий Науков и другие учились в 1848 г. на II курсе историко-филологического факультета, где Грановский читал историю средних веков. Из переписки студентов видно, что они проводили взаимную проверку записей и записи эти проверялись Грановским. Так, Бессонов писал Бартекову: «Благодарю тебя, Бартеков, за русскую историю... Прошу тебя еще исполнить некоторые мои поручения: лекцию 1-го апреля потрудись положить в шляпу Грановского; другие же две лекции возьми себе списывать»⁴⁹. И действительно, в рукописи Бартекова по новой истории отмечено: «списано с Бессонова»⁵⁰. В этом же письме Бессонов пишет: «Если возьмешь новые лекции от Грановского, поправленные, то доставь также мне: они мне нужны»⁵¹.

В некоторых записях Бессонова по новой истории 1849/50 г. имеются пометы и правка Грановского. Правка Грановского сама по себе заслуживает внимания историков. Она не являлась только стилистической: иногда это было смягчение формулировок, сделанных во время лекций, иногда — уточнение или развитие того или иного положения. Можно предположить, что отредактированные записи публикуемого нами курса также проверялись Грановским.

Курс 1848/49 г. состоит из 43 лекций, охватывающих историю средневековья примерно до XIII—XIV вв. В этом курсе Грановского, в отличие от других его курсов, нет особого раздела, посвященного истории Византии и скандинавских стран, а также истории западных славян, которая рассматривается в связи с другими проблемами. Однако в целом, сравнительно с ранними курсами, структура этого курса становится более стройной, материалы группируются вокруг важнейших проблем истории средних веков.

В данную публикацию вошли лекции по истории

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 548, л. 75.

⁵⁰ См. ГБЛ, М.3598.XXVI, л. 14. Интересно отметить, что в записи Собчакова есть два листа, написанные рукой Бессонова (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, сд. хр. 2, л. 178—178 об.).

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 46, № 548, л. 75.

раннего средневековья, имеющие наиболее существенное значение, и лекции обобщающего характера (25, 26, 27, 29 и 43-я), касающиеся истории периода развитого феодализма. Из 43 лекций мы публикуем лишь 13, что вызвано не только ограниченным объемом книги, но и другими соображениями: материалы ряда лекций известны отчасти по публикациям М. Коваленского и П. Милюкова, а также по опубликованным работам Грановского; некоторые из лекций носят описательный характер. Часть курса представлена фрагментарными записями, подчас плохо передающими стиль и манеру лекторского изложения и не дающими целостного представления об их содержании.

В виде исключения лекции 16-я и 29-я публикуются частично. В лекции 16-й опущен материал второго часа чтения, где Грановский в основном цитирует извлечения из Аммиана Марцеллина и Сидония Апполинария, рисующих быт аристократии, германских вождей, почти не комментируя этих материалов. Из лекции 29-й публикуется та часть, где вкратце обрисовано положение средневекового крестьянства, и опущена последняя часть, содержащая беглую характеристику положения евреев и так называемых «проклятых пород» (сюжеты, известные по опубликованным работам Грановского, посвященным специально этим вопросам⁵²).

Курс открывается сравнительно кратким введением, посвященным задачам исторической науки, здесь же дан обзор литературы и источников, значительно обогащенный по сравнению с предыдущими курсами. И во введении, и далее, во всем курсе, можно обнаружить, как откликается ученый на важнейшие вопросы современности. «Более нежели когда-нибудь,— говорил Грановский, открывая в сентябре 1848 г. свой курс,— история имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением»⁵³.

⁵² См. Т. Н. Грановский. Сочинения, стр. 110—134, 439—446.

⁵³ См. ниже, стр. 88.

Большое место в курсе занимает проблема падения Римской империи, внутреннего кризиса в IV—V вв. Из этой группы лекций в публикацию включены 2-я и 4-я лекции. Лекция 3-я, в основном имеющая описательный характер, опущена, хотя и в ней Грановский ставит важные вопросы; он, в частности, говорит о тяжком труде народа, о том, что рабы в Риме являлись производителями материальных ценностей: раб — создатель всех благ для «немногих»⁵⁴. Как бы откликом на выступление пролетариата во Франции прозвучали в сентябре 1848 г. слова Грановского о различии между древними и новыми пролетариями. Новый пролетарий, говорил он, «с оружием в руках требует труда и приличного вознаграждения за труд, древний требует хлеба без труда»⁵⁵. Упадок Римской империи Грановский связывает с поглощением свободного труда рабским, с тяжелым положением широких слоев народа.

Лекция 4-я открывает раздел (4—6-я лекции), посвященный анализу состояния культуры и науки в поздней Римской империи. В этих лекциях нетрудно обнаружить следы творческого общения Грановского с Герценом. Еще в своей рецензии на книгу А. Шмидта «История свободы исповеданий и мысли в первое столетие Империи и христианства»⁵⁶ Грановский, цитируя книгу Герцена, писал: «Пользуемся случаем напомнить нашим читателям блестящую и верную характеристику стоицизма, помещенную в «Письмах об изучении природы» г. Искандера»⁵⁷. Несколько позднее, в лекциях 1848 г., он опирается на эти же материалы книги Герцена, когда характеризует, например, стоицизм, деятельность Юлиана Отступника⁵⁸.

⁵⁴ В лекциях этого же года по древней истории Грановский говорил: «Греческий мир... был невозможен без рабства в самом тяжелом значении этого слова; надобно было, чтобы за свободного грека работал другой и снял с него все тяжести житейских забот, тогда грек развивался как ученый и художник» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 112 об. — 113).

⁵⁵ ГБЛ, М. 3598. XXI, л. 9.

⁵⁶ Ad. Schmidt. Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christentums. Berlin, 1847.

⁵⁷ Т. II. Грановский. Соч., стр. 462.

⁵⁸ Ср. А. И. Герцен. Собр. соч., т. 3, 1954, стр. 192—193, 208.

5-я и 6-я лекции, отчасти известные по публикации М. Коваленского⁵⁹, опускаются. Материалы этих лекций по истории, философии и литературе служили Грановскому для пропаганды идеи широкого распространения просвещения и свободомыслия. В этот период усиления реакции, когда, как писал Герцену Грановский, «деспотизм громко говорит, что не может ужиться с просвещением», он использовал любую возможность, чтобы пробудить у слушателей чувство протеста против насилия над каждой новой мыслью. Характеризуя просвещение поздней Римской империи, он имел в виду николаевскую реакцию, когда говорил: «До самого Веспасиана преподаватели были свободны; при нем они начали получать жалованье. С одной стороны, это, конечно, обеспечило их, но с другой — принесло страшный вред науке: наставники вошли в состав чиновников, сделались орудиями власти, относительно которой они были столько независимы, сколько можно было это сделать в Римской империи. Но это было еще не главное зло: главное зло лежало в том раздвоении убеждения и речи, мысли и выражения, сущности и формы, раздвоении, которое должно было, без сомнения, проглядывать и наружу. Большая часть наставников, разумеется, отложила уже от официальных верований государства, не признавала его законных форм, а между тем в школе, на кафедре должны были исповедовать истинность государственных учреждений. Это опять была новая ложь, ложь, которой нельзя было не узнать, как только она появлялась на устах. Осторожному и честному наставнику оставалось одно — молчать о важнейших вопросах человечества и государства; а оттого между ним и учеником оставалось всегда нечто недосказанное, полупонятое, полувывмышленное»⁶⁰.

Эти слова историка воспринимались как разоблачение той двойственности, на которую был обречен сам Грановский. Достаточно вспомнить слова Салтыкова-Щедрина, писавшего, что Грановский должен был «прибегнуть к целой системе уступок, чтобы удержать хоть частицу того, в чем заключалась сущность его истори-

⁵⁹ «Голос минувшего», 1913, № 9, стр. 222—225.

⁶⁰ ОППГМ, ед. хр. 20, л. 19.

ческого взгляда»^{60а}. 6-й не публикуемой нами лекцией заканчивается обзор римской культуры, характеризуются состояние литературы и философии этого времени, причины их упадка. Рассматривая состояние развития естественных наук в Римской империи, Грановский вновь обращается к вопросу о тягостном труде народа в прошлом, проводя аналогию с современной ему жизнью. Однако, не осмыслив противоречий капиталистического общества, он, в отличие от Белинского и Герцена, питал иллюзии, будто развитие техники облегчит участь трудящихся. Цель науки, говорил он, «заключается в снятии с человека проклятия добывать в поте лица хлеб свой. Труд будет облегчен, когда будет действовать машина, но древний мир не заботился об этом облегчении: в древнем мире раб был машиною»⁶¹.

Содержание последующих 7-й и 8-й лекций, которые мы также опускаем, составляет история раннехристианской церкви, развитие ее учреждений и анализ «христианской литературы». Отмечая в своих лекциях глубокий кризис древней «языческой» культуры (IV—V вв.), чуждой «великим вопросам» эпохи, Грановский подчеркивает, что эта культура была проникнута «мелкими интересами» (л. 18). Попытки отдельных личностей (Юлиан Отступник) повернуть развитие вспять, вернуть античной культуре, язычеству утраченный блеск оставались бесплодными. Единственной наградой тем, кто предпринимал подобные попытки, стало «трагическое сочувствие грядущих поколений» (л. 18 об.).

Рядом с этим старым разлагающимся обществом поднималось христианство, исполненное, по словам Грановского, «жизненных начал». Своим успехом оно было обязано тому, что распространялось прежде всего между «бедными классами» и лишь впоследствии стало проникать в «высшие» (л. 19 об.). Грановский, подчеркивая значение «живых верований» для «страждущих», для народа, так же как и другие буржуазные историки, не показывал, что эти «верования» примиряли угнетенных с земными страданиями. Однако и в этих лекциях сказалось

^{60а} Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. VIII, 1937, стр. 210.

⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 14.

стремление ученого к реалистическому объяснению прошлого. Интересны его замечания об эволюции раннехристианской церкви, которую он характеризует как демократическую; лишь во II в., подчеркивал Грановский, выделение клира и формирование духовной иерархии свидетельствовали о перерождении христианской общины. Грановский дает в этой лекции также анализ ранних христианских ересей.

Много места в своем курсе Грановский отводил истории древних германцев, их общественному строю (9, 10-я и часть 11-й лекции), интерес к которому связан был с условиями русской жизни. Уже в этих лекциях, т. е. задолго до появления замечательной работы «О родовом быте у древних германцев»⁶², Грановский ищет черты «сходства» у различных племен, проходивших, как он подчеркивает, одинаковые стадии общественного развития. Он полемизирует с шовинистической немецкой историографией, ставившей германцев «выше всех других племен — славян и кельтов»⁶³. Грановский не сумел еще подойти к той глубокой характеристике древнегерманской общины, которая содержится в его работах 50-х годов; анализ данных Цезаря и Тацита еще несколько расплывчат, подчас не четок, однако и в этих лекциях много ценных наблюдений, явившихся основой для решения проблемы в дальнейшем.

Лекции 11-я и частично 12-я, посвященные детальному анализу германской и скандинавской религии и мифологии, с подробным изложением германского эпоса, опускаются, так как носят в основном описательный характер. Из большого раздела, посвященного так называемым переселениям народов и образованию варварских государств (лекции 12—19-я), мы публикуем 15, 16-ю и 18-ю лекции, в которых виден интерес Грановского к социальной истории. Салическая, Бургундская, Вестготская правды служат в них материалом для сопоставления и анализа. Грановский пытается выяснить происхождение феодальных отношений, значение королевских земельных пожалований дружинникам, роль

⁶² См. Т. II. Грановский. Соч., стр. 92—109.

⁶³ ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 20, л. 42 об.

бенефиция в процессе феодализации, подчас полемизируя по этим вопросам с западноевропейскими историками.

В опущенных нами 12-й и 13-й лекциях дается оценка государства Сасанидов как деспотической державы, раздаваемой «чуждыми разнородными элементами» (л. 41), рассматривается историческая обстановка, в которой протекало «переселение народов». В сравнительно отрывочных записях 12-й лекции обращает на себя внимание мысль о том, что скифы представляли собой отнюдь не единый народ, что это собирательное обозначение относилось к самым различным этническим группам; ведь «нынешняя Россия, — говорил Грановский, — была некогда большой дорогой» развертывающегося движения с Востока на Запад (л. 43). В этих же лекциях сохранились высказывания о ценности трудов русского ученого-китаеведа Иакинфа (Бичурина), раскрываются полемические приемы Грановского, который выступал против концепции Ю. И. Венелина.

Вторжение и поселение готов, вандалов, бургундов и франков на территории Римской империи рассматриваются не только в публикуемых, но и в 14, 17-й и 19-й лекциях. Грановский, показывая переплетение германских и римских порядков в ходе образования «варварских» государств, стремится раскрыть своеобразие этого процесса, анализируя, например, характер поселения лангобардов в Италии. В 19-й и 20-й лекциях рассматривается развитие Франкского государства при первых Каролингах, реформы Карла Мартелла (в частности, его бенефициальная реформа). Остановливаясь в этих же лекциях на судьбе Италии после поражения остготов в войне с Византией, Грановский отмечает крайне реакционный характер политики Юстиниана в завоеванной стране (л. 85).

В сравнительно отрывочных записях 19-й лекции есть замечание о социальных сдвигах, происшедших в Италии в связи с образованием государства лангобардов. В этих лекциях выясняются исторические условия создания Папской области, уделяется внимание деятельности христианских миссионеров в IX и X вв.

Опускаются лекции по истории образования и распада монархии Каролингов (20 — 22-я), в которых Грановский подробно останавливается на военной и за-

конодательной деятельности Карла Великого. Обращаясь к «внутренней» истории этого периода, Грановский дает здесь анализ капитуляриев, в том числе и капитулярия о поместьях. Грановский, как это видно из лекций, понимает (правда, не очень отчетливо), что в это время происходит переворот в поземельных отношениях, хотя он и не в состоянии вскрыть коренные причины процесса феодализации. «Многие факты этого времени, — говорит он, — свидетельствуют уже о появлении нового феодального начала в жизни: это именно уменьшение числа свободных и полноправных людей» (л. 97 об.). Грановский видел в феодализме не только систему политической раздробленности, но и комплекс определенных социальных явлений. Это позволило ему глубже подойти к выяснению причин непрочности монархии Карла Великого. Он усматривает их не только в этнической пестроте, но и во «внутреннем порядке вещей» самой империи, в частности, в том, что крестьяне образовывали многочисленные толпы «недовольных, отринутых обществом», так как теряли свободу и разорялись (л. 100). Еще при Меровингах и Карле Великом, говорил он, «мы видим... медленное движение латино-германских народов к феодализму, результатом которого было уничтожение собственности, переход ее в феодальные владения. Прежние полноправные германцы делались или ленниками графов, или нечто вроде зависимых от них колонов» (л. 100).

Будучи далек от понимания проблем формирования наций, соотношения народностей и наций, Грановский все же пытается поставить в 22-й лекции эти вопросы. Здесь и в последующих 23-й и 24-й лекциях Грановский излагает историю вновь образовавшихся европейских государств — Франции, Италии, Германии, а также останавливается на положении церкви в IX — начале XI в.

Интересна трактовка вопросов истории культуры раннего средневековья в 23-й лекции, сказавшаяся, например, в характеристиках тех мыслителей, которых преследовала церковь. Грановский, рассказывая о средневековом эносе, попутно касается борьбы народов за национальную независимость. Он говорит, что в народных песнях того времени чувствовалась «национальная реакция..., в которой отразилась сильно ненависть к карловингскому владычеству и соединенному с ним порядку вещей» (л. 106 об.).

Опуская в настоящей публикации эту лекцию, мы предлагаем вниманию читателя более общую его лекцию по средневековой культуре, шире охватывающую вопросы просвещения, «умственной жизни» и т. д. (лекция 43-я).

Большое значение для понимания мировоззрения Грановского имеют обобщающие лекции, посвященные феодальным отношениям в Западной Европе и истории городских общин. Из них мы печатаем четыре (25, 26, 27 и 29-ю). Опускается 28-я лекция, рассматривающая историю церкви в раннее средневековье, так как этот вопрос нашел отражение во многих публикуемых нами лекциях, а также лекции с 30-й по 42-ю. В лекции 30-й излагается история средневековой литературы. Грановский отмечал, что историю литературы он будет рассматривать в ее «связи... с общественной жизнью эпохи». Как всегда, характеризуя историографию вопроса, останавливаясь на работах Форнэля, Гервинуса и других, он метко определяет реакционную сущность немецкой романтической школы (братья Шлегели), стремившейся «уйти вспять от настоящего» (ГБЛ. М. 3598.XXI, л. 116).

Литературу средневековья Грановский делит на феодальную, городскую и церковную. Противопоставляя творчество жонглеров поэзии труверов и трубадуров, составлявших «поэтическую аристократию», Грановский отмечал, что последние принадлежали к «высшему сословию», идеи которого «и выражали они в поэзии», оставшейся не понятной народу. В этой лекции интересны также замечания Грановского о формировании народных языков.

История Германии и Италии XI—XIV вв., рассматриваемая в тесной связи, составляет основное содержание ряда последующих лекций (с 31-й по 37-ю). В выяснении целей борьбы императоров и папства, в анализе ее этапов, в характеристике отдельных исторических личностей (например, Григория VII) наиболее отчетливо проявляется противоречивость, подчас идейная слабость ученого. Тем не менее и в этих лекциях много интересных мыслей и суждений, проявившихся в критике литературы по истории Германии, в анализе исторической обстановки в стране и тех общественных сил, на которые опирался Генрих IV в борьбе с папой, в трактовке восстания саксов. Интересны и высказывания ученого о дея-

тельности Арнольда Брешианского, в котором он видит «достойного ученика Абеларда», имевшего «смелый взгляд на отношения средневековых властей» (там же, л. 130). Немало места уделено в этом разделе курса освещению деятельности Фридриха II, историческое значение которого переоценивается ученым. Отмечая, что Фридрих II, терпимо относившийся к иноверцам, жестоко преследовал еретиков, Грановский говорил, что ереси в Северной Италии носили не только религиозный, но и социальный характер (см. там же, л. 145 об.).

Крестовые походы, их причины, конкретная история и результаты рассматриваются Грановским в лекциях 38, 39-й и частично 40-й. Данная проблематика затронута, однако, не только в этих лекциях. О крестовых походах, об образовании духовно-рыцарских орденов Грановский говорит, когда касается истории Франции, Германии и Италии в XI—XIII вв. Рассматривая исторические условия возникновения крестоносного движения, он касается истории Византии и более подробно останавливается на истории арабов. В лекции 41-й, посвященной истории итальянских городов-государств, особенное внимание обращает на себя характеристика успешной борьбы горожан с феодалами, а также анализ социального и экономического развития Флоренции. В росте торговли и «мануфактур» Грановский усматривал предпосылки серьезных изменений в общественной жизни этой страны.

В этой же 41-й лекции Грановский останавливается на истории Испании XI—XIII вв., подчеркивая своеобразие политического развития этой страны, которое, по его мнению, было естественным следствием реконкисты. Беглый обзор истории Франции и Англии XI—XIII вв. мы находим в 42-й лекции, запись которой крайне отрывочна. 43-й публикуемой нами лекцией завершается курс Грановского.

Обзор педагогической деятельности Грановского не может быть полным без изучения его программ лекций, научных планов, учебных отчетов, которые имеются в различных архивах⁶⁴. Все эти материалы сохранились в виде подлинников или списков.

⁶⁴ См., например, ГБЛ, ф. 84, к. 1. 8, 9, 10, 11, 12, 16, а также ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 18 и др.; ср. ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 2, № 196.

В рукописном наследстве Грановского имеются подлинники его исследований, статей, рецензий и публичных выступлений⁶⁵. Сохранились рукописи важнейшего труда Грановского «О родовом быте у древних германцев», рукописи статей «Песни Эдды о Нифлунгах», «Реформа в Англии» и отрывок статьи «Крестовые походы», опубликованные посмертно, а также рукопись биографического очерка о Нибуре. В архиве имеются, кроме того, черновые автографы полемической статьи Грановского «Письмо из Москвы», статьи, посвященной памяти Н. Г. Фролова, и записки об ослаблении классического образования в русских гимназиях.

Для исследователя интересны рукописи неопубликованных работ Грановского. Это — продолжение статьи, посвященной Нибуру, и начало задуманного Грановским незадолго до смерти труда о деятелях раннего средневековья — Теодорихе, Альфреде и Карле Великом. В Государственном историческом музее хранится незаконченная черновая рукопись (видимо, первая редакция) статьи о Валленштейне, где рассматриваются различные оценки личности Валленштейна, в частности характеристика, данная ему Шиллером.

К этим материалам примыкают и рукописи рецензий Грановского на русские и зарубежные исторические труды. Среди них имеется автограф части его статьи «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 г.», а именно — рецензия на книгу Нича «История Гракхов и их ближайших предшественников», рукописи рецензий на работы П. Н. Кудрявцева — «Италия под владычеством остготов, лангобардов и франков», П. Е. Медовикова — «Латинская империя», на книгу Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.». Среди неопубликованных рукописей сохранились наброски отзыва Грановского о статьях славянофильского направления, представляющие интерес для историка русской общественной мысли, так как они отражают споры Грановского со славянофилами. Здесь же, на обороте страницы рукописи, имеется проект плана работы редакции журнала «Московское обозрение», об орга-

⁶⁵ См. С. А. Асиповская. Архив Т. Н. Грановского, стр. 5—15.

низации которого Грановский безуспешно хлопотал в 1844 г.

Из всех перечисленных материалов в публикацию вошла лишь рецензия на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории», которую Грановский писал, видимо, в связи с выдвижением этого учебного пособия на Демидовскую премию. Рукопись не датирована. Однако ссылки, которые делает Грановский в рецензии на страницы книги Лоренца, показывают, что рецензия писалась на 2-е издание первой и второй частей книги (Грановский критикует также предисловие Лоренца, которое появилось только во 2-м издании, вышедшем в 1847 г.) и на 1-е издание третьей части⁶⁶.

Сохранились черновики публичных высказываний Грановского, его речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» и материалы цикла публичных лекций «Исторические характеристики». В копии, написанной рукой жены Грановского, имеется и речь Грановского 1845 г., в которой ученый-патриот, обращаясь к студентам, говорил: «И вам и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение нашей великой России — России, идущей вперед и с равным презрением внимающей клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак»⁶⁷.

Имеются в архивах также тексты чтений, которые Грановский устраивал дома и в кругу друзей: лекция «Об Океании и ее жителях», напечатанная посмертно, и лекция, прочитанная, возможно, в доме Герценов для Наталии Александровны Герцен и ее друзей⁶⁸. Из всех этих материалов в публикацию включается набросок лекции, которую Грановский готовил для чтения в Поречье (имение графа Уварова), «О переходных эпохах в истории человечества» — тема, всегда интересовавшая историка.

⁶⁶ См. Ф. Лоренц. «Руководство к всеобщей истории», ч. I. СПб., 1845; ч. II, отд. 1, 1847; ч. II, отд. 2, 1851; ч. III, отд. 1 и 2, 1847.

⁶⁷ ГБЛ, ф. 84, к. 1. 2.

⁶⁸ ГБЛ, ф. 84, к. 2. 57.

В последние годы жизни Грановский много работал над созданием учебника, неоднократно высказывая неудовлетворенность теми бесчисленными «руководствами», которыми пользовались школы того времени. Процесс этой работы нелегко проследить по материалам архивов⁶⁹, так как сохранилась в основном лишь последняя редакция глав учебника.

Научное творчество Грановского не только находилось на уровне развития современной ему науки. Оно показывает, что ученый по-новому, с прогрессивных позиций подходил к разработке ряда важных проблем средневековой истории. Разумеется, с точки зрения современного читателя, трактовка ряда вопросов (особенно в публикуемом конспекте лекций) представляется устаревшей; однако, за исключением отдельных случаев, мы не оговариваем в примечаниях устаревшие или неверные, с точки зрения современной науки, оценки событий, формулировки, термины, которые встречаются в данной публикации.

* * *

Подготовка данной публикации осуществлялась в соответствии с основными правилами издания исторических источников: документы печатаются в хронологическом порядке, предположительно датированные — в конце публикации.

Особое внимание при публикации материалов мы уделяли автографам Грановского. Это прежде всего относится к работе над текстом собственноручного конспекта Грановского. Зачеркнутые слова и фразы, вставки, сделанные над строкой и на полях, имеющие какое-либо смысловое значение, отражены в примечаниях под строкой.

Из черновых автографов рецензии на книгу Ф. Лоренца и лекции «О переходных эпохах в истории человечества» в публикацию вошли лишь основные варианты текста; стилистические исправления не воспроизводятся. Конец отрывка указанной лекции сохранился в двух вариантах, мало отличающихся друг от друга. Мы пуб-

⁶⁹ См. ГБЛ, ф. 84, к. 1. 13, 14, 15; ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 18

ликуем один из вариантов, а наиболее существенные дополнения второго варианта приводим под строкой.

Рукопись В. Собчакова — в основном черновая, в ней много вставок над строкой, на полях, а также много недописанных слов, которые восстанавливаются путем сопоставления с другими редакциями лекций. Многочисленность этих поправок заставила нас, в виде исключения, публиковать текст, не оговаривая каждого исправления. Оговариваются только те примечания на полях, которые не являются частью текста лекций, а имеют самостоятельное значение. 43-я лекция в рукописи Собчакова трудно читается, поэтому мы ее публикуем по тексту рукописи Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (М.3598.XXI) с указаниями на многочисленные разночтения. Наиболее важные расхождения в текстах различных редакций курса лекций 1848/49 г. с рукописью Собчакова даются в подстрочных примечаниях. Номера лекций устанавливаются в основном по рукописи М.3598.XXI.

Заголовки к документам даны составителем. Текстуальные примечания даются под строкой и имеют буквенное обозначение; расширенные примечания справочного характера даются в конце сборника и обозначаются цифрами. В эти примечания включены и разночтения, взятые из записей лекций 1843/44, 1845/46, 1850/51 гг. и других лет (они публикуются без воспроизведения зачеркнутых мест и не входящих в основной текст помет на полях). Примечания подлинника даются под строкой и обозначаются звездочкой.

При явном пропуске или искажении слова в автографе оно восстанавливается нами и берется в квадратные скобки. Явные описки в воспроизводимом документе исправляются без оговорок. Опущенный, а также утраченный текст (например, утерянное начало рецензии Грановского на книгу Ф. Лоренца) мы обозначаем многоточием. После каждого документа дается легенда с указанием названия архива, в котором хранится рукопись, наименования фонда, номера описи и дела, а также указывается, является ли документ подлинником.

Текст публикуется по правилам современной орфографии, собственные имена и географические названия даются в транскрипции подлинника. Наиболее распространенные слова, написанные в подлиннике сокращенно

(например, «д. б.» вместо «должно быть», «к-рый» вместо «который», «хр.» — вместо «христианство» и т. п.), восстанавливаются нами без специальных оговорок.

* * *

При подготовке этого издания были использованы ценные советы А. А. Новосельского, А. Д. Люблинской, Е. В. Гутновой, А. И. Данилова и А. П. Левандовского; в археографической обработке рукописи большую помощь оказал Б. В. Тихонов; ряд важных замечаний был сделан в процессе обсуждения публикации в секторе источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и в секторе истории средних веков Института истории АН СССР.

КОНСПЕКТ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ (1839/40 г.)

...¹ К этому началу полезности присоединилось другое: важны и достопримечательны с[обственно] те факты и лица, которые имели влияние на целые народы, части света или даже все человечество. Но прежде всего надлежало бы в этом случае определить понятие об историческом величии, о роде исторического влияния, дабы не впасть в ошибку Шлецера² и, приняв^а за главное отношение количество миль и душ, не поставить^а Нина³ и Тимура наравне с Александром и Цезарем, а Афины^б мелким городком пред империей монголов. Истина ускользнула здесь от рефлексии: важность народа стала определяться не тем, что он был сам по себе, а тем, чем был для других; и самая цель В[семирной] истории сделалась^в снова частной^в, т. е. указание всего^г того, что^г имело влияние на современность.

Влияние фактов^д было не только главным мерилom при выборе оных и главным средством для подведения

^{а--а} *Написано вместо зачеркнутого:* не принять за главное количественные элементы, число миль и душ. Т[аким] обр[азом], Нин и Тимур стали

^б *Далее зачеркнуто:* явились

^{в--в} *Написано вместо зачеркнутого:* опять стала специальной

^{г--г} *Написано вместо зачеркнутого:* событий и лиц

^д *Написано вместо зачеркнутого:* событий

целого к единству. Всемирная история имеет дело с событиями в их связи между собой. В этом она сходится с прагматической историей, для которой причинность имеет величайшее значение, ибо ее практическая цель требует изложения причин, намерений действующих лиц, их средств и обстоятельств, содействовавших к приведен[ному] результату. У новых главный интерес заключается в уразумении фактов чрез знание их происхождения и последствий. Отсюда — характеристика, разложение отношений^а — блестящие части^б прагматической истории. Это стремление к понятному соединению причин с следствиями ставит прагматическую историю выше, чем стояла история в ср[едние] века; но для всемирной истории это превосходство не столь важно, ибо чрез оное не достигается ее основное условие — единство, потому [что] дело идет не об общих, глубоких причинах, а об отдельностях, событиях^в, лицах и т. д., которые только^г внешним образом^г действуют одно на другое, причем важную роль играют случай и произвол. Но начало прагматической и[сто]рии, если мы будем последовательно развивать его, доводит до нелепости. Ибо всякая причина слагается^д из множества составных частей и новых причин: эта цепь без конца. В мемуарах можно^е показать^е субъективные и случайные причины великих событий — эгоизм и т. д. И в этом же духе был результат всемирной истории, что человек^ж в основании один и тот же, что нового нет ничего — таким образом, история сама признавала ничтожество своих результатов. Всеобщая история не такова. ||

Между тем как Всемирная история оказывалась **4. 1 об** неспособной возвыситься^з до^з Всеобщей истории, явилось^и нов[ое] учение^и с такими же притязаниями.

^а Написано вместо зачеркнутого: различ[ных] отношений

^б Написано вместо зачеркнутого: стороны

^в Написано вместо зачеркнутого: случаях

^{г—г} Написано вместо зачеркнутого: находятся между собою в

^д Написано вместо зачеркнутого: состоит

^{е—е} Написано вместо зачеркнутого: хоро[шо]

^ж У Виноградова: мир

^з Написано вместо зачеркнутого: занять место

^{и—и} Написано вместо зачеркнутого: явилась новая наука

В 1764 г. швейцарец Изелин напечатал^а первую историю человечества⁴; многие немецкие и английские ученые пошли по его следам. Цель такой истории вообще показать, как человек при известных влияниях климата, образа жизни, общества переходит от состояния дикости к образованности. Это не есть собственно история, а размышления, отвлеченные от фактов: большей частью дело идет о доисторических кочующих и охотничьих племенах; между тем как о различных степенях образованности, которых разнообразие составляет историю, говорится как об одном и том же. В начале 19 века это поле было снова оставлено, но оно уже успело принести плод для Всеобщей истории. Во-1-х, было выставлено, хотя поверхностно, понятие о человечестве, потерявшееся в подробностях Всемирной истории; во-2-х, высказана идея о совершенствовании, прогрессе человечества. В средние века, как^б в^б древних теократических государствах, господствовала нехристианская мысль о постоянном упадке человечества, который^в начался^в так рано, что времена, непосредственно следующие за Христом, уже назывались *aetas decrepita*. 18 столетие примкнуло здесь к греческим^г идеям^г, по которым человек^д с помощью богов или чрез борьбу с разнообразными потребностями, переходит от состояния дикого или даже животного к цивилизации. 18 век гордо сознавал свои подвиги и смотрел на диких, с которыми так часто приводили его в сношение открытия путешественников и торговля, как на первобытных людей, между состоянием которых и европейского человека лежал длинный ряд ступеней развития. Необходимость прогресса доказывать было нетрудно. Она заключается не в одном стремлении человека к улучшению, но и в умножающейся непрерывно сумме знаний, опытов и т. д., которые предание хранит для общества. Таким образом, в 1795 г. Кондорсет математически вычислил необходимость прогресса⁵. Записные

^а Написано вместо зачеркнутого: написал

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: наподобие

^{в-в} В рукописи: которое началось

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: [греческому] воззрению

^д У Виноградова: мир

историки восстали^а против этой идеи и справедливо, если под человечеством должно разуметь всех жителей земного шара. История являет нам зрелище беспрерывных перемен, процветания и увядания, жизни и смерти. Большая часть земли целые тысячелетия погружена в невежество, и некоторые страны по природе своей, кажется, навсегда обречены на такой удел. Даже у образованных народов при философском исследовании оказываются те же страсти, пороки, как и у диких, следовательно, различие только внешнее. Спор шел о подобных мелочах, важных в глазах легкомысленного века.

Посмотрим теперь на жизненное начало, по-видимому, враждебных [друг другу] Всемирной истории и истории человечества. Мы тотчас увидим, что и та, и || другая л. 2 находились под владычеством рассудочной философии Локка и Кондильяка. Вообще, едва ли какая другая система имела такое влияние. Для^б нее^б человек сам по себе собственно ничто, без содержания и направления, без определения, простой материал, который получает форму и все извне, чрез стечение обстоятельств, климата, рода жизни, пищу, принуждение, пример. Отсюда высокое значение этих причин, в отыскании которых заключалась задача историка-философа; здесь история человечества сходится с прагматической. Из того же источника выходит гордое самосознание истории, которая явилась наставницей и крепко настаивала на своих правах; ее ненависть ко всем явлениям, которых она не могла объяснить: она учила, что из человека можно все сделать; учреждения и религия наравне с другими изобретениями^в могут быть^г даны человеку извне^г, если только предрассудки и страсти не помешают. История и человек — простые материалы без внутреннего содержания и развития. Субъект стал единственным [основанием] такого единства в истории. Отсюда же поверхностные характеристики: все люди равны, различия внешние — образованность, утонченность. Поэтому, история образованности чело-

^а Написано вместо зачеркнутого: подняли[сь]

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: по ней

Написано вместо зачеркнутого: открытиями

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: измениться

вещества — такая же внешняя, как и другие; ее содержание — происхождение и прогрессивный^а ход^а наук, искусств, учреждений как товара, который переходит из рук в руки, постепенно увеличиваясь, следствием чего должно быть просвещение, удобства жизни и смягчение нравов, из-под которого, впрочем, виден еще старый Адам. Что цивилизация есть в то же [время] источник нравственного улучшения, чему^б, впрочем^б, противоречили история и действительность, этого более желали, но не решались говорить утвердительно.

Славнейший враг этой сухой теории прогресса был Гердер. Он не мог совершенно отделиться от заблуждений века, но его превосходное творение «*Ideen zur Philosophie der Geschichte*»^б содержит в себе семена, из которых должна была выйти новая наука истории. Признание индивидуальных особенностей национальных характеров вместо абстрактного представления об общей человеческой природе, источник которых живая, по внутреннему закону развивающаяся сила, которая в соединении с обстоятельствами определяет ход событий, вместо простой внешней причинности, наконец, понятие о всеобщей истории как о прогрессе сил и форм, а не^в накоплении и наследственности внешних средств — суть ныне идеи, общие всем историкам. Но полное торжество над понятиями 18 века в приложении их к истории суждено было немецкой философии. ||

л. 2 об. В одном году с творением Гердера (1784) вышло сочинение Канта: «*Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*». Полное развитие всех способностей человечества есть требование разума, которого исполнение возможно только при совершенном государственном устройстве и правильных^г внешних отношениях государств между собой; эта идея должна служить нам нитью для соединения безобразного агрегата человеческих дел в стройную систему. Он сам не развил эту идею, и его ученики, пытавшиеся совершить это, немно-

а—а *Далее зачеркнуто:* приращение

б—б *Написано вместо зачеркнутого:* об этом

в *Далее зачеркнуто:* внешнего

г *Написано вместо зачеркнутого:* законовых

го^а сделали^а. Система, которая не признавала познаваемости предметов, которая переносила из субъекта на них соединяющие формы причинности, могла произвести внешнюю схему, а не философию истории. Творцом^б ее был Шеллинг, который в своей *Identitätsphilosophie* положил основную идею, который обработал философию духа особым образом и приложил ее к историческому материалу. Но у Шеллинга только намеки; большое обещанное сочинение еще не выходило. Лекции Гегеля о философии истории изданы в 1837 [году]. Это одно из его слабых произведений. Философией истории заключается у него философия права, ибо он также под историей^в разумел только политическую историю народов, ограничивая, таким образом, ее значение. Но он сам дополнил и исправил себя в философии религии, эстетике, истории философии.

Простое начало, на котором основана философия истории, есть выражаемое уже в языках согласие зримого с незримым, природы с духом, тождество реального с идеальным, бытия с мышлением. Это только две стороны одной сущности, вышедшие из одного корня — из абсолютного или понятия, или, лучше сказать, это — само абсолютное, открывающее себя в явлении; оно осуществляет и составляет зиждительную силу истории и природы; субъективный дух и мир подчинены одному закону, совершают один и тот же процесс развития. Одно отражается, как в зеркале, в другом. Задолго до философии истории, в темном предчувствии тождества законов природы с законами человечества, стали употреблять образные выражения: произрастание^г, цвет, || увядание и ^{л. 3} пр., для означения отделов человеческой жизни. Но несовершенное не может быть полным выражением совершенного. По Гегелю, только сознающий себя внутренне дух обладает полным и ясным уразумением истории и природы; он узнает в ней (истории) свою сущность, собственную историю, как он из темной глубины сознания

^а—^а Написано вместо зачеркнутого: не возвысились над

^б В рукописи явная описка: творцами

^в ^г Написано вместо зачеркнутого: философией

^г Написано вместо зачеркнутого: растения

постепенно чрез различные формы мышления достигает до полного самосознания. Извлечь из глубины этого, стоящего выше всякого опыта, самосознания, общие понятия, лежащие в основании исторических явлений, — разумное, существенное, с их внутреннюю, логическую необходимость, показать, что случившееся должно было случиться по внутреннему логическому закону, оправдать историю — вот задача философии истории.

Историки восстали и против этих идей отчасти вследствие заносчивости, с какою философы прилагали их, отчасти вследствие уважения к собственной науке. Она не должна вступать в службу системы, еще не победившей всех противоречий, еще находящейся в борьбе. У истории, как и у философии, есть определенная ее собственным понятием граница, за которую она не должна переходить. Ее содержание составляют факты, данные опытом, определенные обстоятельствами, ее форма не есть чистая отвлеченная мысль, а живое созерцание. Конечно, Всеобщая история должна восходить от отдельных явлений к общему, к неизменному, к закону; но она идет путем обыкновенного размышления и только то, что в ней самой открывается, имеет в ней место. Подобно естественным наукам должна она ограничиться наблюдением однообразно повторяющихся случаев и выводом закона или общего правила.

Но при всех усилиях историю невозможно охранить от чуждых влияний^а. Каждый вносит^б в^б нее собственные предположения, которые определяют^в весь его взгляд на науку; если не самая философия, то идеи ее, отрешенные от строгой научной формы и живущие в общем сознании, проникают в историю. Те же люди, которые так гордо отстаивали независимость истории, защищали ее против насилия новой философской системы, сами, без сознания, были приверженцы старой, уже отжившей системы. Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиваться. ||

^а Далее зачеркнуто: других наук

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: приносят в

^в Написано вместо зачеркнутого: устанавливают

Самая плодотворная из этих идей есть взятая из естествознания идея органической жизни. Она произвела^а в последние 2 или 3 десятилетия совершенную перемену в обрабатывании истории и других наук, как-то языкознания. Она сообщила внутреннее единство, существенное условие Всеобщей истории. Мы сначала покажем понятие о народе.

Выходящее из этой идеи понятие противоположно рефлектирующей истории, ибо оно содержит в себе не внешности, а внутреннее. Народ не есть скопление внешне соединенных лиц, но живое единство, система многообразных сил, над которыми властвует одна основная сила. Причины его существенных изменений лежат в нем самом. Основная сила есть народный дух, который при бесконечном разнообразии лиц и кругов, к которым они принадлежат: племена, общины, кланы, отражается во всем и, несмотря на разнородность частных целей, удерживает одно общее направление. Народ не составляет[ся] атомистически вследствие произвола, соглашения или гнета обстоятельств, так же как язык его произвольно сочиняется. При всем могуществе внешних влияний, которого отрицать невозможно, внутренняя сущность народа, его особенность выходит не из них. Дух ее — живая, деятельная сила, а не страдательная масса; он усваивает себе все приходящее извне и кладет на него свою печать, как господин и хозяин.

Врожденный гений народа, происхождение^б которого непроницаемо^б, сущность таинственна, выходит из своей сокровенности к сознанию и истории чрез проявления свои и получает более или менее твердый образ, смотря по мере сил своих и успехов. Дела народа, его судьбы, учреждения, религия, язык, искусство — суть откровения народного духа, органы его деятельности, деятельные силы истории.

Всякая жизнь условлена борьбою противоположных сил, которая наконец заключается каким-нибудь продуктом, полезным для целого, которому принадлежат эти силы. В великом организме народа совершаются

^а Написано вместо зачеркнутого: совершила

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: таинственный в сущности своей

такие же борьбы не только лиц, но и кругов, на которые подразделяется народ. Таким образом, один простой закон владычествует в беспрерывных повторениях природы и человеческого мира, но с тем различием, что в л. 4 природе этот процесс совершается || как однообразное круговращение, в истории он совершается^а над вечно новыми^а предметами, ибо ни один момент не равен другому. Вечно новые противоположности, и никогда не возвращаются они к прежним пунктам, из борьбы их исходят вечно новые результаты. В строгом смысле они не существуют^б современно один с другим, но последовательно сменяют друг друга, потому что самая могучая сила одолевает другие и делается господствующею, так что она заступает более или менее место народного духа, пока она не достигнет высшего напряжения своего и не произведет сама собственной гибели. Эти колебания от одного к другому до крайностей суть шаги истории.

В понятии органической жизни вообще и духа в особенности лежит, что его основа (Anlage) не вдруг переходит в действительность, но развивается в известном порядке и что этим движениям^в внутренней сущности соответствует изменение органов и внешних образов. Это развитие или история совершается независимо от случая и произвола — по законам, как явствует из простого заключения, что всякое великое явление, всякое определенное направление народной жизни — поэзия и проза, наука и искусство, различные формы правления, религиозные воззрения — имеют в целом определенное во времени место, когда они цветут; между тем как искусственные способы доставляют им только мимолетное и бедное бытие. Каждое такое направление предполагает особенное расположение, преобладание особенных духовных сил, которые только однажды достигают до полного могущества и потом уступают место другим, приносящим другие плоды, как случается и в жизни отдельного человека, что давно было предчувствовано в истории и выражено

а—а *Написано вместо зачеркнутого:* является беспрестанно с новыми

б *Написано вместо зачеркнутого:* находятся

в *Написано вместо зачеркнутого:* изменениям

сравнением ее эпох с возрастами человеческой жизни^а. Каждый возраст образует особый период, которого границы не могут быть резко означены, потому что переходы незаметны, и вообще в истории нет резких отделов: упадок старого и происхождение нового взаимно условливают одно другое и отличаются особенностью характера уже в эпохи полного развития. В младенчестве народов жизнь, связанная природою, обычаем, верой, течет тихо и однообразно; одни учреждения и идеи переходят от поколения к поколению, и немногие перемены совершаются^б так постепенно, так бессознательно для народа, что они не составляют почти предмета для истории, которая должна ограничиться описанием этих неизменяющихся положений и немногих внешних событий. || Исто- л. 4 об.
рическое время открывается переходом из юношества к возмужалости, пробуждением духа из природы и его раскрытием в многообразии форм и индивидуальностей на основании прежней, общей родовой жизни, наконец, стремлением свободно и обдуманно создать и расширить свое бытие; но тогда начинается борьба возникающих противоположений, борьба тем более упорная, чем упрямее в требованиях пробудившийся к сознанию дух и отверделые внешние формы, тем более резкая и общая, чем более в нее входят идеи, а не практические потребности. С беспрерывно^в ускоряющейся скоростью повторяются эти переходы от периодов спокойного образования к переворотам, разрушающим эти формы и зиждущим новые, до тех пор, пока наступит время, когда истощенные силы перестанут производить новые явления и содержать в порядке уже существующие, оцепенеют^г и потеряются. Тогда наступает старость народа, которая высказывается в медленном замирании прежних живых форм, в возрастающем равнодушии, в отвращении к собственному духу народа, к его обычаям, его верованиям и государству, в беспрепятственном вторжении чуждых, даже враждебных

^а Далее зачеркнуто: это сравнение тем плодотворнее, что то, что там рассеяно на длинные периоды

^б Написано вместо зачеркнутого: происходят

^в Написано вместо зачеркнутого: постепенно

^г Написано вместо зачеркнутого: охладяют

элементов^а, в усилении частных интересов и в государственном механизме, последней внешней связи между мертвыми атомами; высшее произведение этого периода народной жизни есть глубокое самосознание, исходящее из созерцания пройденного пути и из стремления к высшему бытию, лежащему за пределами народной жизни. Народ, дошедший до такой степени, может обновиться только чрез принятие нового начала жизни. Весьма^б немногим народам суждено было пройти чрез все периоды органического развития — и между^б ними одни греки, которых развитие от^в детства до кончины^г нам вполне известно и потому разливают свет на жизнь еще не заключивших свое поприще народов.

История^д, принятая как развитие органической жизни, получает единство и средоточие, из которого исходят и к которому сходятся все отдельные явления и силы. Выбор фактов также получает твердое основание; важно то, что характеризует дух в его разнообразных переходах и действует, определяя, на его развитие; но так как степени^е этого влияния различны, то объем может быть более или менее || по произволу, лишь бы было правильно определено соотношение фактов по степени влияния. Так как в человеческом теле нет ничего постоянного, но душа преимущественно обнаруживается в известных частях, некоторые органы при жизненных отправлениях играют главную роль; так, в истории — великие люди, цвет народа, которого дух в них является в наибольшей красоте; между событиями — великие перевороты, которыми начинаются новые круги^ж развития; между положениями^з — те, в которых развитие достигает полноты своей; наконец, между формами — великие

л. 5

^а Написано вместо зачеркнутого: влияний

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: народы также смертны: они могли продолжать свое бытие в [одно слово не разобрано] в атомах, но когда исчез дух

^в Далее зачеркнуто: первого

^г Далее зачеркнуто: последней кончины

^д Перед словом «история» зачеркнуто: идея

^е Написано вместо зачеркнутого: не являют

^ж Написано вместо зачеркнутого: степени

Написано вместо зачеркнутого: состояниям и

общества, в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается: церковь и государство. Государство есть самая обширная и существенная из внешних форм народа, путеводная нить в его истории, но она не есть высшая, главная; содержание, чрез которое оно становится выше простого юридического учреждения, получает оно от других духовных сил, именно от религий, в которых дух народа гораздо непосредственнее и чище отражается. Польза таким образом понятой истории состоит теоретически в познании человека не в ежедневности бытия, а в торжестве его высочайших подвигов, практически в познании закона времен, которым в обширном смысле определяется всякая деятельность.

Следовательно, всеобщая история имеет по понятию своему предметом не весь род человеческий, а только общее, существенное в нем. Она есть история развития человечества.

Что идея организма приложима к целому человечеству, не подлежит сомнению: если части живут органически, то и целое. Человечество одушевлено одним духом, который обособляется в большие и меньшие круги, и идет правильным путем развития. Примером такого общего, объемлющего отдельные народы духа может служить древняя история, которая образует полный период мировой жизни. Но это не освобождает нас от необходимости показать эту идею во всей в[сеобщей] истории. Народы относятся к человечеству, как индивиды к народу. Одни народы живут с другими в разнообразных отношениях, которых влияние обнаруживается^a не^a на одни внешние судьбы, но и на духовные переходы, особливо там, где существует связь племенная. Еще теснее их отношение в последовательном времени даже там, где с падением древних народов и появлением новых, кажется, обрывается нить. Как отдельные народы существуют при непрерывной перемене индивидов чрез рождение и смерть и поколения наследуют поколениям, так вносят борьбы народов, которые кончаются победой одного, падением другого, новую жизнь в историю, результаты их — смешение народностей и обмен их умственных сокровищ. Обыкновенно || победитель усваивает л. 5 об.

^{a--a} Написано вместо зачеркнутого: не ограничивает[ся]

себе, как сильнейший, плоды духовной деятельности побежденного. Вообще, последняя ступень жизни народа имеет то высокое значение, что она совпадает с эпохой распространения его цивилизации, которая именно в эту пору легко передается другим, потому что с нее уже стерлась оригинальность и особенность, делавшие ее годной для одного только народа. Законный наследник этого сокровища, которое не может приносить пользы в руках бывшего хозяина, есть победитель, для которого оно делается плодотворным семенем лучшей и высшей цивилизации. Такие смены народов сходны с переворотом, чрез которые жизнь отдельного народа переходит с одной степени на другую; и здесь, и там это времена искажения, упадка, брожения смешанных стихий, варварства, из которых возникает новый мир: таково переселение народов, когда дело образования, по-видимому, надобно было опять начать сначала. Но это круговращение, периоды силы и упадка не исключают прогресса, шествия вперед человечества, ибо закон природы равнодушен к содержанию.

Успех очевиден даже в том, что принадлежит, собственно, преданию. В особенности это можно сказать о результатах цивилизации или знаниях^а, искусствах, вытекающих из общества, [которые] накаплиются до бесконечности трудами всех и не пропадают уже потому, хоть на несколько времени и могут быть неупотребляемы. Таковы древние цивилизации в средние века. Они составляют беспрестанно увеличивающееся наследие человечества, основание торжества разума над природою. Но они только средство и переходящая собственность и не касаются до глубокой сущности духа; их успех не доказывает напряжения его сил и наоборот. Другое должно сказать о таких элементах образованности, каковы, например, творения классической древности и христианство; происхождение их было глубже, и они стали для новых поколений источником умственного улучшения и укрепления. Но, не говоря о внешнем присвоении, они предполагают для того, чтобы быть принятыми, восприимчивость и особое расположение, которое не везде и не всегда существует, почему нельзя го-

^а Написано вместо зачеркнутого: успехах

ворить о необходимом и постоянном успехе классического образования [и] христианской жизни. Наконец, опыт научает нас, что возможно одно постепенное усвоение и перерабатывание этих стихий; полное воспроизведение их невозможно.

Чрезвычайно важно было бы для истории развития человечества ступени^а, чрез которые шагал всеобщий дух. Мы видим сначала только ряд || резко определен[ных] л. 6 народов. Один сменял другого, но не выходит из него и не наследует его духа; он самобытен и входит в историю как новое творение. Замечательно, что еще до появления такого нового народа, до возможности его влияния на других духовное его начало уже начинает показываться у его предшественника в последнем периоде бытия. Стремление к этому началу очевидно, но уже нет силы для осуществления, и это много облегчает победу пришельца. Эта связь, не зависящая от внешней исторической, непонятная, свидетельствует, быть может, более, чем что другое, о непрерывном развитии.

Введение

л. 7

I. Римская империя⁷. Мнение, полагающее времена римских императоров эпохой величайшего упадка для человечества, обязанного^б возрождением^б единственно нашествию германских племен, справедливо только вполнину. Завоевание и возрождение было обоюдным. Империя уступила натиску суровых пришельцев, приняла их в свои пределы и потом покорила их в свою очередь. В истории нет эпох полного упадка и застоя, а есть времена переходные, когда вырабатываются новые формы и начала для жизни. Римская империя составляет такой переход от древней к новой, от языческой к христианской истории. Мы обязаны Римской империи 1) римским правом и системой государственного управления, основанной на монархич[еских] начал[ах], — административная монархия; 2) соединением в одно целое разнообразных^в стихий древ[ней] образованности и сохранением этой

^а Так в рукописи

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: спасенного

Написано вместо зачеркнутого: начал

образованности; 3) наконец, под сенью империи возникла христианская религия — империя была внешним условием распространения христианского догмата и утвержде[ния] церкви — христианского общества.

1. Управление и гражд[анское] устройство⁸. Ammian[us] Marcellinus⁹ (из Антиохии; история его в 31 книге объемлет 91—378. Первые 13 книг от 91—352 потеряны. Подражает Тациту); Zosimus, жил в конце 5 века, писал историю упадка Римской империи с очевидн[ой] враждой против Константина и христианства. Уцелели 5 книг и начало 6-й¹⁰; Panegyrici veteres latini (от Диоклетиана до Феодосия) — собрание речей, произнесенных в торжествен[ных] случаях пред императором депутатами провинций и городов в 3 и 4 веке. Подло, мелко, но много статисти[ческих] подробностей; Eusebii de vita Constantini, 1.VI, род панегирика*.

Нов[ейшие] первые 25 глав Гиббона¹¹; 1-й т[ом] Савиньи¹²; Bethman-Hollweg. Handbuch des Civilproces[s]; 1-й т. Walter. Geschichte] des r[ömischen] R[echts] bis auf Justinian, 1834**.

За падением республики последовали времена колебаний и постепенной смены старых учреждений другими, более соответственными изменившейся действительности. Вся власть сосредоточилась в руках императора. Значение сената исчезло. Еще при Августе (Jleо) оно^а сошло^а на положение компании***, вроде нынешней Ост-Индск[ой]¹³, но с меньшими правами. У него были || свои провинции, в которые он назначал правителей (proconsules) и с которых собирал доходы aerarium, но большая часть этих доходов шла в fiscus императора на содержание войска, начальство над которым исключительно принадлежало главе государства. Вскоре и эта тень власти отнята у сената. Он сохранил одно печальное право — быть в испорченном Риме представителем прошедших духовн[ых] интересов, между тем как в войске выражалось настоящее с его чисто материальн[ыми] требованиями и презрением к предани[ям]. Отсюда постоянно непри-

* Codex Theodosianus — Эдикт от Константина 438

** Guiso t. Histoire de la civilisation en France.

*** Сенат был также высшим апелляций местом для дел гражданских и судил за преступл[ения] против государства

^{а-а} Так в рукописи

язненное отношение императоров к сенату. В сознании шаткого, не освященного никаким истор[ическим] правом положения они не могли равнодушно смотреть на сословие, бессильное по характеру большинства сочленов и вследствие нов[ого] хода^а дел^а, но опасное по воспоминаниям, не совсем замершим в народе, и потому только одно это сословие могло оправдать свое сопротивление наследованным им правом. Формальная законность на стороне сената. Из истории этих времен видно, что почти во всех заговорах и попытках против существ[ующего] порядка вещей сенаторы принимают деятельное участие, с другой стороны, большее число жертв, принесенных подозрительности римских государей, принадлежит аристокр[атическим] фамилиям Рима. Воен[ные] сановники приобретают большое влиян[ие]: управле[ние] импер[ией] долго находилось исключительно в руках praefecti praetorio.

Окончательный вывод этих изменен[ий] в древних формах государственной жизни является при Константине. Он довершил во всех отношениях начатое его предшественником: навсегда оторвал империю от республ[иканских] преда[ний]. Перенесение столицы, кроме того, что ему хотелось быть далее от языческого Рима, здесь была цель политическая. Об этом уже думали Цезарь и Август. (О Цезаре Светоний, с. 79¹⁴, говорил, что он собирается перенести центр римского могущества в Александрию или Илион. Об Августе — Гораций, Ода 3-я, книга III-я.) В системе госуд[арственного] управления, составленной Константином и его ближайшими преемниками, вполне выражается характер Римской монархии^б.

После Августа в идеях о значении^в императора произо- л. 9
шла большая перемена. Республикан[ские] формы^г, которые принимали первые императоры, понемногу вышли из употребления. На Западе их стали звать dominus, на Востоке βασιλεύς. Сношения с Востоком, в особенности пример Сасанидов не остался без влияния — Диоклетиан принял все внешние украшения восточного монарха. Некоторые из

^а—^а Написано вместо зачеркнутого: порядка вещей

^б Далее опущено извлечение из книги Г. Пухты¹⁵

^в Написано вместо зачеркнутого: об им[ператоре]

^г Формы — зачеркнуто

его предшественников делали подобные попытки, но нововведение не могло устоять против народн[ого] отвращения: Диоклетиану удалось все, задуманное им. Преемники шли по его следам, и Константин уже ^а учредил двор в ^а настоящем смысле с иерархией чинов, принадлежащих церемониалам.

Notitia dignitatum et administrationum ^б imperii in partibus orientis et occidentis. Böcking. Bonn, 1839 (400—[40] 4 гр.)¹⁶. Iohannis Laurentii Ludi, de magistratibus reipublicae ^в Romanae, ed. Фусс. Paris, 1812.

Различным степеням присвоены были особенные титулы. Особы императорской крови — nobilissimi; за ними — illustres; spectabiles; clarissimi; perfectissimi и egregii.

Император был главой исполнит[ельной] власти и источником законодательства. Сенат не имел уже никакого значения, кроме юридического. Разделение провинций на императорские и сенатские уничтожено еще при Аврелиане. Из главн[ых] особ государства ^г составлялся consistorium principis (с Адриана, давш[его] ему устройство), тайный совет: 7 высших ^д сановников, вроде нынешних министров, заведыв[али] различными отраслями правления. Империя была разделена на 4 префектуры, 13 диоце[зов], 117 провинций.

1) Пр[ефектура] Orientis: Египет с прилеж[ащей] Ливией, все азиат[ские] владения, Фракия; 2) р. ^е Illyrici — Мезия, Македония и Греция; 3) р. Italiae — Италия с островами, земли по южному берегу Дуная до границ Мезии, Африка от Сиртов; 4) р. Galliarum — Britannia, Галлия, Испания, Гельвеция и о[строва] Балеарские. Praefecti praetorio, за ними proconsulares, vicarii; [некогда] rectores provinciarum = consulares, praesides, correctores. В Риме и Константинополе praefecti urbis, при каждом — многочисленный штат, жалованье натурой: Aelius Lampridius c[апут] 42; «Singulas concubinas quod sine his esse non possent»¹⁷. || Он

л. 10

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: основал монархию

^б Написано вместо зачеркнутого: utriusque

^в Написано вместо зачеркнутого: imperii

^г Написано вместо зачеркнутого: императора

^д Написано вместо зачеркнутого: верховн[ых]

^е Здесь и в дальнейшем Грановский заменяет слово «префектура» латинской буквой «р»

[Константин] оторвал воен[ное] управление от гражданского, вверил войско двум mag[ist]ri militum — один для пехоты, другой для конницы. На Западе это разделение осталось, на Востоке впоследствии 5 Magistri praesentales duo, per Orientem, per Thraciam, per Illyricum (по Not[itia] dign[ita]tum). Начальники отрядов — comites и duces. Легионов — praefecti легионов, когорт — трибуны. Дворц[овое] войско — comites domesticorum equitum и c[omites] d[omesticorum] peditum. Провинции подразделялись на regiones, regiones на pagi. Земли принадлежали почти исключительно больш[им] владельцам, possessoribus, которые или отдавали их за плату колонам, или заставляли обрабатывать рабами. Possessores, coloni, servi — 3 класса внегород[ских] жителей. Колоны: происхождение сословия неизвестно, в эту эпоху в него вступали по рождению, чрез давность (30-летн[ую]) — по договору. У них были брак, свое имущество, которое они не могли отчуждать без воли господина, и право жалобы на него в известных случаях. Их нельзя было отделять от земли ^а 18.

Города Италии и провинциальные с jus Italicum отличались от прочих. Сначала здесь как в Риме, власть у народа. В народ[ных] собраниях избир[али] сановников и издав[али] нов[ые] постановления. Сенат заведовал администрацией. Перемены в Риме по падении республики, особенно при Тиверии, повторил[ись] в городах. Нар[одные] собрания потеряли значение; сенат превратился в почетн[ое] наследст[венное] сословие ordo decurionum (потом ordo, еще позже — curia). Декурионы и избираемые из их среды duumviri, quatuorviri, magistratus, censores и пр. заведов[али] город[ским] управлением, собирали подати в городе и его regio. Когда подати стали тягостны и не уплачивались более народом, недоимку взымали с декурионов, они были богатейшие possessores. Отсюда произошло столь тяжкое отношение, что правительство должно было насильственно удерживать в этом сословии лица, ему принадлежавшие. Председатели курий с правом суда в 1-й инстанции — duumviri или quatuorviri, или magistratus...^б В городах л. 11 без jus Italicum судеб[ная] власть — у им[ператорских] сановников, а главою курий — principalis, первый в списке

^а Далее три слова не разобраны

^б Далее одно слово не разобрано

(album) курий. В половине IV века в городах и местечках новые чиновники — *defensores civitatis, plebei, loci*, которые избирались на 5 лет целым городом не из курии. Сначала — защитники обывателей против притеснений курии, потом им дали судеб[ную] власть в 1-й инстанции, председательство в курии — при Юстиниане сравнены с дуумвирами городов с *jus Italicum*.

Система податей и налогов в Римской империи (Savigny: Über die Röm [ische] Steuerverfassung. «Zeitschrift für Gesch[icht]liche Rechtswissenschaft», t. 6) ¹⁹ была сама по себе хорошо приспособлена к потребностям государства. В дурном приложении она стала бичом для народа. Подати были поземельные — *capitatio, jugatio; terrena jugatio* — и поголовн[ая] с лиц без поземельн[ой] собственности, т. е. с рабочих городск[их] классов, колонов, рабов; отсюда имя: *plebeia capitatio*. Диоклетиан уволил от них город[ских] жителей (по крайней мере на Востоке), так что они пали на *plebs rusticana*, колонов. Поземельн[ые] подати правильно разложены на провинции еще при Ма[рке] Аврелии. Они собирались так: каждый *pagus* был разделен на известное число участков — *capita* — с равными доходами. Отсюда слово кадастр, ибо списки, в которые вносились *capita*, назыв[ались] *capitastra* (Лакт., с. 33) ²⁰. Кадастр чрез каждые 15 лет. Подати разлагались — *indicebantur* — ежегодно. Назначался бюджет: сумма делилась на число *capitum*. Сначала подати были очень умеренны, и было много изъятий. Иск[лючительно] Италия была свободна от денежных податей до Максимиана. Она делилась на *urbicaria* — окрестности Рима, часть Тусции, Пиценум, которые не платили ничего, и *annonaria*, снабжавшую естествен[ными] произведениями войско и двор. Города с *jus Italicum* стояли наравне с *Italia annonaria* и далее сохранили свои права. Увелич[ения] потребностей двора страшно подняли подати. Максимиан, получив от Диоклетиана *pr[ovinciam] Italiam* и Африку, уничтожил льготы первой. Одна Африка не могла содержать его двора и войско. Дворов и отдельн[ых] армий было четыре. Сочине[ние] Массил[ьского] пресвитера Сальвиана *De gubernatione dei* рассказыв[ало] о бедности народа. В конце 3-го || — в начале 5 века сельские жители Галлии, доведенные сборщиками до отчаяния, подымались мятежом — шайка багодов. *Vogaudae* — от кельт[ического] *Bagad*, шумн[ое] собрание ²¹.

По вычислению Савиньи (на основа[нии] Eumenii gratiarum actio)²², одна Галлия платила около 375 м[иллион]ов ф[ранк]ов поземель[ной] подати. Произвольное неопределенное разложение видно из известий Ам[миана] Марцеллина: Юлиан, прибыв в Галлию, нашел, что с каждого сарут взыскалось по 25 золо[тых] монет; чрез пять лет он довел эту сумму до 7 м[онет]²³. Сверх податей страшные налоги, напр., с ремесл[енников] lustralis collatio, которая была так тяжела, что родители продавали детей; Aurum coronarium — дары в торжеств[енных] случаях, только с декурионов. Императоры сами отнимали средства платить. Веспасиан и Тит отняли у колонии общие земли: agri subsecivi, только под условием которых могла процветать частная собственность. Константин отобрал у многи[х] городов земли и роздал церквям. Содержание общепользных заведений: дорог, зданий, водопроводов, городск[ие] издержки взвалены на декурионов. Следствием была гибель средних владельцев — остались богачи, освобожденные от куриальн[ой] службы и чернь. Decuriones^a или делают колонам[и], или оставляют собственность. На них тяготели все нужды империи. Сальвиан говорит, что они уходили к варварам: «И там единственное желание римлян не возвращаться более под иго римских законов: об одном^б и согласная мольба^в народа римского: да будет ему дозволено впредь жить с варварами — «ut liceat eis vitam quam agunt agere cum barbaris»²⁴. Сочинен[ие] Сальв[иана] прин[адлежит] к 439 году. Огромные пустыни и степи среди самых населенных луч[их] провинций. В Камгании чрез 60 лет после Константина 520 т[ысяч] югеров[а] ненаселен[ной] и необработ[анной] земли. Jugerum 260 футов длины, 120 ширины. ||

2. О б р а з о в а н н о с т ь. Hist[oire] litt[éraire] de la France^г. Ampère. Hist[oire] de la lit[érature] Française avant le 12 siècle. Heeren. Geschi[chte] des Studiums der griechischen und romi[schen] Literatur²⁵.

Введение. Conring²⁶⁻²⁷. Diss. academicae.

В IV веке римские провинции разделялись по языку на две половины: греч[ескую] на Востоке, где эллинизм пустил

^a Написано вместо зачеркнутого: posses/sores)

^б Написано вместо зачеркнутого: единственная

^в Далее зачеркнуто: класс чернь

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: La France littéraire

глубокие корни (в Сирии, в Египте образов[анные] люди говорили по-гречески), и латинскую на Западе, где язык и образованность Рима скоро взяли перевес над бедной образованностью и языком кельт[ического] племени. Несмотря на эту двойственность, образованность Римской империи в эпоху, о которой говорим, проникнута глубоким единством, которое обнаруживается во всех ее направлениях.

Римский мир был богат в то время всеми средствами, всеми внешним[и] условиями высокого умственного развития. В огромных библиотеках хранились произведения древности, доступные всем любителям знаний. Везде процветали школы под самым щедрым покровительством государей. В Галлии, напр., почти каждый порядочный город имел свою школу: особенно славны в Трире, Бордо, Autun; Тулуза, Лион, Марсель; в последнем греч[еский] язык давно боролся с латинским*.

Положим, что южная часть Галл[ии] стала^а действительно в этом отношении выше прочих провинций: но в Итал[ии], в Испа[нии], в Африке было также много подобных заведе[ний]. О Востоке после Императоров, как сказано, покровительствовали. В 321 Константин освоб[одил] профессоров и медиков от всех податей и город[ских] служб, назн[ачил] им большое содержание и право достигать ad honorem. Преемники его, Валент, Грациан, беспрерывно издают такие постановления. Из западных школ вы[ходило] множество риторов и грамматиков. В греч[еской] половине империи встречаем те же явления: Александрия наполнена школами да книгохранилищами: в Афинах процветала ученая жизнь: все фил[ософские] школы имеют своих представителей. Каждый профессор л. 14 читает по очереди || в огромном театре, который едва содержит слушателей. Сечение и ученые распри так велики, что префект Афин должен был принимать меры против беспорядков и охранять жизнь присутствующих. В Берите знаменитая юридическая школа привлекала множество молод[ых] людей. Школы в^б Никомедии, в Антиохии. Профессоры Констант[инопольского] училища постав-

* Предметы преподавались: ф[илософ]ия, словесность, грамматика, астрология — иногда право и медицина

^а Написано вместо зачеркнутого: была

^б Написано вместо зачеркнутого: тоже

лены Феодосием II на степень comitum 1-ой степени — викариев диоцез. Вы видите, в средствах, в мерах и поощрениях правительства нет недостатка. Общество по наружности исполнено любви к знанию^а. Софисты и риторы пользовались славой^б, их^б положение было самое блестящее, похожее на положение фр[анцузских] веков esprits 18-го века. Софисту Проэрезию ставили золотые статуи. Другой софист Либаний рассказыв[ал] о своих торжественных путешествиях из города в город, о состязаниях и победах над соперниками. Толпы^в стекались^в слушать. И что же? При всем том наука не шла вперед; в искусстве соверш[енный] упадок. Нет ни одного произведения того времени, которое бы имело художнич[еское] или ученое значение. (Это была пора^г компиляций и сокращений: знание^д старались сдела[ть]^е доступным для всякого, т. е. не класса, а ума и прилежания.)^ж Самые благородные умы развращены и погружены в мелкие нуж[ды], интересы. Либаний и Юлиан*. Участие общества только внешнее: для высших классов учен[ые] занятия были средство[м] убить время, лекарство[м] от празд[ной] сук[и]; для низших так[же] средство выйти в люди. Возьмите некоторые книги: их почти нельз[я] читать без тоски (Апулей): Авзоний, дважды pr[ae]fectus pr[ae]torio, консул, учитель императора Грациана, в самые трудные времена оставил много сочине[ний]. О чем бы вы думали: эпитафамы, плоские идиллии, история 12 Цезаре[й] en quatrevers, похвалы бурдос[ским] профессорам, выкроенные из Виргил[иевых] полустиший, неблагопристойные поэмы. Это было в моде — составлять из чужих стихов свое целое. И когда писал автор!^з ||

* [Слово не разобрано] panegyrici veteres

^а Написано вместо зачеркнутого: науке

^{б—б} Написано вместо зачеркнутого: всеми возм[ожными]

^{в—в} Написано вместо зачеркнутого: целые народона[селения]

^г Написано вместо зачеркнутого: время

^д Написано вместо зачеркнутого: наука

^е В рукописи: сделали

^ж Над первой фразой, заключенной в скобки, стоит цифра 2, над второй — цифра 1

^з Далее опущен отрывок по истории монашества (см. Предисловие, стр. 17)

Германские племена. Мы видели, в каком состоянии находилась Римская империя. Я старался раскрыть^а вам глубокую порчу государствен[ного] организма, показать внутренние причины, которые вели его к необходимому разрушению, несмотря на живучесть отдельных частей этого организма. Нам остается посмотреть, какие внешние причины соединились с внутренними на гибель империи. Предметом следующих исследований будет ист[орическое] обозрение быта герм[анских] народов.)

Источники: 1. Caesaris de bello Gallico. 4. Cornelii Taciti libri Annalium, Historiarum, de moribus Germanorum; 6. Dionis Cassii Cocceiani (155—229) Hist[oria] Romana; 7. Am[mianus] Marcellinus; 8. Zosimus; 5. Ptolemaeus. Geographia (125—160), сюда книга 2-ая; 2. Velleius Paterculus. Hist[oria] Romana. 3. Pomponius Mela, de situ orbis. Пособия: Mascou. Gesch[ichte] der Teutschen, 2 т. Leip[zig], 1726, 1787; Zeuss. Die Teutschen und die Nachbarstämme; Gruben. Origines Germanicae. Lemgo, 1764, 3 т.; Barth. Deutschlands Urgeschichte, изд. 1840; Philyps. Teutsche Gesch[ichte], 2 т.; Pfister. Gesch[ichte] der Teutschen; Eichhorn. Deutsche Staats- und Rechtsge[schichte]; Гримма Mythologie und Rechtsaltertümer²⁸.

Первый достоверный факт в истории германцев есть война кимбров и тевтонов с Римской республикой. Никто не знал, откуда они пришли; римские историки долго считали их кельтами. Около 50 лет спустя Цезарь доставил первые положитель[ные] сведения о германских племенах, с которыми он столкнулся в Галлии. Име[нно] с его времени вошло у римлян в обычай имя германцев*. Мы не знаем, имели ли германские племена на своем языке имя для означения и национального единства. Кажется, что у них не было сознания этого единства. Германцами называли их, по свидетельству Тацита, Герм., с. 2, галлы. Место спорное: «Ceterum Germaniae vocabulum recens et

* «Если бы слог *manī* означал *männer*, что невероятно, ибо там простое *n*, то скорее возможно было бы принять *germani* — *heer-mani*. Но лучше, кажется, делить не *ger-mani*, а *germ-ani*. Последнее сходно с древнесевер[ным] *Jörm-un* и дает право предполагать производное от *Jörm* — имени, часто являющегося». Ф и л и п с, т. I, стр. 11²⁹.

^а Написано вместо зачеркнутого: доказать

^б Написано вместо зачеркнутого: внутрен[него]

nuper additum, quoniam qui primi [Rhenum] transgressi Gallos expulerint ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint; ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim, ut omnes primum a victore ob metum mox [etiam] a se ipsis invento nomine Germani vocarentur»³⁰.

Город Тонгар^а на^б . . . между Маастрихтом и Лютихом. ||

Толкование Эйхгорна³¹ самое простое и ясное: туземцы^{л. 18} до покорения края, от которого получили это имя, назывались германцами, и это имя вошло у галлов в употребление для означения всех их соплеменников: a victore ob metum (victoris).

Происхождение германцев от бога Туискона — сын его Ман: от него ингевоны proxiimi Осеано; истевоны по Рейну; гермионы — medii — эти 3 племени у Тацита. У Плиния еще 2 — Vindili и Reucini. Гермионы = суевы. Вероятно, кимвры, тевтоны и дружины Ариовиста принадлежали к последнему племени. Суевы постепенно подвигались к западу, вытесняя пред собой кельтич[еские] племена, жившие на ю[жном] берегу Дуная, но юж[ный] берег еще долго сохранял кельтич[еское] народонаселение. При Цезаре даже левый берег Рейна занят германцами, может быть, остатка[ми] кимвров и тевтонов, которые здесь поселились. Они помогли Ариовисту. Впоследствии здесь образовались римские провинции с германским народонаселением: Germania 1-я от поворота Рейна при Базеле до устьев Майна или даже, может быть, до Мозеллы; 2-я — отсюда вниз по Рейну; Belgica I и II — по Мозелле и Маасу. На^в юге, как^в сказано, вероятно, суевы, на севере (Belgicae и Germania II — истевоны) — ингевон[ов] Эйхгорн справедливо назыв[ал] фризским племени[м], хотя фризы, в тесном смысле, жили между Рейном и Эмсом, а далее Chauci, но все эти сев[ерные] племена носят один характер³².

Подробн[ое] изложение войн германцев с римлянами (в 1 и 2 веке) не принадлеж[ит] сюда. После неудач[ных] покушений Августа обратить Германию в Римс[кую] провинцию, окончившихся поражением Вара, война

^а Написано вместо зачеркнутого: Тунгры

^б Далее слово не разобрано

^{в—в} Написано вместо зачеркнутого: это веро[ятно]

со стороны римлян сделалась оборонительной. Рейн и Дунай — естеств[енные]^а пределы^а: от Кёльна (Colonia Agrippina) вдоль по Рейну, потом от реки Лан чрез Майн, Неккар и Кохер к юго-востоку до Кельгейма на Дунае тянулся ряд крепосте[й]^б и башен^б, связан[ных] императором Адрианом одним непрерывным валом, Vallum Romanum: limes. Этот учас[ток] между обеими велик[ими] реками и vallum составлял передовые провинции империи. Здесь часть почвы (на прав[ом] берегу Майна между Рейном и Дунаем) был ager publicus (agri decumates) и отдавался за ежегодную плату естеств[енными] произведениями в потомственное пользование^в. Другая часть — с теми же повинностями. ||

л. 19 Такие agri decumates получали вроде лен[ов] воины погранич[ных] легионов с обязанностью в воен[ной] службе за себя и наследников; Lampridius, in Alex. Sev.: «Sola, quae de hostibus capta sunt, limitaneis ducibus et militibus donavit, ita ut eorum ita essent, si heredes eorum militarent, nec umquam ad privatos pertinerent... addidit sane his animalia et servos»³³. Наконец, остальные^г земли составляли^г собственность уцелевших здесь германцев. Большинство народонаселения — германское. Кроме упомянутых остатков^д... воины легионов и колонисты из Germania, жившие на agri decumates. Об них еще Тацит³⁴. Так как у германцев только побежденные и покорен[ные] племена^е жили на земле, обложенной какими-либо повинностями, то они назыв[ались] име[нем] людей, обязанных податью или воен[ной] службой другому: lasse, late, läte, lete, т. е. ленивый, робкий. Это имя перешло на римские учреждения, и жители передов[ых] провинций часто в римских памятниках наз[ывались]: laeti, ager publicus — terra laetica. До III^ж столетия^ж эти передов[ые] провинции оставались за Римом — тогда укрепления не в состоянии

а—а Написано вместо зачеркнутого: природные границы

б—б Написано вместо зачеркнутого: укреплений и замков

в Далее зачеркнуто: внаймы

г—г Написано вместо зачеркнутого: третья часть земель

д Далее слово не разобрано

е Написано вместо зачеркнутого: земли

ж—ж Написано вместо зачеркнутого: начала III в.

были более сдерживать напора варваров^а, которые начинают являться за естеств[енными] рубежами империи^а.

В это^б же время совершается стран[ная] перемена в полит[ическом] быту германцев: имена народов, дотоль знаменитых, исчезают совершенно, на место их являются другие. Не должно думать, чтобы целые народы погибали: когда племя отличалось могуществом или славой, другие ему соседние и родственные принимали его имя. Мнения о союзах народных; но еще ближе к истине мнѣніе^в Эйхгорна, что система дружин была образовательн[ым] началом, соединявшим несколько германских племен под одно имя^в 35. Главные^г народы: франки, саксы, аллеманы^д, бургунды, суевы, вандалы^д и готфы. В 238 г. является впервые имя франков, под которым должно разуместь, вероятно, все народы, принадлеж[ащие] к племени тацит[овских] истевонов.

В конце^е 3 века (при Максимиане) толпы^е франков селятся на римском берегу Рейна в качестве летов. Разделение на salii и riparioli, ripuarii. Ripuarii (от ^ж ripa? Rifland) жили по^ж обеим берегам Рейна и в обеих Белгиях. Salii напротив о. Батавия (образ[ованного] рукавами Рейна) в Salland, потом они заняли самый остров (в 4 в.) и перешли в земли между Маасом и Шельдою — Токсандрия. Император Юлиан уступил им этот край, возложив на || них обязанность воен[ной] службы. Здесь эти сал[ические] франки соедин[ились] с родствен[ным] племенем сигамбров, которые жили у устьев Мааса — Меруве. В половине 5 века рипуарии образуют сильн[ое] самостоятельное фр[анкское] государство, которого столица Кельн. Вождь их Ферамунд — из племени хаттов (тоже истевонского), но сал[ические] франки повин[овались] многим вождям. Меровинги — знати[ый] сигамбр[ский] род, так названны[й]

^{а—а} Написано вместо зачеркнутого: германских племен, и толпами стали они являться на внутренних землях империи

^б Написано вместо зачеркнутого: около

^{в—в} Написано вместо зачеркнутого: эти дружины преимущественно содействовали к перенесению одного имени на несколько народов чрез завоевание (Эйхгорн)

^г Написано вместо зачеркнутого: новые

^{д—д} Написано вместо зачеркнутого: готфы

^{е—е} Написано вместо зачеркнутого: 2-й половине III века они

^{ж—ж} Написано вместо зачеркнутого: союзный, пограничный народ

от отчизны их — Меруве. По мере движения франков на запад подавались вперед саксы — народ, пришедший в Германию в первой половине 2-го века (Schaumann G[eschichte] des niedersächsischen Volks. Göttingen, 1834). Птолемей^а знает их в Голштинне^а: Тациту и Плинию они б[ыли] не известны, следовательно, они пришли сюда с севера в промежутке. Скандинавское происхождение их едва ли подлежит сомнению.) Вообще, свидетельство Иорнанда — «*Scanthia officina gentium, aut certe velut vagina nationum*»^б, должно принять в соображение. Оттуда^б выходили сильн[ые] толчки^б, двигавшие народы. Мы увидим возможность^в, когда займемся образованием герм[анских] войн и завоеваний.

Гипотеза Мёзера о туземности саксов³⁷. В III и IV ве-к[ах] саксы на[чали] распространять свое завоевание в Сев[ерной] Германии по обеим сторонам Эльбы в землях хауков и прочих ингевонов. Часть саксов, жившая ближе к морю и знакомая с ним, искала себе места для поселения, вероятно, теснимая датчанами около 250 при Дане Миколате (Saxo Gram.³⁸, lib. VI, p. 105 и 106) и заняла берега Фландрии и Сев[ерной] Франции — *litus saxonium*. Здесь уже было много германцев. Вообще, начиная с конца III века до конца IV саксы — главные двигатели народов Северной Германии, отчего произошло, что римские жители стали называть их именем племени, которые, вытесненные саксами, в свою очередь врывались в империю. Результат: так, как под именем франков соединились все истевоны; так пришельцы саксы овладели землями ингевонов, изгнав или покорив себе последних. Аллеманы являются в историю при императоре Каракалле в начале 3-го в. В IV они занимают всю римску[ю] передовую провинцию от Майна до южной оконечности Шварцвальда. Вероятно, этот народ сложился из разноплеменных пришельцев^г, которые^г в соединении с германскими жителями *limitis* составили независимое целое. Основа — суевы. Самое имя аллеманов намекает на такое происхождение. ||

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: Здесь уже знает их Птолемей

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: Мы увидим, что возражений мало

^в Так в рукописи

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: большей частью суев[ов]

Agathius. Hist., I: «Allemani si Asinio Quadrato fides л. 21
viro Italo et Germanicarum rerum exacto scriptori convenae
sunt, ex variis nationibus collecti, id ipsum apud eos significat
vocabulo»³⁹. Лео полаг[ал], что аллеманы — смесь суев-
ск[ого] племе[ни], потесненного к югу саксами, которых
движение зажгло марком[аннскую] войну 167—180. Здесь
сохранилось имя суев[ского] племени. К востоку от них —
бургунды, также захватывая часть римской передовой про-
винции, они, кажется ^а, издавна занимали земли между
Рейном, Неккаром ^а, Майном, римским валом и рекой
Якстом. Орозий выводит их имя: «atque etiam nomen ex opere
praesumpsisse, quia crebra per limitem habitacula consti-
tuta burgos vulgo vocant» (Adv. paganos, VII, 32)⁴⁰. Причи-
ны их усиления, без сомнения, те же, что у аллеманов: при-
соединение к ним суевских и других не зависимых от рим-
лян дружин. Тацитовы ^б бургунды в Северо-Восточной
Германии почти уничтожены гепидами, которые покорили
их земли к западу от Вислы, к югу от Нецы ^б. Остаток на-
рода удалился чрез земли ругиев на остров Борнгольм
(Borgandasholm), где их знает еще король Альфред. На
северо-востоке от аллеманов и бургундов жили тюрингцы;
границы к северу — саксы; на востоке — Богемские горы,
на юге доходили до Регенсбурга на Дунае. Наконец, ве-
ликое, может быть, суевское племя готфов, обязанное своим
могуществом дружинной системе, с 3-го столетия растяги-
вается от Балт[ийского] до Черн[ого] моря. Множество
других племен ему покорны, в том числе, вероятно, были
славяне. Они разделялись на 3 глав[ных] племени: ост-
готфы, вестготфы, гепиды. Результат всего: так, как под
именем франков соединил[ись] племена истевонские, так
пришельцы саксы заняли земли ингевонов и вытеснили их,
подчинили себе последних. Из суевов несколько народов:
аллеманы, бургунды, тюрингцы, готфы и т. д.

Внутренний быт.

(Кутурга. Полит[ическое] устройство германцев до
6-го столетия. СПб., 1837 ⁴¹)*. В основании полит[иче-

^{а—а} Написано вместо зачеркнутого: издавна, по свидетельству
Орозия и Ам[миана] Марцеллина

^{б—б} Написано вместо зачеркнутой неравобранной фразы

* Известие римлян о политическом устройстве односторонне:
должно обращать внимание на положение народа, о котором
говорит историк: война или мир. Дружина с преобладанием

ского] устройства германцев лежит соединение отдельн[ых] общин, так называемые Markgenossenschaften, в большие целые — в народы. Земли, заним[аемые] таким народом, наз[ывались] gau, pagus. Участок земли, принадлежащий общине, — mark, limes. Земледелие, скотоводство, война — вот занятие германских племен. У них не было городов, но были селения, по крайней мере у суевов, и укрепленные места. Тацит упоминает о таких⁴³. ||

л. 22

Все полносвободные и полноправные люди в gau собирались в известн[ые] дни для общего совещания в consilio (thing — впоследствии по-латински placitum). Этим собраниям принадлежала^а власть; они решают мир и войну, избирают судей principes, qui iura per pagos [vicosque] reddunt⁴⁴, и вождей — reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt⁴⁵.

Вообще эти сановники избирались из благород[ных]^б родов. Главное разделение германцев было на свободных и несвободных, но между первыми еще существовали отличия. У германцев было дворянство, в этом нет сомнения. Опровержения Гизо и других не имеют силы: Vita s[ancti] Lebuini: sunt qui illorum lingua edlingi, sunt qui frilingi sunt qui lassi dicuntur, quod in latina [sonat] lingua — nobiles, ingenuiles, atque serviles⁴⁶.

Правдоподобно, что аристократия германцев находилась в связи с религиозн[ыми] учреждениями: 1-е — знаменитые роды, ведущие свое начало от богов; 2-е — жрецы, которых значение очень велико, принадлежат^в к аристокр[атическому] сословию. Это, между прочим, подтверждается тем, что впоследствии, например при покорении саксов К[арлом] В[еликим], когда edlingi^г принимали христианство, сопротивление жрецов тотчас прекращалось. Впрочем, не должно думать, чтобы у германцев была каста жрецов, как в Индии или Египте. Доказательства Лео неудачны⁴⁷. Эделинги^д отличались^д от фрилингов, по всей вероятности,

кунига. Том I — «Über Gauverfassung» — извлечение из Филлипса (далее следует обширное извлечение из книги Филлипса)⁴²

^а Далее зачеркнуто: мир

^б Написано вместо зачеркнутого: высших

^в Далее зачеркнуто: также

^г Написано вместо зачеркнутого: nobili

^{д-д} Написано вместо зачеркнутого: благородные от[личались]

только тем уважением, которое доставляла им знатность рода (kunni, clunni — kunn-elik). Права их были равные. Совокупность всех этих прав называется в наше время *Gewehr* в обширном смысле. Сюда принадлежит: 1) право личного участия во всех общественных делах; 2) свободной полной собственности; 3)^а заступление относительно лиц, находящихся под покровительством вследствие лет, пола или состояния^а; защита оружием всякого нарушения безопасности^б целого^б общества, собственности лица, лиц, пользующ[ихся] покровительством, и имущества; последнее — *Gewehr* в тесном смысле (владение и защита полн[ой] собственности).

В этом заключалась сущность полной свободы германца, полнота его прав.

Неполноправные подразделялись на многие отделы. Источник двоякий: 1) семейственный; 2) политический.

1. Жена, несовершеннолетние, без полной собственности, дети полноправного германца находились под его *mundium*. Он был представитель их прав: отвечал за их преступления и получал виру или мстил за их обиды. ||

2. Политическая причина отсутствия полных прав и состояния под *mundium* другого происходила из завоевания. Здесь несколько слов о результатах^в германских войн для политического устройства и об^в отношениях, которые из них вытекали. Schauman, 54 [etc.].⁴⁸ 1. Постоян[ные]^г войны^г оканч[ивались] покорением земель, принадлежавших побежд[енному] племени; уходили искать нов[ые] отчизны только свободные люди. Потеряв собственность, они чрез самовольное изгнание сохраняли другую часть своих прав. 2. Отсюда объясняется, почему в наступательных войнах войска германцев состояли только из свободных. 3. Неполноправные ничего не теряли и оставались на прежней земле и в прежних отношениях. Они продолжали работать только для другого господина. 4. Победители делили

л. 23

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: и покровительство людям, не имеющим этих прав

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: обществен[ной] собствен[ности]

^{в-в} Написано вместо зачеркнутого: о войне германских племен и следствиях этих войн

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: одно племя

землю и оставшихся на ней летов по началу: сколько победителей, столько участков. Из этого понятно, каким образом весьма небольшие числом племена могли занимать огром[ные] пространства. 5. Оставшиеся леты в свою очередь сообщали многое завоевателям в языке, в частном быту, но не в учреждени[ях]^а; как думает Шауман, у них не было прав. 6. Завоеванные земли получ[али] название от победителя: с свободн[ыми] изгнанниками шло прежнее имя, которое далее^б. Таким образом, названия переходили с места на место или вдруг исчезали, когда изгнанники бывали достигнуты несчастьем. Исключения.

Положение летов было более или менее тягостно, смотря по условиям завоевания. Иногда^в леты^в пользовались некоторыми политическими правами. Мы увидим у саксов. Господин судил своих летов, живш[их] в его дворах, на его земле, по дворскому праву. Кроме летов, у германцев были малочисленные рабы — военнопленные, купленные, проигравшие свободу и т. д.

Таково было первоначальное устройство германской общины, составленной из свободных людей, с^г полной Gewähre. Из их среды изб[ирались] судьи и вожди^г. Мы будем говорить после о их религии — заметим только, что учреждения и право находил[ись] в тесной связи с рел[игиозными] верованиями и относились к ним, как дерево к корню. Значение жрецов было велико — они были часто судьями народными. Но мы видели доселе германское племя в его нормальном^д мирном состоянии на родной почве. Устройство, которое мы описали, можно назвать по-русски общинным — вместо Gauverfassung. У них было другое, возникавшее во время войны, — дружинное. ||

Дружины. Между тем как целые общины подымались обыкновенно только для отражения наступающего врага, часто молодежь, люди, скучавшие праздностью и миром, составляли товарищества (Genossenschaften) и отправля-

^а Написано вместо зачеркнутого: прав[ах]

^б Так в рукописи

^{в-в} Написано вместо зачеркнутого: у саксов

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: избравших из своей среды судей и вождей

^д Написано вместо зачеркнутого: обыкновенном

лись искать войны, славы и добычи. Такое предприятие — Fahrt, Heerfahrt, отсюда Gefährten (geferau и, может быть, grafie). Другие названия были leudes, Reelen = exul; ...^а или degen (храбрый муж) показыв[ают] уже характер этих дружин. Выражение у (франков) antrustiones = in truste dominica; отношение верности trustis к вождю. Эти антрустионы вели с собой собственные небольшие дружины arimaniae. Вождь, глава целого предприятия, был или задумавший его эделинг (кунинг) или избранный товарищами, degen. Он стоял выше всех, поэтому его наз[ывали] herro (сокращен[ное] herirov) или herr. Прочие составляли его comitatus, gasindi, gedikini; они были его geferau или comites. Они давали ему клятву в верности trustis — praecipuum juramentum. Их дело было защищать его в битвах и помогать во всем. В этой зависимости не было ничего постыдного. Вы найдет[е] у Тацита (Germ., с. 14) место, характеризующее эти отношения. Иногда целью дружины была только добыча, как у морск[их] саксов, иногда вожди дружины как ^б кондотьеры ^б вступали в чужую службу со своими спутниками, так Генгист и Горса у бриттов^в, Гейзер [их] у Бонифация, Дитрих у Зенона и т. д. Тогда дружина шла завоевать себе жилище и земли; такие часто составлялись из целых народов, изгнанны[х] победителями. По достижении цели завоеватели обыкновенно брали $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$ земли побежденных^г; каждый отдельн[ый] участок назыв[ался] Soos, по-н^д мецки Soos. Sortes Romanae et Gothicae — lex Wisig[othorum]. Отношения — hospitalitas^г.

Через поселение дружин на покорен[ных] землях развилось особенное устройство, отличное от общин[ного]. Это уже видно из того, что такие поселившиеся через завоевание племена назыв[ались] часто exercitus, а члены народо-дружины — exercitales (готфы, франки, лангобарды). Они действительно сохраняли и после победы военные устройства, разделялись на отряды^д, под начальством^д вождей,

^а Слово не разобрано

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: в качестве

^в Написано вместо зачеркнутого: саксов

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: может быть, латинское... (слово не разобрано) allodium

^{д-д} Написано вместо зачеркнутого: участки, которые

ими избранных или назначенных конунгом и которые должны были заступать место судей в мире и начальников на войне — centenarii, decanii. У вандалов тысячники — millenarii praefecti.

а. 25 Главой целого оставался Нейто, или верховный куниг. Но отношение^а его к дружин[никам]^а приняло теперь другой характер: || сохраняя значение воен[ного] вождя, он делался главой народа. В римских провинциях он заступал для покоренных место императора. Преемники его избирались из его рода: рождение давало им права, дружина подтверждала их добровольно. Нового кунига подымали на щит, отсюда лат[инское] in regem или in regnum levare. Отличительные знаки его достоинства — венец на голове и жезл в руках. И то и другое — остатки языч[еских] обрядов при жертвоприношениях. Родство — sippe — кунига и главные члены дружины (антрустионы) составляли дворянство.

Рано являются при всех германских кунигах 4 сановника, которых происхождение теряется во врем[енах] язычества: Kleides[mann] Kammerer (Camerarius) — казначей, его также зовут horder — от hord, hort; Ross[mann], marschall, имевший попечен[ие]^б об упряжи и конях кунига; tisch[mann] или Fruchlefs (dapifer); ...^в В извест[ные] дни вся дружина собиралась около кунига — здесь шли совещания о делах, суды и т. д. Дети^г дворянства воспитывались при дворе кунига^г. Эти общие главные черты дружин[ного] устройства столь важны, потому что ему обязаны германцы своими завоеваниями в римских провинциях. Они даже переняли прежние вольные учреждения германской общины, ибо за дружиной приходило вслед много свободных люде[й], сначала к пей не принадлежавших. Они селились на завоеван[ной] земле с согласия кунига и подчинялись нов[ому] порядку. Так было и с целыми общинами. Это движение дружин было чрезвычайно живо в 4 и 5 веке. Прекрасное место у Лео в Ит[альянской] истории: «почти вся Европа

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: но теперь после

^б Написано вместо зачеркнутого: падз[ор]

^в Два слова не разобраны

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: куниг принимал гостей в своем дворце

была во власти германских владык, родных а по языку и крови^а. Великая ясно сознаваемая связь охватывала все княжьи дворы от Византии и берегов Чер[ного] моря до крайнего Тула, до столицы в[осточных] готфов. Взад и вперед ходили разгульные куншги, герои, искавшие царства или кров[ной] мести; целые толпы благородн[ых] слуг из всех германских народов провожали их, и весть о событиях при каком-нибудь дворе быстро облетала посредством[м] этих блуждавших воинов весь германский мир» (I, 65) ⁴⁹.

Главным памятником духовн[ой]^б жизни^б германцев того времени служат уцелевшие юрид[ические] остатки. Суровое^в воинств[енное] право отличает дивную мощь и глубину народно[го] духа^в. Германцы знали только религиоз[ное] употребление письмен: у них были руны, то, что Тацит (Germ., с. 10) назыв[ал] nota. Первоначальное их назначение || было причиною их признания после при- л. 26нятия христианства. Народ цел дела предков. Antiqua Carmina. Следов нет. Древнейший памятник германской поэзии принадлежит к 8 веку. О религии древ[них] германцев я скажу после, говоря о скандинавской. Обе мифологии выросли из одного корня, но последняя^г не определилась вполне, ее захватило среди ее развития переселение народов и христианство. Отсюда неопределен[ный], туманный характер германских божеств. У германцев религ[иозное] сознание не успело перейти из непосредственности чувства в созерцание, не приняло пластич[еской] формы. Сам И[аков] Гримм с его огромн[ой] ученостью, с его способностью оживотворять предметы, не мог доказать противного. По мере того как христианство усиливалось в Германии, ск[андинавский] Север глубже погружался в язычество. У него полная мифология и теогония. Мы укажем отношение к германской. Из^д всех герман[цев] у одних саксов несколько развитая мифология^д, потому

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: по языку и крови они не были чужды между собой

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: образованности

^{в-в} Написано вместо зачеркнутого: [слово не разобрано] образованное из влияния войны: оно сурово, но глубоко

^г Видимо, описка, должно быть: первая

^{д-д} Написано вместо зачеркнутого: кроме того, все памятники языч[еской] старины погибли в 4 столетии

что они позже всех приняли христианство, но до нас дошло мало памятников, и, кроме того, при враждебном отношении саксов к пр[очим] германским племенам они могли только односторонне выразить свои религ[иозные] идеи, и мнение саксов не есть немецкое^а. ||

§ 1. Начало германских государств на римской почве

Я говорил уже о переходе германских дружин из Галлии на Пирен[ейский] полуостров в 409 году. Эти дружины состояли из 3-х главных народов — из вандалов, алан и суевов. В 411 они раздели[ли] между собой завоеван[ный] край: Северо-Западная Испания и Северная Португалия до реки ...^б досталась суевам и вандалам-асдингам; Южная Португалия — аланам^в, Южная Испания, Андалузия и Гранада — вандалам-силингам^г. Вандалы имеют право на отдельн[ое] изложение. Судьба суевов и алан подчинена влиянию других, более сильных и важных народов, о ней будет упомянуто в связи с историей этих народов.

В а н д а л ы. Источники: у вандалов не было ни одного туземн[ого] летописца, только один ожесточен[ный] против них католик африканец Victor Vitensis, *Historia persecutionis Vandalicae*, и несколько иностранцев: I d a c i u s (епископ в Галлии в 5-м в.), *Chronicon* до 467⁵⁰; I s i d o r u s H i s p a l e n s i s, *Historia Gothorum, Suevorum, Vandalorum* до 625; P r o c o p p i u s, *De bello vandalico libri II*. Пособия: *Cesch[ichte] der vandalisch[en] Herrschaft in Africa*. Papencordt, 1837, Берлин. ||

Войны с вестготами положили конец владычеству вандалов-силингов и алан в южной части Пирен[ейского] полуострова. Оба народа теряются из истории после их поражения Валлинею в 418 году^д. В 420 вандалы-асдин-

^а Далее опущены разделы: «Монархия Сассанидов» и «Переселение народов» (гл. 26—33). С.м. Предисловие, стр. 17.

^б Слово не разобрано.

^в Написано вместо зачеркнутого: ванда[лам]

^г Далее — незаконченная фраза: К истории этих народов одна из

^д Написано вместо зачеркнутого: 416 и 18 годах

ги, оставив свои жилища на севере, двинули в Андалузию, которой им удалось овладеть. Но они остались здесь недолго. Правитель римской провинции Африки Бонифаций, оклеветанный при дворе Валентиниана III, отложился в 427 г. от повиновения. Начальн[ые] успехи над войском императора не дали ему желаемой безопасности: важнейшие города оставались в руках императорских войск, с юга его теснили мавры, искони жившие в этом крае и постоянные враги римлян. Между ними и последними шла такая же война, какая ныне между французами и арабами. Крайность принудила Бонифация искать помощи вандалов-асдингов. У последних сделался около этого самого времени кунигм один из знаменитых вождей, участво[вавший] в переселении народов, — Гейзерих. Йор[дан], 33⁵¹. «Гейзерих был знаменит истреблением римлян (in urbe или orbe?), роста среднего и ^a хромал вследствие ^a падения с лошади; душа у него была глубокая, речи редкие; презритель роскоши, во гневе бурный, жадный к корысти, изобретательный на средства искушать народы, сеять между ними семена раздоров и поддерживать ненависть». Он был побочн[ый] брат своего предшественника, рожден от рабыни; дружина избрала его, вероятно, за редкое соединение качеств, необходимых кунигму. Приглашение Бонифация (429) нашло его готовым. С 50 т[ысячами] человек, которых он выдавал за 80, разделив свою дружину на 80 отрядов под начальством тысячников — millenarii (милленариев. — С. А.) он явился на берег Африки. Отношение его к Бонифацию было кондотьерское, но вскоре изменилось. Бонифаций хотел помириться с двором, предложил Гейзериху богатое вознаграждение и просил возвратиться назад. Ему отвечали упреком в измене, и война началась⁵². Это была война^б, ужасная для побежденных римлян. Африка, до толе «anima reipublicae» (Salvian, l. VI)⁵³, житница Италии, была опустошена вдоль и поперек. К вандалам присоединились мавры и суровая секта донатистов: вандалы были ариане, это соединило их с ними общей ненавистью к католицизму. Города Африки были без укреплений по причине безопасн[ого] положения страны — мавры не

^{a-a} Написано вместо зачеркнутого: речи короткой

^б Написано вместо зачеркнутого: из всех

смели подступить к ним одни. Большая^а часть^а была без сопротивления взята; жители убиты или обращены в рабство. Особенно терпело^б духовенство. ||

л. 35

Разбитый Бонифаций заперся в Гиппоне, где выдержал 14-месячн[ую] осаду. Во время осады смерть блаж[енного] Августина. В 431 Бонифаций возвратился в Италию. В 439 пал Карфаген, и завоевание Африки окончено. Победители разделили между собой лучшие земли. Туземцы или лишены всякой собственности, или им оставлена только самая бесплодная почва. Подобные явления у англосаксов и лангобардов, которые также не делились по третям. Вандалы приобретают страшное могущество на море: суда их грабят берега Средиземн[ого] моря. Усилия восточного и западного императоров положить конец опустошениям бесполезны: Гейзерих, когда не помогала сила, прибегал к подкупу и не раз жег неприятельск[ий] флот в самих гаванях. Сардиния, Корсика и Балеарские острова покорены. Гейзерих звал себя царем земли и моря. Я говорил о призыве^в Атиллы против^в римлян и вестготфов, которых он боялся. Разграбление Рима. Он ум[ер] в 477 году, оставив по себе могуществен[ное] государство, но это могущество продолжалось недолго. Религиозн[ая] ненависть и условия вандальск[ого] завоевания сделали их вечными врагами вальхов⁵⁴. Мавры скоро стали делать набеги и на них. К тому же под знойным небом Африки растаяла простота и крепость германского быта. Еще Сальвиан назыв[ал] их самым[и] целомудренными из германцев, при преемниках Гейзериха они вовсе не заслужив[али] этой похвалы. Страсть к наслаждениям, образован[ная] жизнь без образованности переходит к ним. Театральные зрелища. Даже богосл[овские] споры. Гейзерих † 477, Гунерих — 484, Гунтамунд — 496, Тразамунд — 523, Гильдерих — 530. Гильдерих свержен с престола Гелимером. Это было поводом к войне с Юстинианом, который требовал освобождения и восстановления Гильдериха, своего союзника. В 533 году экспедиция Велизария. Триполи и Сардиния отлагаются от вандалов. Гелимер у[спел] отпавить против мятежников Сардинии брата своего Ц[азона].

^а—^а Написано вместо зачеркнутого: они были

^б Далее одно слово не разобрано: возможно: православное

^в—^в Написано вместо зачеркнутого: о разграблении Рима

Между тем Велизарий делает высадку и одержив[ает] победу при Decimum (Miliare), близ Карфагена. Карфаген отворяет ему ворота. Через 3^а месяца^а вторая победа при Трикамероне. Гелимер бросается в горы и после долгой осады в гори[ой] крепости сдается 534. Ему даны земли в Галатии. Вандалы выведены из Африки; часть их вступ[ает] в службу императора и гибнет в^б Персии^б, имя их исчезает. Сред[ние] века и особенно в XVI—XVII веках считали венодов, занявших первобытн[ые] жилища вандалов на Оudere до Балтия, за их потомков. В хрониках и грамотах *venedi* перевод[ится] через *vandali*; кабилы не их потомки. Юстиниан дал Африке особлив[ого] *praefecti preatorio* и ввел отдель[ные] учреждения^в. ||

О с т г о т ф ы *. *Jornandes. De rebus geticis* (жил в л. 37 Равенне около 550 года, состав[ил] сокращение из истории готфов Кассиодора). *M. Aurelii Cassiodori Variarum epistolarum* II. XII; *Procopius. De bello Gothico*. II. V; *Manso. Geschichte des ostgotischen Reiches in Italien*. Breslau, 1824.

После падения Гуннского царства остготфы под начальством германских кунигов из рода амалов заняли места между Веной и Сирмиумом. Отсюда вели они частые войны с соседними племенами и с Восточной империей. Последние были так удачны, что им, кроме занимаемых ими земель, были уступлены почти все провинции Восточной империи вдоль южного берега Дуная. Около 474 г. сын Теодемира (одного из трех кунигов) Дитрих стал один главой остготфов. Он был воспитан при Визант[ийском] дворе, получил от императора Зенона титул патриция и консула, «*quod summum bonum, primumque in mundo decus edicitur*» (*Jorn.*, с. 57)⁵⁵. В 488 Зенон, опасаясь его честолюбия, обратил его против Отахара^г. Весь народ готфский двинулся за вождем своим. Сражение при реке Изонцо было проиграно Отахаром^д. Следовало несколько

^{а—а} Написано вместо зачеркнутого: несколько месяцев

^{б—б} Написано вместо зачеркнутого: в Африке

^в Далее опущен раздел: «Вестготфы». См. Предисловие, стр. 17.

* Собрание источн[иков] итал[ьянской] истории: *Muratori, Scriptores rerum Italicarum* от 500—1500, 28 т[омов]

^г Написано вместо зачеркнутого: Одоакра

^д Написано вместо зачеркнутого: Одоакром

других, равно несчастных. В 493 пала Равенна, где Одоакр долго выдерживал осаду, и вся Италия покорилась Дитриху. Одоакр был убит под благовидным предлогом. Это самое обширное из тогдашних германских государств: Дакия, вся итальянская префектура, кроме Сардинии, Корсики и Африки, повин[овались] Дитриху. Впоследствии он присоединил сюда еще Прованс. Победив Отахара^а, он продолжал его систему: принял также титул короля — гех — и признавал над собой наружное первенство императора при полной политич[еской] самостоятельности. Готфы получ[или] $\frac{1}{3}$ земли, вероятно, участок вытесненной дружины Отахара. Туземцы не страдали: им сохранены были прежние формы гражданского быта. Сенат, придворн[ые] должности, управление провинций не изменились и были преимущественно замещаемы лицами римского происхождения. Устройство городское осталось то же.

В 500 году издал Дитрих свой эдикт (Edictum Theodorici), собрание законов, равно обязательных для завоевателей и побежденных, чем оно существенно отличается от всех германских законодательств, возникших современно на римской почве. В этих каждый народ сохраняет свое право: целью Дитриха было соединение готфов с римлянами в один народ в юрид[ическом] смысле. Но готфам присвоено^б исключительное право владеть оружием. Они должн[ы] были составлять постоян[ное] войско — как бы ограду римской образованности и учреждений. Воины Дитриха получ[али] жалованье во время походов. У него был флот из 1000 легких судов для отражения вандал[ских] грабежей^в. Сам он не ходил более в поле после войны с Отахаром. Но дружины его, составленные, кроме готфов, из гепидов, ругиев и других германских племен, находились в непрерывной деятельности под начальством comites и duces. ||

л. 38

Двор почти всегда имел пребывание в Равенне, изредка в Вероне, откуда Бернелий. Высшие места над управле[нием]^г занимали римляне: Кассиодор, патриций и кон-

^а Написано вместо зачеркнутого: Одоакра

^б Написано вместо зачеркнутого: должно было иметь

^в Написано вместо зачеркнутого: набегов

^г Написано вместо зачеркнутого: здесь Дитрих был окружен

сул, был главным советником Дитриха. Декреты и официал[ные] акты, написанные им, составил [и] драгоценное собрание исторических материалов (II. Variarum) ⁵⁶. Почти 50 лет служил он различным государям, под старость (539) удалился в основан[ный] им монастырь Vivarium (близ родины его [Calabria] в Бруциуме). Здесь он первый дал ученое направление деятельности монахов. Тогда же написано им De institutione divinarum litterarum — краткое изложение школьной учености того времени (вроде Марциана Капеллы) ⁵⁷. Жаль потерянной истории готфов. Дитрих^а не хотел^а, чтобы готфы его учились, полагая, что наука — для людей, неспособн[ых] к воен[ным] трудам^б. Но он уважал ее. «Romanus miser [qui] imitatus Gothum et utilis Gothus imitatur Romanum» ⁵⁸. Он поддерживал памятники древнего зодчества, строил самые нов[ые] здания и щедро удовлетворял страсти римского народа к велик[олепным] зрелищам. При нем не прекращались игры цирка и другие представления такого рода. Будучи арианом, он отличался терпимостью к другим вероисповеданиям, покровительст[вовал] правосл[авному] духовенству, не делая ему лишних уступок, и закрещал теснить евреев. «Religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur ut credat invitus» (Cass., I. II, 27) ⁵⁹. В отношениях с другими народами Дитрих заним[ал] замечательн[ое] место. Он был центром, главой германского мира. Родственные связи соединяли его с главными кунигами^в германских народов. Он был женат на сестре Хлодвиг, дочь его была за Аларихом II, другая за Сигизмундом Бургундским, сестра вышла за Тразамунда Вандальского, племянница — за Германфрида, к[унига] турингов. Рудольф, куниг герулов, был им усыновлен. Имя Дитриха известно во всех краях германского мира. Народы прибалтийские присылают ему дары в Равенну. Очевидною целью его было сохранение равновесия, противодействие возрастающему могуществу франков.

Любопытно следить за полит[ической] деятельнос[тью] Дитриха; он везде участник или посредник: в 496 Хлодвиг одолел аллеманов. Часть этого народа ищет убежища во

а—а Написано вместо зачеркнутого: еще выше

б Написано вместо зачеркнутого: к войне

в Написано вместо зачеркнутого: войсками

владениях Дитриха^а, который^а дал им земли в Реции в^б нынешнем^б Граубюнден — Ducatus Allemania. Аллемания к югу от Дуная, к западу от Леха. Его посредничество долго удерживало от войны вестготфов с франками: наконец 509 Аларих погиб; франки и бургунды овладели^в всеми^в вестготфск[ими] владениями по сю сторону Пиренеев. Тотчас явились там дружины Дитриха, приняли сторону малолетнего сына Аларихова Аммалариха и заставили врагов его отступить. Аммалариху остался Лангедок. Остготфы взяли себе Прованс, но Дитрих до смерти правил за внука государством вестготфов. В 593 сыновья Хлодвика напали на бургундов, остготфы не замедлили и в || этом случае поделиться с победителями: они присвоили себе несколько городов в северной части Прованса, дотоле принадлежавших бургундам.

л. 39

Последние годы Дитриха были отравлены внутрен[ними] беспокойствами: со вступлением на виз[антийский] престол императора Юстина, катол[ическое] духовенство Италии обратилось к нему в надежде на избавление от ига арианина. Юстин гнал у себя ариан, несмотря на представления Дитриха...^г Вскоре открыт в Италии заговор, и Боэций, *magister officiorum* Дитриха, велич[айший] ученый того времени, погиб вследствие подозрения в участии. В тюрьме он написал свое *Consolatio philosophiae*. Были еще другие жертвы: Папа Иоанн ум[ер] в тюрьме, и Дитрих, прежде предоставлявший выбор папы духовенству, сам назначил ему преемника. В 526 у[мер] Дитрих, самый замечательный из государей германских до Карла В[еликого]. Песни о нем долго жили в устах народа и перешли на глуб[окий] Север в Скандинавию. Место Дитриха занял внук его Аталарих под опекой матери Амалазунты. Она^д была образована на римский лад и в этом же духе хотела воспитать сына, но род роптал^д, Амалазунта должна была уступить, дать более воли Аталариху; в частых пирах с молодыми готфами он расстроил здоровье и ум[ер] [в] 534.

^{а-а} Над зачеркнутым: этого народа

^{б-б} Над зачеркнутым: в нынешних

^{в-в} Над зачеркнутым: тотчас заняли

^г Далее два слова не разобраны

^{д-д} Написано вместо зачеркнутого: женщина умная и образованная, заним[алась] лат[инской] и греческой литературой, но... (далее несколько слов не разобрано)

Амалазунта избрала себе помощником в делах правления родственника своего Теодата (Дитада). Они вскоре поссорились, и Амалазунта была умерщвлена. Юстиниан объявил себя мстителем. Войско его заняло Далмацию, между тем как флот под начальством Велизария овладел Сицилией. В 536 г. Велизарий перешел в Италию и взял Неаполь. Готфы, недовольные Дитадом, убили его и возвели на его место Витигеса. Но и этот не был счастливее. Он был принужден отказаться от престола и кончил жизнь в Византии. Готфы противились долго и упрямо при нескольких вождах — Ильдебальд, Эрарих, Тотила (541—52). Последний быстро овладел ^а [югом] Италии. Рим в течении[e] войны 5 раз переходил из рук в руки, наконец 552 в Тоскане в Аппенинск[их] горах Нарцесс разбил Тотилу, который умер от раны. Преемник его Тея еще продолжал отчаян[ную] борьбу; он приказал умертвить сенаторов, которые, изгнанные из Рима, жили в Кампании, и с тех пор это сословие исчезает из истории. Остался только пустой ^б титул ^б ...^в Тея погиб 553 в Южной Италии. Дружина его получила свободный выход из Италии; но бедствия этого края еще [не] кончились: 70 тысяч франков прошли всю Италию вдоль, грабя и разоряя все на пути своем; зной и Нарцесс истребили их. Итальянская префектура снова возвратилась к империи, за исключением Реции, которой овладели аллеманы и норикки, где из смеси разных германских племен — ругиев, сциров, турцилингов, туземных || кельтич[еских] племен боиев — л. 40 образовался смешанный народ байоариев. Река Лех отделяла их от аллеманов. Прагматической санкцией 554 г. ввел Юстиниан свое законодательство во вновь покоренную Италию и подтвердил постановления готфск[их] государей до Тотилы ⁶⁰. Экзарху (Нарцессу) вверено управление военной и гражд[анской] частью. Но недолго продолжалось здесь владычество Византии: при Юстине II, преемнике Юстиниана (568), нов[ый] германский народ лангобарды, как говорят, призванные Нарцессом, приводимые Албоином, ворвались в северные провинции Италии и овладели ими.

^а Написано вместо зачеркнутого: снова

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: осталось только имя и то

^в Слово не разобрано

А н г л о - с а к с ы. Источники: Валлис[ские]^а триады — стихотворения бардов, исполнен[ные] ненависти^а к германским пришельцам и горячего патриотизма. Важны как памятники народа, почти исчезшего, но в них мало исторического материала. Такой же характер их летописей. — Beda Venerabili[s] (672—735). Hist[oria] ecclesiastica gentis Anglorum, ll. V — одно из самых важных исторических произведений того времени. Chronicon Saxonicum^б (вероятно, начатый в 10-м век[е]). Хорошего собрания ан[глийских] летописцев нет. Record commission^в издержала много денег и сделала мало. Впрочем, она выдала несколько томов. Пособия: Юм⁶¹, Лингард⁶²; Lappenberg⁶³. Geschichte von England, 2 t.; Turner. History of the Anglo-Saxons⁶⁴; Palgrave. The rise and progress of the English Commonwealth. Anglo-saxon period⁶⁵.

Саксы^г очень рано начали грабить берега Британии. Вероятно, они приходили с противоположного^г берега Галлии, заселенного ими и другими германскими племенами — litus saxonicum. В конце 3 века Караузий, родом из Фландрии, защищает против них империю, потом с их помощью сам делается императором Британии. Может быть, уже тогда часть саксов и германцев поселилась на острове. В начале 5-го в. войска римские выведены. В восточной части острова римская образованность оставила^д глубокие следы^д в языке, быте, городов[ых] учреждениях, на западе народность кельтич[еских] племен сохранилась в большей чистоте. Самое христианство их, вероятно, прямо с Востока, носило особый характер — в него вошли друидские предания.

В 1823 году Probert^е перевел на английский древние законы Камбри[и] (Валлиса): древнейшие приписыва[ются] королю Дионвалю Малмуду, жившему

^{а-а} Написано вместо зачеркнутого: для первого периода англосакс[онской] истории, т. е. до соедине[ния]

^б Написано вместо зачеркнутого: anglosaxonum

^в Написано вместо зачеркнутого: само

^{г-г} Написано вместо зачеркнутого: В Британии селились представители всех тогдашних европейских народов, за исключением развее славян

^{д-д} Написано вместо зачеркнутого: пустила глубокие корни

Написано вместо зачеркнутого: англичанин

за 400 лет до р. Х. Здесь преувеличения: когда они составлены, трудно сказать. Верно, что они были исправляемы в позднейшие времена, даже после пришествия англосаксов. Они сочинены триадами (строфы в 3 стиха, по 7 слогов). Поэтич[еская] форма нужна для сохранения в памяти законов, не предав[ав]ш[ихся] письму. Цезарь нашел подобные обычаи у галльск[их] друидов. В отличие от древн[их], германских законодательств, Валл[ийские] триады содержат подробные постановления относительного госуда[рственного] права и коротко упомин[ают] о предметах уголовного. У германцев наоборот.

Кельтич[еская] Британия разделялась на множест[во] мелких государств, соединенных в один союз для отражения внешних врагов и предупреждения внутрен[них] беспорядков. Из числа государей (династов) избирался || л. 41 один главой союза. Законодатель[ная] власть, решение важнейших вопросов государств[енного] быта принадлежала собранию всех свободн[ых] людей союзн[ых] государств. Впоследствии число их ограничено — 300. Они стояли не только выше отдельных государей, но выше главы союза и могли отставить его за беззак[онные] поступки. Власть отдельных династов ограничена собранием вольн[ых] людей из ^а их народа ^а: эти собрания должны были смотреть за строгим соблюдением определений верховн[ого] сейма. Каждый народ разделялся на колена — кланы. В поколен[ных] собраниях участво[вали] замужние женщины. Главное занятие — земледелие. Чиновники государей, ученые (друиды), художники, т. е. барды, кузнецы, плотники, каменщики и проч., составляли аристократию с правом иметь вдвое земли против остальн[ых] вольн[ых] людей. Рабы были, кажется, общей собственностью колена и состояли (?) из плен[ных] иностранцев. Употребление вир и бож[ьих] судов при убийстве нельзя считать за нечто позднейшее, принятое от германцев: это учреждение могло развиваться само собой из равн[ых] потребностей. Проберт перевел также законы Гаеля Доброго (Ода) из X в. по р.Х. Здесь уже большие перемены: власть государей усилилась наравне с властью аристократии чиновников. Народ в большей зависимости. Северную часть острова занимали пикты и скоты — последние из Ирландии.

^{а-а} Над зачеркнутым: в их владениях

Стена против их набегов. В 441—49 являются здесь Генгист и Горса, которых обыкновенно выводят из Ютландии. Не вернее ли с Шауманом — lit[us] Sax[onicum] ⁶⁶.

Это не мешает им быть ютами. Вортигерн пригласил их в Кент. Саги о них: религ[иозное] значение коня, герб Кента, dicitur Беды ⁶⁷, два кунига над одной дружиной. Горса погиб. Потомки Генгиста царствуют в Кенте. Германские завоеватели Британии состояли из разн[ых] племен. Сюда шли толпами дегены, скитавшиеся в 5 в. по Галлии: юты, англы, саксы (эти все — с litus), фризы, франки. Из этого — несплоченность народонаселения, объясняющая шаткость а[нгло]-с[акских] государств и легкое покорение их норманнами. В 477 — Элла, основатель Суссекса, 496 — Кердик в Wessex и о. Wright. Борьба его с туземца[ми] упорна.

Здесь явл[яется] герой кельтич[еских] народов — Артур. Он, вероятно, погиб около 537. Кельты не верили в его смерть, думали, что он удалился в чертог сестры своей чародейки Морганы и в известный срок возврат[ится] на гибель саксов. Дела его перешли из песен кельт[ических] бардов в общую поэзию западных народов сред[них] веков. Из преданий ^a об Артуре составилс[я] целый эпический цикл о рыцарях круглого стола. Но после Артура кельты еще удержали отчасти свою самостоятельность: Дамнония (Корнваллис), Камбрия (Валлис), Кумбри (Кумберланд) противились германцам долго. В Валлисе доселе следы и язык прежней неискажен[ной] народности. К северу от Темзы основаны в течени[е] 6-го в. нов[ые] германские государства. Эссекс, Ост-Англия, Мерсия самое сильное.

л. 42 За Гумбером — Нортумб[ер]ляндия из частей || Северной Бернитии и Ю[жной] Дейры, которые часто соединялись в одно. Вообще название Гептархии неправильно: [мнение о] существовании 7 государств разное — их было или более, или менее. Во время опасности один из Гептархов становилс[я] главою прочих; Bretvalda, обыкновенно ближайший к врагу. Вражда между бриттами и германцами не позволяла первым иметь влияние на обращение этих к христианству. Еще будучи священником, Григорий Великий питал мысль об обращении саксов, которых узнал

^a Написано вместо зачеркнутого: песен

чрез рабов из их народа. Он сам хотел пуститься в путь, но был удержан римлянами. В 595 он послал монаха Августина со многими спутниками. Они пристали к берегам Кента, где царствовал Этельберт, женатый на французской принцессе Берте. С его помощью удалось обращение Кента. Августин назначен Григорием, архиепископом Британии — жилище Кентсбюри. Другой архиепископ — на севере, в Йорке. Христианство быстро разошлось между англо-саксами. Последний крестился Суссекс — 681.

Франки: *Historiae ecclesiasticae Francorum* II. decem⁶⁸; *Historiae epitoma per Fredegarium Scholasticum*. *Fredegarii chronicon* (до 644) cum quatuor egat continuationibus до 768⁶⁹; *Annales Francorum*⁷⁰. Tritheim. *Compendium sive breviarium primi volumini chronicorum* и извлечения из первой de origine gentis Francorum. Тритгейм на основании современного Хлодвигу права Гунибальда рассказывает историю франков от 440 по р. X. Собрание Duchesne. *Historia Francorum Scriptores coetanei*, tt. V, 1636—49⁷¹. — *Rerum Gallicarum et Francicarum. Scriptores*, ed Bouquet⁷² и др. Пособия^a. Simonde de Sismondi. *Histoire des Français*; Michelet. *Histoire de France*; Schmidt. *Geschichte von Frankreich*, 1835; Guizot. *Thierry. Lettres sur l'histoire de France* и *Recits mérovingiens*; Laebell. *Grégor von Tours und seine Zeit*.

✓ По Цезарю и Страбону, коренное население Галлии; между Рейном и Сеной — белги, по всей вероятности, смесь побежд[енных] кельти[ческих] племен с победителями их — германцами; между Сеной, океаном и Гаронной — настоящие кельты; между Гаронной и Пиренеями — иберы, народ, существенно отличный от кельтов по языку и происхождению. На Востоке от Роны жило еще отдельное племя лигуров. Все эти особ[ен]ные народы более или менее были сглажены и сплавлены под влиянием римского владычества и образованности. В эпоху падения Западной империи Галлия была разделена следующим образом: северо-восточная часть до реки Соммы принадлежала франкам-салийцам под начальством кунигов, из которых самый сильный — Хильдерих, живший в Турне; Арморика,

^a Написано вместо зачеркнутого: новые соч[инения]

недавно заселен[ная] бритами, ушедшими сюда от англосаксов, была независима; между Луарой, Арморикой и Соммой — владения Сиagriя; вестготфы к югу от Луары — Аквитания и Прованс; наконец к востоку от вестготфов — бургунды, Franche-Conté, || герцогство Бургундия и часть Швейцарии.

Перевес был на стороне готфов; они были сильнее и образованнее других, но против них была катол[ическая] церковь и вследствие того все валхи; к тому же они были удалены от своей германской родины. И как будто оторваны от корня. Между тем франки беспрерывно приливались из внутренней Германии и [с] самого начала Хлодвиг[овых] завоеваний стали в тесное отношение к катол[ическому] духовенству. Хильдерих умер 481, место его занял сын Хлодвиг. При пособии другого фр[анкского] кунига ^а (Рагнахара Камбрейского) он одолел 486 Сиagriя, который бежал к вестготфам, выдан и убит. Земли до Луары покоряются франками. В 496 война с аллеманами, напавшими на рипуариев. Хлодвиг пошел на помощь последним, разбил аллеманов при Толбиакум, покорил их земли. Часть народа ушла в Рецию. Эта война была поводом к обращению Хлодвиг к христианству⁷³. Уже давно увещевала его Клотильда^б. Хлодвигу казалось неприличным для него поклонение Христу: «Он не из рода богов», — говорил франк. После Цюльп[ихской] победы Хлодвиг, его семейство и 3000 дружины приняли христианство. Крестил св. Ремигий, епископ Реймский. Впрочем, языческие верования и обряды долго еще сохранялись в народе. Следы заметны в 8 в. Но Хлодвиг стал полным союзником и ратником православной церкви в Галлии. На него возлагали они надежды свои избавления от ига ариан. «Ты сражаешься, а победа наша», — писал к нему св. Авит, епископ города Вьенны в Дофине.

В 500 г. война с бургундами. Этот народ появился в Галлии около 411 г., почти в то же время, когда вандалы и проч. появились на Пиренейском полуострове, а вестготфы перешли в Южную Италию. Их владения простирались от З. Альпов до р[ек] Роны и Саоны. После поражения претерпе[ваемого] ими от Атилы, они приняли к себе

^а Написано вместо зачеркнутого: вождя

^б Написано вместо зачеркнутого: Бронхильда

кунигов из вестготфского рода бальтов. Они были ариане. При Хлодвиге у них был особенно силен Кундпальт, дядя Клотильды и убийца ее отца. Она старалась найти мстителя в муже. Кундпальт был ~~при~~ ...^а побежден, но удержался в своих владениях, умертвив последнего из братьев своих Годегизеля, перешедшего на сторону франков. В 509 франки начали войну против вестготфов. У последних царствовал тогда Аларих II. Он долго при посредничестве Дитриха Великого сохранял дружеск[ие] отношения с Хлодвигом, опасаясь войны и зная ненависть к своему народу во всем юге Галлии. Наконец Хлодвигу увлекли увещания католических епископов и собствен[ное] честолюбие: «Мне больно видеть, — сказал он дружине своей, — что ариане владеют лучшей частью Галлии; пойдем с божьей помощью против них, прогоним их и возьмем себе их землю — она очень хороша»⁷⁴. Предприятие это не встретило больших препятствий. Бесперывные чудеса облегчали^б Хлодвигу^б его цель: лань указала ему || брод л 44. через р. Вьенну, ночью огненный столп поднялся с церкви в Пуатье, освещая ему дорогу, и т. д. Франки с своей стороны не были неблагодарны, щадили церковь и церк[овное] имущество. Близ Пуатье при Вулье убит Аларих. Завоевания Хлодвиг простирались за Гаронну. Столица вестготфов Тулуза досталась ему в руки. Без Дитриха он прошел бы далее. Последний спас от него Лангедок и Прованс⁷⁵.

После победы над готфами Хлодвиг получ[ил] от императора Анастасия титул патриция и консула империи. Это некоторым образом повысило его право над римской частью народонаселения Галлии: он вступил относительно валхов в права императора. Только одна Бретань в Северной Галлии не сда[лась]...^в прерывая владычество франков, сохраняла независимость. Последним делом Хлодвиг было соединение отдельных фран[кских] дружин в цельн[ые] подчинен[ные] ему народы: простой рассказ Григория Т[урского] превосходно изображ[ает] политику германского завоевателя и нравы его времени.

^а Слово не разобрано.

^{б—б} Написано вместо зачеркнутого: сопровождали

^в Одно слово не разобрано

У₄ Хлодвиг не было возвышенного ума Дитриха, не было мрачного величия Атил[ы], его предприятия не носят на себе такого поэтич[еского] характера, как Алариховы; он более похож на Гейзерих[а]. Смелый, хитрый, деятельный, он без разбора пользовался средства[ми], которые могли привести его к нужной цели. Хлодвиг велел сказать Хлодерику, сыну Сигберта, кунига рипуарск[их] франков (в Кельне): «Вот уже отец твой стар и хром на большую ногу: когда он умрет, его владения и наша дружба достанутся тебе». Хлодерику понял намек и убил отца вслед и дал знать Хлодвигу: «Отец мой умер, сокровища и земли его в моих руках. Пришли сюда кого-нибудь из близких^а к тебе^а. Я с радостью дам тебе, какие хочешь из моих богатств»⁷⁶. Хлодвиг благодарил и просил только показать эти сокровища своим посланным. При осмотре один из послов умертвил молодого кунига. Вслед за тем сам Хлодвиг явился в Кельн, созвал народ и говорил след[ующее]: «Послушайте, что случилось: когда я плыл по реке Шельде, Хлодерику, сын моего родственника, мучил отца своего, говоря, что я хочу его умертвить. Сигберт бежал в лес Буконий, где его настигли убийцы, посланные сыном. Этот также убит, не знаю, кем, в то самое время, как он разбирал сокровища отца. Я вовсе не участвовал в делах этих; как нельзя проливать крови родных моих — это запрещено. Но так как дело кончено, я предложу вам совет: исполните, если найдете полезным. Обратитесь теперь ко мне и вступите под мое покровительство». Народ ответил кликами^б похвалы^б и поднял его на щит. Хлодвиг стал кунигом рипуариев.

Другой куниг франков — Харарих — был вместе с сыном своим посредством обмана взят в плен. Хлодвиг велел их обоих постричь в духов[ное] звание. Старик плакал, сын утешал его, говоря: «Эти ветви срезаны с зеленого дерева; они не высохнут и поднимутся, и зацветут снова».

л. 15 Слова дошли до Хлодвигу. || Он велел убить обоих.

Рагнахар, вождь франков камбресских, помогал Хлодвигу против Сиагрия. Это не спасло его. Хлодвиг подкупил^в его^в дружину, напал врасплох, и Рагнахар, схвачен-

а—а Написано вместо зачеркнутого: твоих приближен[ных]

б—б Написано вместо зачеркнутого: рукоплесканиями

в—в Написано вместо зачеркнутого: наполнил его

ный в бегстве, был вместе с братом приведен к победителю. Они были в цепях^а. «Зачем посрамил ты род наш, давши сковать себя,—спросил Хлодвиг,—лучше было бы тебе умереть»,—и разможил ему голову секирой. Потом, обращаясь к брату Раг[наха]ра: «Если бы ты помогал брату твоему, то на нем не было бы цепей», и также разрубил ему голову. Изменившая дружина получила вместо условлен[ных] золотых медные монеты. Жаловаться было некому.

Истребив таким образом всех родных своих (еще несколько, кроме вышесказанных), он однажды собрал дружины^б свои и жаловался: «Горе мне, я остался один, как странник в чужой земле, и нет у меня кровных, [которые] помогли бы мне в день нужды». Жалоба была хитрость: ему хотелось узнать, не уцел[ел] еще кто-нибудь из обречен[ных] жертв. Забавно примечание Григория к этому рассказу: «Благодатью божьей враги Хлодвига ежедневно падали от руки его, и царство его расширялось, ибо сердце его было открыто, и дела его были угодны очам господним»⁷⁷

Хлодвиг ум[ер] 511. Государство его раздел[илось] между 4 сыновьями: Дитрих, старший, прижитый до брака с Клотильдой, получ[ил] земли собствен[но] франков на востоке от Мааса и Мозелы. Как далеко простирались его владения на правом берегу Рейна, трудно решить. Государство его назыв[алось] Austrasia, Austri-Francia, Oster, столица — Мец. В участках трех прочих братьев жило много франков, составлявших их дружины, но главное народонаселение состояло из валхов. Эти страны на[зыва-лись] в противоположность к Австразии Neuster, Neust-rasia. Хильдеберту досталась Нейстрия в тесн[ом] смысле, т. е. Париж и западная полоса Галлии, кроме Бретани; Хлодомиру — Орлеан, при нем Анжу, Мен, Touraine, Berry; Хлотарю — Суассон и земли от [Amiens] до Мааса. Сверх того, каждому из братьев достался участок в Аквитании. При этих кунигах государство Хлодвига было значительно распространено: к их времени относится покорение Турингии и Бургундии. Первая была покорена около 530 Дитрихом и Хлотарем при помощи саксов, которые

^а Написано вместо зачеркнутого: введены

^б Написано вместо зачеркнутого: народ

взяли за участие Северную Турингию до Унструта. Южная была добычею франков. Имя Турингии сохранил[ось] только в небольшой части края, который прежде так назывался. Причиной войны с бургундами, кроме честолубия, была месть Клотильды против Кундпальта и его рода. В 523 г. сыновья Хлодвиги уже нападали на государство бургундов и отняли у них многое, в 534 они сокрушили его совершенно. Но бургунды сохранили свои права и особенности народного быта под фр[анкским] владычеством.

Бедствия остготфов в Италии обратились также в пользу франк[ских] кунигов: союза равно искали обе стороны и старались купить его дорогой ценою. Куниг Дитбер, сын Дитриха Австраз[ийского], ходил действительно в Италию в 539 г., но он не помогал никому, а грабил и бил без различия готфов и византийцев^а. Подвластные готфам аллеманы || к югу от Дуная и Байоария присоединились к государству франков, сохранив, впрочем, не только, как Бургундия, свою народную правду, но и собственных кунигов, или герцогов. У байоариев...^б В 558 из всех сынов Хлодвиги остался в живых только Хлотар Сакс[онский]; он соединил в одно владения братьев и правил ими до 561, когда государство распалось снова на 4 части между сынами Хлотаря. Хариберту достался участок Хильдеберта, Гунтраму — Орлеан и Бургундия, Хильпериху — Soissen, Сигберту — Австразия. По смерти Хариберта его земли были разделены между братьями. Париж остался в общем владении./

л. 46

Время не позволяет входить в подробности этой истории — они важны, потому что прекрасно выражается нравствен[ное] состояние двух народов, которые сливались в один. Но должно заметить, что римский элемент решительно и скоро одержал верх к югу от Луары — в прежних вестготф[ских] и бург[ундских] землях^в, между тем как в Австразии он почти совершенно исчез. Эта часть государства франков служила мостом для пересел[ения]

^а Написано вместо зачеркнутого: римлян

^б Одно слово не разобрано

^в Здесь в подлиннике пометка о примечании, но самого примечания нет

германцев в Галлию: они ^а беспрестанно подвигались с этой стороны на запад, и фр[анцузские] историки не без основания полагали для своего отечества концом нашествия ^б варваров ^б времена Каролингов. (В Нейстрии — римляне ^в очень рано занимали при кунигах важные должности и не только по внутрен[нему] управлению, как у других германских завоевателей, но и войске. Патриций... ^г у Гунтрама, не говоря о духовенстве, которое почти исключительно из валхов и обл[адало] сильным влиянием) ^д.

Автограф. ОПИГИМ, ф. 276, ед. хр. 126.

^а *Написано вместо зачеркнутого: дружины*

^{б—б} *Написано вместо зачеркнутого: переселения народов*

^в *В подлиннике пометка о примечании, но самого примечания нет*

^г *Имя не разобрано*

^д *Далее опущен отрывок по истории народов Скандинавии (см. Предисловие, стр. 17)*

ЛЕКЦИИ 1848/49 г.

(запись В. Ссбчакова)

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

[ЛЕКЦИЯ] ¹, ЧЕТВЕРГ, 10-го СЕНТЯБРЯ ^а.

л. 1 Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением. Этот ^б ключ найти нетрудно ^б. Мы уже однажды основательно заметили, что к истории надобно приступать с большею простотою мысли и чувства. Надобно отказаться от всякого наперед составленного построения истории — она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав свой принимает все другие науки ^в, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков,

^а Все заголовки к лекциям написаны на полях подлинника

^{б—б} В рукописи «Б»: этот ключ — история прошедшего времени: деятели на поприще истории — человек, один и тот же, со всеми своими достоинствами и недостатками, и история — живое, связанное, органическое прошлое: не поймешь настоящего, если не будешь знать прошедшего, а события последних 60 лет Европы более объясняют всю древнюю историю, чем другие какие-либо исследования (л. 1).

^в В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее составлено: ибо она требует многостороннего обозрения (л. 1)

Владимир Собчаков

Григорьевич

Лекции Средней Азии

Первый выпуск

Лекции I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX. —

Владимир Собчаков

Григорьевич

Рис. 3. Обложка рукописи Владимира Собчакова с лекциями Т. Н. Грановского (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2)

предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков. Известно, что в великом движении, которое обнаружилось в сфере истории в наше столетие, часто повторялось следующее выражение, девиз, так сказать, который был причиною искаженного понимания истории: «Нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи». Мысль, сама по себе глубоко верная и справедливая, в приложении подверглась значительному искажению, особенно, может быть, в Германии, ибо не все ее верно поняли.

Стараясь оторваться от настоящего^а, большая часть историков смотрит на прошедшее как на нечто, отдельно существовавшее, на нечто, отрезанное, так сказать, от настоящего времени, смотрит на человека древнего^б и средневекового как на определившегося известным политическим положением, известным складом идей и т. д., так что в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, которых действия постоянно изменяются вследствие перемены идей, но которые всегда остаются людьми с теми же страстями || и с постоянным л. 1 об. стремлением к одной великой цели; так что при одной и той же цели различны только пути, более или менее в ту и другую эпоху сознательные, так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть до истинного понимания истории. Зная, к чему идет человечество, постоянно мы с небольшим усилием можем видеть, почему в данный момент еще невозможно было достигнуть цели, каких условий недоставало к тому^б; увидев человечество в различ-

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI вставлено: и присоединиться к прошедшему (л. I)

^{б-б} Там же: как на не имеющего ничего человеческого; выпущено было историками [из] виду, что деятель истории есть человек, всегда одинаковый внутренно, хотя он наружно и изменился вследствие политических причин: те же страсти, те же цели и требования. Усвоив это, увидим, что история проста, что человек стремится к одной цели, к сознанию. Весь прогресс истории заключается в том, что человек в каждом столетии становится сознательнее; мы увидим, к чему идет человечество, почему ему не удалось достигнуть в данное время этой цели, чего ему недоставало (л. I).

ные эпохи жизни его, мы не упадем духом, ибо увидим его после многочисленных мужественных опытов не достигшим цели, но и не падшим.

Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть нечто живое, связанное, органическое. Доказательство недалеко — мысль нашу вполне оправдывает настоящая эпоха. Здесь нам русским открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы наблюдателями^а и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдания своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение. Не нужно вдаваться в дальнейшее объяснение этой мысли, ибо весь курс будет оправданием идеи, теперь высказанной. ||

Предметом настоящего курса будет история средних веков. Она начинается по обыкновенному построению падением Западной Римской империи и оканчивается или открытием Америки, или Реформацией. Но разделять таким образом историю значит резать ее по живому; одним годом нельзя отделить древнего мира от среднего; переходы от одной жизни к другой совершаются постепенно и медленно и составляют отдельные поучительные эпохи истории. Таков переходный период от древней истории к средней, период разложения древних форм и образования

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: движения (л. 1)

средневековых; такой же мы можем заметить при переходе от средневековой жизни к новой: еще с 13 века заметно начинается постепенное разложение средневековых форм, появление новых идей, требование нового порядка и продолжается до 16 столетия.

Резкое разграничение древней, средней и новой истории существует с недавних пор, именно с начала 18 столетия, когда историю делили еще на периоды, высказывая к тому довольно наивную причину, что читателю на известной эпохе должно остановиться как бы для отдыха и спокойно обозреть все пройденное. Впрочем, основание деления истории справедливо, хотя и здесь нельзя не сделать нескольких упреков.

Древний мир сам по себе представляет полный завершившийся период развития рода человеческого с дряхлыми неподвижными общинами Востока, коих поучительные развалины до сих пор призывают к созерцанию первобытных форм общества; Греция и Рим представляют картину и юного, и зрелого, и состарившегося ^а человечества. Так называемый мир классический, греко-римский, имел определенное число идей, лежавших в основе всей его жизни; мы присутствуем при зарождении этих идей, видим изящное осуществление их в известных формах и, наконец, поучаем над разложением этих форм; мы можем проследить жизнь этих начал от первого их зарождения и до последнего конца, т. е. до конца 5 ст. по р. Х., когда эти начала стали изнашиваться, так сказать, человечеством. Но гораздо труднее отделить среднюю историю от новой и еще доселе можно принять в истории два отдела: мир ^{л. 2 об.} языческий и || мир христианский. Конец 15 века и начало 16 лягут рубежом между средневековым порядком и новым, но не таким резким, как 5 век; здесь осталось то же христианство, многие начала остались те же, только в новой форме, под новыми оболочками. Устранив Россию от западной истории до 18 века, когда она связывается с Европой Петром Великим, мы можем ^б сказать, что средневековая Европа есть Европа феодально-католическая ^б, а последние три столетия — переходные от этого порядка к другому, ко-

^а В рукописи ГБЛ, М 3598. XVIII далее: в античных формах

^{б—б} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: можем назвать Европу Европою феодальною, католической (л. 1 об.)

того мы еще не знаем, от средней истории к новой, еще нам не известной. Следовательно, эти три столетия, протекавшие со времени окончания средней истории, аналогичны сходны с теми, которые оканчивают древний мир; другими словами: здесь разложение западного общества, там падение республики, падение империи и явление новой формы, нам уже известной.

Окончим введение наше исчислением учебников и руководств. Кроме Кайданова^{2, 3}, о котором нечего и говорить, есть история Смаградова⁴ — дурная переработка или переделка книги Лео. Г. Смаградов ее испортил, потому что многого не понял; крайнее понимание Смаградова видно даже и из того, что он часто не умеет отличить источника от учебного пособия. Несравненно выше стоит история Лоренца⁵, единственная на русском языке, кроме незначительных переводных. Лоренцу можно сделать один важный упрек: он остался при той же точке зрения, которую руководствовались историки 20 лет тому назад, при всей своей видимой учености. В древней истории он понял связь между наукою и жизнью, между литературою и обществом, и представил удовлетворительный обзор греческой и римской литератур. Средние века имеют свою литературу и науку, которые обнаружили огромное влияние на развитие средневековой общественности, но на нее Лоренц употребил только несколько страниц, разобрав прекрасно политическую историю, т. е. он анатомически разложил^а жизнь и забыл ее духовную часть⁶.

Галлам⁷, переведенный с английского на немецкий и французский языки. Эта книга пользуется большим уважением, хотя, собственно, это уважение должно быть отнесено к другим трудам автора. В ней есть только один хороший отдел, именно по английской истории — и то история английской конституции, юридической Англии; что же касается до изложения истории других народов, то она ниже посредственности.

Лео заслуживает особенного || внимания. Одна книга, изданная им в 1830 году, под названием *Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*, 2 тома; он перестал делить историю на внешние периоды, он сгруппировал события около

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XVIII далее вставлено: одну сторону жизни (л. 2)

известных направлений. Потом, в 1836 году, вышли два тома его всеобщей истории,⁸ заключающие историю средних веков; здесь много глубоких и остроумных замечаний; относительно внутреннего характера должно указать на некоторые странности: он поклоняется средневековым формам, в которых видит идеал человеческих обществ, а на великие религиозные явления среднего века смотрит он слишком с ограниченной точки зрения. Кроме того, Лео всегда указывает на литературу предмета, на самые превосходные сочинения, и с той стороны книга его заслуживает преимущественного внимания. Вообще же как учебник она не может быть употреблена.

Книга К о р т ю м а⁸, гейдельбергского профессора, написана с пристрастной точки зрения; в ней недостаточно оценено участие латино-германского племени в образовании средневековых форм. Впрочем, написана дельно, умно и читается с удовольствием.

Из сочинений в большом объеме должно обратить внимание на книгу Ш л о с с е р а, патриарха европейских историков, мужа-историка, не имеющего себе подобного в Европе. Около 30 лет тому назад начал он печатать свою всеобщую историю⁹. Первый том заключает древнюю историю, слабо написанную, но свидетельствующую о великой учености автора; остальные 6 (7) томов содержат историю средних веков до начала 13 столетия; об этом сочинении можно сказать вместе с Лео, что это средневековая хрестоматия; она вся состоит из выписок летописей, потому-то Шлоссер всегда почти говорит словами источников; это не органическое понимание истории, но по ней видно, что автор сам учился, но как ученый. Впрочем, и его должно упрекнуть: а) в недостаточном рассмотрении развития политических форм; б) в том, что он выпустил из виду историю литературы и историю образования, хотя сам указал прекрасный образец этого в своей древней истории || и истории 18 века, и оправдывается в этом только тем, что приводит выписки. Отчасти недостатки этой книги объясняют недостатки книги Лоренца. Теперь он^а издает «Weltgeschichte für das deutsche Volk»; это популярная обработка ученых его сочинений, в которых сам Шлоссер указал на некоторые недостатки и ко-

^а Т. е. Шлоссер

торые дополнил указанием на литературные памятники средних веков, и в этом отношении это популярное сочинение выше его других сочинений. Заметим вообще, что Шлоссер отличается прямою нравственного чувства ^а.

Р е м. Handbuch der Geschichte des Mittelalters, 8 томов, сухо написанных, не для чтения, но зато он хорошо уяснил хронологию средних веков, чрезвычайно трудную, потому что каждый народ в то время имел свою хронологию, свои эры, календари и прочее. Кроме того, драгоценны его генеалогические таблицы, превосходно и точно отделана история мелких восточных династий, богатая литература источников, ибо упомянуты все летописи, из которых заимствовал Шлоссер, и притом с указанием где какая написана и хранится.

Ц е з а р ь д е К а н т у ¹⁰ издал несколько лет тому назад Всеобщую историю, которая была переведена на французский язык и теперь переводится на немецкий язык. Главная причина успеха этой книги — католическое воззрение автора. В 14 вышедших томах заключается древняя и средняя история. Канту — человек ученый, знакомый с немецкой, английской литературами, отделал свою историю так, что каждый период ее свидетельствует прямо о значительной учености автора, что весьма редко между итальянскими учеными; католическое же воззрение в его истории есть нечто внешнее ^б (мы имеем подобное воззрение в речи о всеобщей истории Боссюэта). Оно односторонне, но величаво и поэтично, и ему нельзя отказать в значительном достоинстве.

Г и б б о н ¹¹ — о падении западной Римской империи — носит явные следы своей эпохи, т. е. 18 столетия. Гиббон не понимал важности христианства и потому не всегда относится о нем с выгодной стороны, не всегда прилично мыслящему человеку; потом мало знаком с древностями. Вот дело слабой стороны, но едва ли в какой-либо книге найдем мы такой спокойный, глубокий и ясный взгляд на события. Есть, конечно, много неверностей и устарелости,

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: Лоренц — его ученик и много пользовался трудами Шлоссера, так что сочинения Лоренца можно назвать извлечениями из Шлоссера (л. 2 об.)

^б В рукописи ГБЛ, М. 3598. XVIII далее: оно односторонне, но при всем том величаво и поэтично (л. 5)

но это огромный исторический талант, который не может не иметь влияния на читателя. ||

л. 4 Географические карты — пробел в нашей науке, который отчасти пополнен французскими монахами Бенедиктинского ордена. Есть карты офицера баварского Шпрунгера. Потом наука наша вечно обязана Дюфрени Дюканжу, который составил *Glossarium mediae et infimae latinitatis* — труд колоссальный; он же издал *Glossarium mediae graecitatis*. Но как он один не мог истощить всего богатого запаса, то его труды продолжали бенедиктинцы, труды которых вместе с словарем Дюканжа с 1840 г. издаются с исправлениями Дидо, и теперь уже вышло 67 томов. Относительно хронологии среднего века заметим книгу — неполную, но полезную — Брингмейстера, недавно вышедшую в Лейпциге.

[ЛЕКЦИЯ 2], 13 СЕНТЯБРЯ

Предварительно нужно ознакомиться с элементами, оставленными древним миром в наследие средним векам. Каждый период в истории человечества носит на себе особый характер, особенные признаки, которые составляют его цивилизацию^а. Нетрудно уловить господствующие черты древней цивилизации, нетрудно потому, что она была гораздо проще^б в своих элементах^б; эти черты — цивилизация и ационально-политическая: под эти два начала подчиняются все остальные элементы. Мы не говорим здесь о народах восточных: влияние их на Европу обнаружилось гораздо позже. Известны блестящие судьбы, богатства и глубокое образование Греции и те отношения, в которые она оставлена была к Риму; разлагаясь^в сама в себе^в, она популяризировала, скажем более — она опошшила начала своей цивилизации, чтобы передать их Риму, практическому смыслу которого

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: (Слово образованность составляет только одну сторону цивилизации, и потому оставляем иностранное) (л. 3)

^{б-б} Там же: средневековой. Ее можно назвать национальной, политическою (л. 3)

^{в-в} Там же: Источив свои жизненные начала (л. 3)

были недоступны отвлеченные теории греческой философии. Рим перерабатывал по-своему ее начала, практически прикладывая их к своей собственной жизни; из идей научных он выработал идеи общественные, гражданские.

Какие же были эти идеи, которые он выработал || и оставил, которые играли важнейшую роль в цивилизации новых веков, сменивших древние? Идея нации она была господствующей в древнем мире, но она всех слабее действовала в средние века. Национальность государств средневековых начинает слагаться не ранее XI столетия: время от V до XI века можно назвать только эпохой образования народов. Каждый народ разделялся здесь на несколько родов: род общин, вассалов, тиранов и т. д. ^а. Феодал французский был гораздо ближе к немецкому, чем к его собственному, живущему у его подножия вассалу: между первым и последним не было ничего общего, кроме языка и религии ^б. Следовательно, элемент национальный, источник высших доблестей древнего мира, оставался без влияния на значительнейшую часть средневекового мира.

И другой элемент — политический ^в — играет роль второстепенную в жизни средневековой. Политическая опытность, завещанная древним миром, художественное построение государства были не поняты и не приняты в этих обществах, которые еще должны были бороться с анархизмом, которым еще долго оставалось ждать, пока получают они хотя какое-либо устройство. Часто встретим мы здесь сильное, великое лицо; но при глубоком взгляде на него мы увидим, что оно проникнуто древней цивилизацией, что вынесенные им идеи вынесены не из среды, его окружавшей, но из среды прошедшего, — таковы были Карл, Альфред. И, несмотря на те огромные силы, которыми были одарены эти люди, их начинания, их попытки не удались. Общества были еще далеко не зрелы || для тех государственных форм, которые хотели им дать и которые заимствовали от древнего мира, зрелого в своем развитии. ^г

^а—^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI: Во всех государствах был народ дворянский, феодальный, общинный и приватный (л. 3)

^б Там же далее: но и религия не составляла сильной связи, несмотря на усилия церкви (л. 3 об.)

^в Там же далее установлено: который находится в тесной связи с национальностью (3 об.)

Таково было государство Каролингов¹; судьба государства англо-саксонского после Альфреда еще печальнее.

Но древний мир завещал миру средневековому другие идеи, которые пали на почву благодарную и выросли богатым плодом. Это^а наука. Образование древних перешло в средние века, хотя путями часто темными, незамеченное, часто враждебное жизни, без силы бороться с нею^а. Есть нечто великое и утешительное для историка, мыслящего в этой способности одного периода истории человечества передавать другому накопленные им блага. По видимому, в начале средних веков, цивилизация погибла.

У^б современных отцов церкви встречаем мы глубокие жалобы на всеобщий упадок науки^б. Только церковь приняла ее под свое покровительство — массы оставались к ней равнодушными, и великие памятники древности погибали. В продолжение скольких веков имена древних писателей были известны только отшельникам, во глубине келлий || сочувствовавших временам минувшим. Но, кроме великих образцов, древность завещала новым векам другие памятники, памятники для нас слабее, но важные для того времени: им суждено было поддержать интерес древней цивилизации. Таков краткий учебник М а р ц и а н а Ка п е л л ы^в, компиляция, составленная трудами, без всякого ученого достоинства. История, казалось, предугадывала, что поколениям средневековым нужно будет заняться другими делами, что им недоступны будут великие творения древних, и хранила компиляции, сокращения, где древняя наука выражалась в скудных элементах и началах. Но эти бедные памятники важны с исторической точки зрения. Они сами не ведали, какой великий подвиг творили они: приспособленные к состоянию падшей, развратившейся древней Европы и новой, грубой и невежественной, они хранили для человечества воспоминания о науке. Известно, что средневековые школы разделялись на 7 классов и в каждом классе препода-

а—а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI: Наука и образование древнего мира перешли в средние века новыми путями, но они перешли незамеченно, часто враждебно, но они были одарены силою жизни, кою могли подавить древние формы (л. 3 об.)

б—б Там же. Церковь одна понимала значение науки (л. 3 об.)

в В рукописи описки: Капета

валась отдельная наука: начало для этого деления лежит в книге Марциана Капеллы, разделенной по наукам на 7 отдельных глав.||

Следовательно, первый из указанных элементов средневековой цивилизации — была наука. Другой элемент, без которого не могла бы удержаться и древняя наука, — религия. С началом христианской религии падают древние общества; но христианская проповедь начата среди них, на их языке: нужно было, чтобы эти языки остались в глубоком уважении, ибо с ними дано ручательство бессмертия древней цивилизации (мы не говорим здесь о самом христианстве, которое вне всяких посторонних целей).

Далее, древний мир, разрушаясь, не мог совершенно отречься^а [от] самого себя. В последние столетия^б он выработал много новых учреждений, учреждений простых, не определенных прежними строгими формами, но положивших начало новым средневековым учреждениям: здесь-то получили свое начало средневековые общины. Заметим, однако ж, что города римские, уже и после того как были заняты варварами, держались своих муниципальных учреждений и что эти-то муниципальные учреждения условили и упрочили существование римского права, которое впоследствии должно было вступить в борьбу с обычаями средних веков и сокрушить их, право, которое французские юристы 14 и 15 столетия называли писменным разумом. Наконец, самая частная жизнь, как существовала она в последние столетия римской империи, не могла не иметь сильного влияния на начала жизни средневековой. Не одно удивление ей принесли новые народы: они внесли древние начала в свою собственную жизнь. Но безнаказанно не могли они коснуться стран, старых образованностью и развратом: сперва потеряли они свою нравственность, потом религию^в.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее: отвлечься от самого себя (л. 4)

^б Там же далее вставлено: в разрушительной борьбе (л. 4)

^{в-в} Там же: Эта жизнь должна была поразить сподвижников Хлодвиг, но, кроме удивления, возникло другое чувство. Эта жизнь пленила их своею красотой; они сперва приняли ее как материальное наслаждение, сблизилась с развращенными народами, пленились красотой их жизни и потом мало-помалу

Следовательно, стихи, завещанные древним миром, были начала науки, язык, религия, муниципальные учреждения, римское право, жизнь образованная и ее привычки.

Но здесь рождается другой вопрос, особенно к нам близкий. Большая часть благ древнего мира досталась в удел германским племенам; славяне пришли позже и не нашли на почве, занятой ими, тех поучительных развалин, которые достались германскому племени: что же досталось в удел им? Цивилизацию свою они должны были выждать и выстрадать; но и для них был источник образования, другой — Византия^а.

О переходе древних элементов в мир средневековый: Фориель — История Южной Галлии под владением германцев; Жюль де Петиньи^б — недостатки его^б: малое знакомство с германскими исследованиями; смешивание германского и кельтского племени^б (Авг. Тьерри). ||

л. 2 об.

IV. ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Поголовная подать, падавшая на свободных людей, была уменьшена^в... в пользу отдельных городов, потом целые сословия освобождались от этой подати, но государство не могло обойтись без налогов и взыскивало от про-

утратили чистоту и простоту своей жизни. Таков всегда таинственный процесс истории, где из зла вытекает благо, имеющее родить новое зло, но зло не непобедимое (л. 4 об.)

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: Но государственные учреждения Византии, дух византийского народа не способен принять народ славянский. Этим объясняется позднейшая история, медленное развитие славянского племени, не менее других одаренного природою и не с меньшими правами на историю. Сказанное нами необходимо, ибо указывает связь, коя существовала между древней и средней историей. Укажем на полезные сочинения (л. 4 об.)

^{б-б} Там же: Он мало знаком с германской ученостью, прямо обратился к источникам и часто мучительным трудом доходил до результата, уже добытого германскими учеными; отсюда же происходит у него слабое отделение германцев от кельтов, коя различны весьма. Тем не менее она (книга. — С. А.) лучше и выше превосходного сочинения Августина Тьерри, который часто увлекает художественностью таланта (л. 5)

^в Далее слово не разобрано

стого класса *solatio lustralis* — 5-[летн]ий сбор^а, чрезвычайно тяжелый; *augur coropagium* — добровольные дары при вступлении на престол, в торжественных случаях. Но самая тяжелая подать была поземельная. Если посмотреть на начало, лежащее в основе этой подати, то оно верно. Еще при императоре (Диоклетиане или Марке Аврелии?) земли были разделены на участки по^б оценке доходов^б; каждый участок назывался *caput*, списки — *capitastra*, откуда наше «кадастр». Оценка^в совершалась через пятнадцать лет. В начале каждого года совершалась смета государственных расходов, и она делилась на число участков. Ясно, что государственные расходы приведены были в весьма правильное соотношение с приходами, но римская система доходов и налогов — правильная, простая — сделалась впоследствии тягостным бичом. Не говоря о том, что значительная часть империи была изъята от налогов и, таким образом, вся тягость пала на другую часть, но и самые эти налоги были неимоверны. Прежде империя содержала одну армию и один двор. С Диоклетиана являются четыре армии и четыре двора, с Константина — три. При определении участков являлись страшные злоупотребления чиновников; вообще подати и налоги взыскивались с чрезвычайной строгостью; у Лактанция найдем много тому примеров; он говорил, что в Египте трудно было найти человека, который не носил бы рубцов на теле от ударов сборщиков податей¹; но, собственно, вся эта тягость пала на среднее сословие¹; || аристократия почти не участвовала в государственных повинностях, она только платила поголовную подать за колонов и рабов своих.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: собирался так жестоко, что отцы продавали в рабство детей для уплаты этой подати. Еще вольные дары — *augur coropagium*, кои собирались для подарка государю по случаю коронования, торжественного въезда в город, победы и проч. Города были наполнены пролетариями, особенно Рим. Еще республика подала пример кормить праздных граждан. Но между древним и новым пролетарием есть различие: новый пролетарий с оружием в руках требует труда и приличного вознаграждения за труд; древний требует хлеба и без труда. (л. 9)

^{б-б} Так же: приносившие известные доходы (л. 9)

^в Там же далее вставлено: и определение этих *capita* (л. 9)

¹ Далее зачеркнуто: собствен[ников]

В IV столетии недоимки оказались страшные. Правительство поручило их взыскивать с куриалов и преследовать их страшною взыскательностью. Прежде почетные граждане добивались быть куриалами, заседать в курии, собирать подати, но теперь эта честь была уже чем-то опасным, была наказанием. На куриалов сложили содержание всех общественных заведений. Но курии составлялись из среднего сословия, и оно погибло под этим гнетом. Всякий, кто только мог освободиться от курии, бежит отсюда, бежит в другие классы, изъятые [от] податей^а. Но закон преследует его. Закон запрещает куриалам вступать в армию, в духовное звание^б; куриалы даже добровольно шли в колонны. Исследования Савиньи показывают нам значение и отношения колонатов, но происхождение их неизвестно. Можно думать, что колонаты получили начало в Галлии, где кланы^в были небольшие общества, находившиеся в зависимости от своих начальников. После римских завоеваний, когда галльские начальники кланов должны были уступить свое место^г начальникам из римлян, эти патриархальные отношения кончались. Вместо родственных связей, соединявших прежде в кланы начальника и подчиненных, явилась одна только связь — подчиненности. Многочисленный класс колонатов явился чем-то средним между свободными и рабами. Всякий^д, кто жил тридцать лет на чужой земле, получал звание колоната^д. Отличие колонатов от рабов заключалось в следующем: колонаты имели собственность^е, в известных случаях он[и] мог[ли] жаловаться на господи-

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: каковы армии, духовенство (л. 9 об.)

^б Там же далее вставлено: и запрещает им пользоваться свободою (л. 9 об.)

^в Там же далее: находившиеся в зависимости от родоначальника кланов, составляли небольшие общества, жившие на патриархальном основании (л. 9 об.)

^г Там же далее: римлянам, принять римские обычаи, и вскоре явилась зависимость, подчиненность (л. 9 об.)

^{д-д} Там же: В колонаты в 3-м и 4-м столетии можно было вступить посредством договора, чрез рождение, и посредством должности: кто жил 30 лет в клане, тот делался колонатом (л. 9 об.)

^е Там же далее: которую, впрочем, не могли отчуждать без согласия господ. (л. 9 об.)

на, господин не мог их продавать без земли. Этот класс людей чрезвычайно размножился в течение последних столетий перед падением империи. Страшное небывалое явление в истории, которое повторялось в 9 и 10 ст. Свободные люди добровольно отрекаются от свободы и ищут убежища в неволе, в колонате. В определениях, которые мы встречаем в кодексе Феодосия относительно куриалов и колонов, видим что-то небывалое дотоле: закон стал чем-то враждебным. Настали другие времена. Римское право, справедливое в своем основании, было в этом приложении орудием жестокости. Читая писателей, живших в конце 3 — начале 4 века, вы будете поражены жалобой, горькими воплями общества, которое медленно обессилело. Мы привыкли на основании старых поверий считать нашествие варваров^а гибелью для Рима, но римляне толпами бежали из римских областей, дабы найти убежище у германцев. Вообще надобно отвыкнуть от мысли, что германское завоевание совершено разом; нет, оно было последовательно в продолжение двух столетий. Римляне успели привыкнуть к ним, они видели их в своих легионах^б и во всех гражданских должностях. Толпы утесненных римлян искали убежище у германцев. Но не могло дело обойтись без возмущений. Доведенные до крайности сельские жители часто прибегали к оружию. В Галлии в 3 столетии начинаются^в багауды (от багад, шумная толпа). Багауды объявляют войну^г, они грабят, они^д покинули общество, будучи доведены [до] этого голодом². В Италии, Фракии огромное количество пастухов занимается грабежами. Были другие средства обмануть закон: целые селения переходили под власть аристократов, которые

^а Там же далее: самым страшным явлением в Риме, но, читая жалобы современников, видно, что римляне благословляли варваров и толпами бежали к ним, чтобы найти убежище. [Сальвиан] Массилиот, писатель V столетия, говоря о бегстве римлян к германцам, говорил: в том единственная мольба их — да не возвратятся они под иго римлян и останутся навсегда с варварами; это признание современника, который все видел своими глазами, очень вероятно. (л. 10)

^б Там же далее: они видели в них своих победителей (л. 10)

^в Там же далее вставлено: крестьянские бунты (л. 10)

^г Там же: далее вставлено: целому обществу (л. 10)

^д Далее зачеркнуто: выгнанные

освобождены были от налогов. Они^а были патронами их^а. Результаты нетрудно было предвидеть: бедность низших классов, истребление низшего и среднего сословия, огромные пустыри, образовавшиеся в^б самых цветущих провинциях; множество лучших полей оставались пустыми, незасеянными, владельцы земли должны были вступить в курии. Приведем пример, характеризующий это неустроенное общество^б. ||

л. 10 об. Когда Юлиан, назначенный пезарем, приехал в Галлию, то там он нашел, что каждый сарут платил до 25 ассов золотых монет. Юлиан пробыл в Галлии не более пяти лет, следовательно, он не мог улучшить участь жителей, но строгость сборщиков он успел уменьшить. Сарут впоследствии платил только до 7 ассов^в. Таким образом, Римская империя, эта богатая часть мира, это пространство, наиболее осыпанное щедротами природы^в, на котором искони совершались великие исторические события, представляет в экономическом отношении самое жалкое, горькое страшное зрелище. Этот порядок вещей, явно обреченный на разрушение.

Посмотрим на Римскую империю IV и V веков с другой стороны: она наследница богатой образованности и цивилизации Греции и древнего Рима. Империя разделялась по языку и некоторым национальным особенностям на греческую и латинскую, на Восток и Запад. В восточных провинциях аттикум^г пустил глубокие корни, в Сирии и Египте свободные классы говорили по-гречески^д.

На западе латинский язык был широко развит, занял свои права. На этих двух языках говорили образованные люди Римской империи, на этих же языках говорили и рабы.

Условия образованности существовали самые богатые. Великолепные города с памятниками искусства, книго-

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: Но как патроны, так и клиенты подвергались за это пене (л. 10)

^{б-б} Написано вместо зачеркнутых слов: в Италии и зачеркнутой фразы (неразобранной)

^в В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: одарен[ное] внешними условиями цивилизации государственного порядка (л. 10 об.)

^г В рукописи «Б»: образованность Аттики (л. 14)

^д В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: туземные языки были предоставлены только низшему классу. (л. 10 об.)

хранилищами, многочисленными школами; ученые, литераторы, художники пользуются особыми милостями императоров. Император Константин освободил профессоров и меликов от всяких городских повинностей и допустил *ad honores*. Император Феодосий II, основавший Константинопольскую школу, поставил профессоров этой школы наряду с *comites* и с викариями 13 диоцезов. Во внешних средствах ^а недостатка не было. Любопытно было бы заняться одним исчислением известных школ того времени. В особенности славилась богатством учебных заведений Галлия и Африка. На Востоке особенно славилась школы Афинская, Александрийская, Беритская, приготавливавшая специально юристов.

Наука была необходимым условием. Германцы вступали в римскую службу, завоевывали себе места и уважение храбростью, но римлянам оставалась наука, они должны были предпочитать образованность месту службы. Между тем наука совершенно представляет жалкое зрелище ^б вследствие бедных наблюдений. Произведения искусства древнего были искажены, истреблены или не пользовались должным уважением ^б.

Источники для цивилизации Рима в первых веках. (*L'Histoire littéraire de la France*) — [труд] бенедиктинских монахов — от начала галльской письменности. Этот труд продолжается членами Парижского института. Доселе вышло 22 или 23 тома. Здесь нельзя искать идей, но относительно фактов есть много любопытного. Здесь исчисляются все сочинения // каждого писателя, даже самого незначительного. Один из фран[цузов] же — Ампер — приступил к изложению литературы средних веков. Его *Histoire de la littérature en France* ⁴ принадлежит к весьма хорошим пособиям для изучения литературы времен упадка империи, хотя Ампер в этом отношении много обязан бенедиктинцам. До сих пор вышло 3 тома до 11-го столетия. Он также захватывает последние времена империи. л. 11

^а Там же далее: поощрениях не было недостатка — наука есть необходимое условие для достижения хорошего положения в свете. (л. 10 об.)

^{б-б} Там же: бедность идей, бедность точных наблюдений и фактов, форма древнего греческого искусства исчезла. Рассмотрим эти сферы и проследим разложение античного элемента. (л. 11)

Но исключительно литературные произведения недостаточны для показания состояния общественности. Шампаньи — Les Césars (1½ столетия Римской империи), где автор, очевидно, хочет показать аналогию между упадком^а Рима и 14 и 15 веками. Мысль его — показать общие законы умирающего древнего Рима миру новому, как memento mori^а. Ему нельзя отказать в некотором таланте изложения, но у него не достало строгой методы и основательного знания источников^б. Благодаря популярному изложению оно получило благосклонность у публики. В прошедшем году^б Шмидт — Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im Römischen Reich* Она носит общий недостаток — сухость; сходство есть между Шмидтом и Шампаньи, но еще больше разности. Общая ему и Шампаньи мысль — показать аналогию между теперешним состоянием Европы и состоянием тогдашнего времени — увлекает Шмидта в различные преувеличения и крайности. Так, Шмидт хотел показать, что цензура в последние времена у Рима была такая, как в 1847 в Пруссии. Такие аналогии мелки **.

Философия и красноречие, история и естественные науки — любимые науки Римской империи. Но в древнем и нашем мире есть одно общее явление. К^б самой науке приступают немногие^б. Большая часть образованной публики получает^в идеи и знакомства^в с ними из второстепенных источников — из беллетристики. Сколько мыслей перешло в общество из романов и повестей 19 столетия. Следовательно, нужно обратить внимание на беллетристику древнего мира^г.

* История свободмышления и верования у римлян.

** В «Современнике», 1848, генв(аря)...⁷

а-а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: его временем и падающим древним обществом, т. е. римской империей. Мысль сама по себе довольно живая, показывающая замечательные обстоятельства древнего мира как memento mori. (л. II)

б-б Там же: однако немногие приступают к сухим источникам науки: (л. II об.)

в-в Написано вместо зачеркнутого: берет обра[зцы]

г В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: и при том не будем рассматривать только IV и V век, но и самое начало. Мы при этом обозрении начнем с первых времен империи и начнем с философии. (л. II об.)

Вы знаете, какую великую роль играла философия в жизни [Греции]? ^а Но философию недаром упрекали греческие консерваторы в враждебных отношениях к действительности. Философия есть сознание, а в Греции она явилась тогда, когда Греция отжила уже свое время. Это ^б скорбное, грустное сознание ^б, в котором философия разоблачила греческую жизнь, подверглось нареканию, с одной стороны, слабых душ и мелких умов, с другой — людей высокоодаренных природою, но не могших оторваться от того прошедшего, в котором была вся красота древней жизни ^в.

Рим не развил новых философских идей, он взял их готовыми, сделал их доступными для общей массы. Он популяризировал начала философии, сообщил им практический характер, но этот труд его был двусмысленного достоинства. Прочтите философские сочинения Цицерона ^в. Здесь явная поверхностность, легкий взгляд Цицерона на философию. В эпоху Римской империи философия получила более практический характер, нежели чисто ученый. Сильно принялись у них стоическая и эпикурейская школы. Несмотря на резкую противоположность этих учений, у них лежит в основе одна глубоко затаенная идея ^г — ненависть, недоверие к настоящему. В самом деле, нельзя было углубляться в философию и в то же время не встать во вражду с действительностью во всех частях ее начиная с лицемерия власти. || В Риме все было ложь, и ^д *л. 11 об.* эта величайшая ложь — обоготворение императоров. Императоры — наследники того, кто разрушил римское счастье — Римскую республику, хотели сообщить религиозный характер своей власти ^д; но религия всегда у римлян имела характер политический. Но в этом было

^а У Собчакова — описка: Рим. В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: в греческой жизни (л. 11 об.)

^{б-б} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: Это-то скорбное и мужественное сознание греческого народа (л. 11 об.)

^в Там же: далее где он старается познакомить с греческой философией (л. 11 об.)

^г Там же далее: и скорбная истина (л. 11 об.)

^д В рукописи «Б» далее: старались освятить свою украденную власть, свое положение религиозным характером, и религия имела всегда характер политический (л. 16—16 об.)

глубокое^а противоречие^а. Верховным жрецом явился император, древняя религия пропала.

Немудрено представить то отношение, в котором философия стояла к этим вымыслам. Философ должен был объявить бой действительности. Это был трагический протест против всего, что совершалось, что шло кругом в истории во имя рассудка^б. Рассматриваемые с этой стороны стоики^в заслуживают глубокого уважения: строгие исполнители обязанностей, они стали против всей развратной действительности и с гордостью презрели все окружающее. От этой действительности бежали эпикурейцы, бежали в страшные оргии того времени^г, но стоики и эпикурейцы римские были более нравственной школы, чем умозрительной; умозрительные начала их были слабы и ничего не прибавили к развитию древней мысли. Двое из одной и той же школы часто противоречили друг другу. Даже трудно примирить их учения.

Большинство римского образованного общества держалось эклектизма^д, который приходится по плечу всякому. Из умозрительных систем самая замечательная была Александрийская, но она не имела значительных последствий.

В связи с этими школами находились скептики. Этот протест, который вносили в общество стоики и эпик[урейцы], вносили и скептики — на свой лад; они отказались от всякого убеждения и веры знать что-либо. Поучитель[ны] кризисы времени. Такие периоды упадка^е, болез-

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: глубокое противоречие: римская религия была религией политической; древний порядок рушился; религия осталась (л. 12)

^б Там же, далее: нравственного начала. (л. 12)

^в Далее зачеркнуто: противопоставившие развратной действительности

^г В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: оргию, коей отголоски дошли до нашего времени и которую найдем в пародии или в смешном виде у Ссфрония (л. 12)

^д Там же далее: этой легкой философии эпикурейцев. От этого так трудно разделить философов Рима на школы и различить учеников одной от другой. (л. 12)

^е Там же, далее: верований, разочарования человечества бывали всегда, когда человечество прожило уже долгий период на одних началах, когда с ужасом оно смотрит на прошедшее

ней душевных, когда они истощают все формы, наступают всегда после долгих периодов, которые прожило человечество с развитием одних каких-нибудь начал, в которые прожило оно эти начала. Здесь умы сильные спасаются одним — верою в несокрушимую силу человечества, в неистощимое богатство сил и форм, в нем живущих.

Таковы были философские школы римлян. Стоической школы держались преимущественно государственные люди, патриоты, которые думали еще восстановить республику. Стоицизм был продолжением древней Римской республики; в Таците много найдем примеров, где стоики находятся в живой борьбе с действительностью и гибнут в этой борьбе. Это было только в^а образованном обществе^а: низшие слои были равнодушны к философии. В том элементе, на который опиралось правительство в войске, не было никаких идей философских, идеи эти не приобрели их уважения, и, скажем еще более, они поругались над философией. Философия здесь, как и прежде, являлась противоположением здравого смысла.

Вообще нужно заметить, ясный признак упадка — это недоверие^б к философии, обращение к здравому смыслу^б. Доверие к ней дается человеку природою: оно то главное условие, при котором растет богатое дерево науки. Этот-то недостаток живого доверия встречаем мы в писателях того времени, особенно проникнутых материализмом, но всякий ученый невольно подчиняется философской системе, сам не зная того. Но всеобщее влияние философских учений неотразимо: они проникают во все другие науки, составляют их внутреннюю жизнь, их духовное содержание^в. Отношение философии к религии было странное. Греческая философия стояла^г бесконечно выше, она шла прямо^д к вопросу и решала его, не касаясь резуль-

п не видит ничего, из чего могло бы воссоздать что-либо в будущем. (л. 12)

^{а-а} В рукописи «Б»: на вершинах общества (л. 17)

^{б-б} Написано вместо зачеркнутого: это противопоставление философии и здравого смысла

^в В рукописи «Б» далее: Посмотрим же, как проникала философия в другие науки Римской империи. (л. 17)

^г Там же далее вставлено: в этом отношении (л. 17 об.)

^д В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: к вопросам и не боялась решать их в ту или другую сторону, не опасаясь результатов. (л. 12 об.)

татов. В Риме напротив: только самые смелые умы позволяют себе остановиться на сомнениях, отрицании, но отрицании скромном^а. Возьмите Сенеку: он страшно болен неверием^а и безнадежностью, скорбит о мире, который разрушается перед его глазами; от древнего пантеизма^б он отрекся, по некоторым местам можно сказать, что он знаком был с христианством, но эти мысли в нем мертвы и бесплодны. Христианство нашло уже почву приготовленную. Сенека имел мысли о едином боге, но они как-то недолго держатся у него, и мы тотчас рядом с ними видим Сенеку благочестивым почитателем богов. Вера проходила, остается одно лицемерное уважение к предмету веры. И когда христианство обещало новую, другую жизнь христианам^в, тогда эти самые философы отвернулись, отверглись [от] христианства и стали против него за политеизм^г, против которого они так враждовали прежде. Человечеству^д чрезвычайно трудно было облечь себя в человека нового, каковы были первые христиане; // у них было все иное^д. Впрочем, отрицательно язычники еще готовы были принять христианство, поскольку оно уничтожало политеизм, но не далее. Оттого-то часто мы встречаем на престоле римском благородных государей — гонителей христианства (как Марк Аврелий). Они не верили в прежних богов, но не совершенно дсверяли и новому, для [них] все религии были чем-то расслабляющим. В наше время трудно понять то значение, какое имело в древнее время красноречие^е. Юноши римские стекались в школу для изучения красноречия^ж. Юноши принадлежали государству от рождения

л. 12

а—а *Над строкой зачеркнутая фраза:* он скорбит о мире, который разрушается перед его глазами

б *В рукописи «Б»:* политеизма (л. 17 об.)

в *Там же:* человечеству (л. 17 об.)

г *В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI:* пантеизм (л. 13)

д—д *Там же:* Так трудно человеку оторваться от старого человека и облечься в нового человека! (л. 13)

е *Там же далее вставлено:* Дело в том, что под владычеством республиканских форм Рима каждый гражданин по своим занятиям обязан был в важные минуты высказать слово так, чтобы оно произвело влияние на слушателей (л. 13)

ж *Там же далее:* это необходимо, ибо в древней республике не было людей служащих; на всяком гражданине лежала обязанность службы; (л. 13)

до смерти. Не каждый, конечно, из римских и греческих граждан призывался к произнесению речей^а, но каждому приходилось иметь какую-нибудь тяжбу, а все это делалось устно — словом. Но заметим, что между простым кратким красноречием людей сановных римских, живших в 1-м ст. по р. Х., и красноречием Цицерона есть большая разница^б.

IX. ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Вы видели, какими^в недугами страдало римское общество, какие внутренние причины вели его к неотвратимому разрушению. Нам предстоит теперь другая задача: какие внешние действия соединялись с внутренними и ускорили это падение. Из народов, устоявших против первого натиска римской силы, нас особенно занимает племя германское.

Прежде всего укажу источники, все эти источники — греческие и римские. Памятники германской старины, несомненно, существовавшие, не дошли до нас. Мы знаем, что в 9 веке Карл Великий собирал предания — *antiqua carmina*, о которых упоминает Тацит, но и это не дошло до нас. // Остались весьма немногие отрывки, л. 25 относящиеся к эпохе переселения народов. Из римских источников сказания Цезаря, впервые посетившего германцев, переходившего после победы над Ариовистом (*De bello Gallico*) на правый берег Рейна. Каждая строка Цезаря драгоценна. В немногих словах он умеет сжать результаты глубоких наблюдений; для нас нет важнее этого памятника. Тацит, писавший 1^{1/2} столетия после Цезаря: *De moribus Germanorum*. Многих вводило в раздумье противоречие между Цезарем и Тацитом; но это противоречие не должно заподозрить ни того, ни другого; не забудем, что между ними лежало 1^{1/2} столетия, что с этого времени случились важные перемены в Германии,

^а В рукописи ГБЛ. м. 3598 далее вставлено: о великих событиях (л. 13)

^б Там же далее: Видно, что Цицерон говорил пред образованными слушателями, пред людьми с щекотливым ухом. (л. 13)

^в Там же далее вставлено: внутренними (л. 29)

например^а, дружинное устройство войска достигло большего развития, многие племена, которых видел Цезарь, передвинулись. Ясно, что должно существовать различие между тем и другим. Тем не менее против Тацита поднялись другие возражения: у него видели неточное описание^б германского племени, а в нем видели сатиру против римского общества^в. Мнение это^в опровержено. Новейшие завоевания филологии, истории показали, что Тацит был самым строгим и точным историком Германии. Откуда он получил свои сведения, нетрудно знать. Надобно вспомнить только о войнах с Германией, веденных с самого Августа, о походе Германика, Тиверия; Плиний Старший написал целую историю войн Германии с Римом, которая не дошла до нас, но которую мог читать Тацит; рассказы офицеров, солдат, имевших дело с германцами. От этого много местных и национальных подробностей как у Цезаря, так и Тацита, так что даже эти свидетельства мы можем применить к нынешнему французу или к нынешнему немцу. До такой степени был верен взгляд их. В *Annales* Тацита находите много других подробностей о войне с германцами. Далее, в сочинении об римской истории Д и о н а К а с с и я в начале 3 столетия на греческом языке находим много фактов для истории германских народов. Для древней Германии география еще не обработана надлежащим образом; для этого важен Птоломей, живший в половине 2 столетия, — александрийский ученый. Шлёцер, ученый, но страстный^г, раздражительный, произнес над Птоломеем строгий приговор. Ныне несправедливость Шлёцера приговора доказана, и нет еще до сих пор, к стыду ученых, хорошего издания Птолемея.

Из новейших сочинений книга Э й х г о р н а — D e n t

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: дружинная система во многом переменилась; племена, кои видел Цезарь, были заменены другими (л. 29 об.)

^б Там же: недобросовестное изображение (л. 29 об.)

^в Там же далее: опровергается новейшими исследованиями географическими и филологическими. (л. 29, об.)

^г Там же далее: недовольный ошибкой Птолемея, которая находилась в его географических за[метках], произнес над ним строгий приговор, который препятствовал ученым долго пользоваться сочинениями Птолемея с уважением. (л. 29 об.)

Пока германцы стояли здесь простыми солдатами и вожжами легионов, они довольствовались жалованьем; в преклонных летах получали на границах во владение участок земли с обязанностью службы^а, которую они принимали и за своих потомков, — начало, как увидим мы впоследствии, л е н. Когда же Римская империя пала, когда та почва, которую доселе защищали легионы германцев, досталась им в собственность^б, они вступили в отношения другого рода к прежним жителям этой почвы. Почти во всех германских поселениях у остготфов, вестготфов, бургундов и др. мы видим начало дележа по третям. Воины германские берут себе $\frac{1}{3}$, иногда $\frac{2}{3}$, остальное идет прежним владельцам; рабы и скот делились^в так же, подобно почве. Из этого можно было заключить, что бывшие граждане терпели здесь потерю^г, но это заключение не оправдывается историей. Мы знаем уже положение членов курии в V столетии; они сами добровольно отрекались от собственности, чтобы избавиться от всех повинностей и обязанностей, которые были сопряжены с владением собственностью; большая часть имений покрыта была пустырями. Следовательно, германцам незачем было отнимать, когда туземцы добровольно отдавали.

У нас есть много любопытных свидетельств об отношениях германцев к прежним жителям римской почвы. Германцы считались гостями римлян, *hospites*, а германцы называли их *hospitales*. // Мы знаем, на- л. 57
пример, также, что бургунды находились особенно в дружественных отношениях к римским жителям тех стран, где поселялись. Куниги^д стояли в различных отношениях к подданным: с одной стороны, как начальники дружин, ограниченные во многих отношениях, с другой, как наместники императоров; в последнем отношении они носили императорские титулы, чрезвычайно гордились ими, сносились сами с восточными императорами, называя их

^а Там же: военной службы (л. 54)

^б Там же: обладание им (л. 54)

^в Там же далее: по тому же началу. (л. 54)

^г Там же далее: что занятие почвы германцами было для них невыгодно. (л. 54 об.)

^д Там же: Новые властители Рима германские куниги (л. 54 об.)

только по имени. Нигде эти отношения так резко не обозначились, по крайней мере ниоткуда мы не имеем таких значительных свидетельств об этих отношениях, как из Галлии, потому мы подробно займемся историей Галлии в V столетии.

История Галлии.

Источники. Мы сказали уже прежде, что, за исключением Византийской империи, в V столетии нигде не представляется столько письменности, столько образованных людей и литераторов, как в Галлии. Значительная часть этих литераторов принадлежала высшим условиям — сенаторским фамилиям и высшему духовенству, особенно последнему, так что три четверти писателей были епископы или вообще лица церковной иерархии. Произведения их, не отличаясь высоким литературным достоинством, чрезвычайно важны в историческом отношении.

Относительно V в. мы имеем сочинения **Сидония Апполинария**, епископа Клермонского; жизнь его самого превосходно характеризует его эпоху. Он родился от знатной фамилии, по всему вероятно, около 420 года; был женат на дочери **Авита** из фамилии, давшей нескольких императоров, был сам префектом, сенатором, следовательно, вообще по рождению и службе принадлежал к высшей аристократии; потом возвратился он в Галлию, вступил в духовное звание и умер в сане епископа около времени завоевания Галлии франками и победы Хлодвигу над Сиагрием — следовательно, не ведал еще франков властителями Галлии. Он оставил в своих письмах, любопытных источниках для истории, множество свидетельств об отношении римлян к галлам, готам, бургундам и другим племенам германским¹. Письма его написаны с чрезвычайной изысканностью, читать их не легко; но зато мало найдется сочинений, которые бы так живо и обязательно представляли эпоху, в высшей степени любопытную для нас. // Они могут служить важным памятником еще в другом отношении: Сидоний был епископом, но по нравственности и понятиям своим принадлежал еще умиравшему язычеству римской аристократии.

Для истории Галлии VI столетия мы имеем летопись **Григория Турского** — история церкви у фран-

ков². Григорий был также епископом, подобно Сидонию. Принадлежал по рождению к аристократии, потом вступил в духовное звание и занимал одну из важнейших епархий. По классическому образованию он стоит ниже Сидония. Видно, что Сидоний учился в лучших школах, когда классическая древность хранилась и изучалась гораздо живее и полнее. Но летопись Григория Турского, несмотря на это, есть одно из замечательнейших явлений в истории всемирной литературы. Он сохранил нам во всей непосредственности весь тот страшный порядок вещей, возникший из соединения двух^а племен и народов^а — одного — нового, преданного всем юным порокам и страстям, другого — с пороками общества перерезлого, пережившего свою цивилизацию; и у Григория Турского эта картина предстает нам во всей ее наглядной и разительной простоте. Даже это равнодушие и спокойствие, с которым Григорий говорил о величайших преступлениях, и это имеет для нас поучительный смысл исторического свидетельства.

Но Григорием Турским замыкается^б ряд важных летописцев. Преемник его Фредегарий³ стоит гораздо ниже, он рассказывает кратко и сухо, а написанное после него носит характер бесцветной монастырской летописи. Собрания памятников франкской истории чрезвычайно полны и многочисленны. Еще в XII столетии Дюшен составил в 5 фолиантах *Corpus scriptorum regum Galliarum*⁴, доведенный до XI ст. Кроме того, есть много отдельных изданий памятников. Но все они далеко превзойдены изданием монахов // Бенедиктинского орде- л. 58 на XVIII столетия. Бенедиктинцы приступили к самому полному собранию памятников французской истории и издали *Scriptores regum gallicarum et francicarum*. Издание это носит название Букэ — по имени того бенедиктинца Мартина Букэ, который издал первый том⁵; оно продолжается трудами Французской академии. Летописи эти написаны по-латыни. Чтобы сделать их доступными, Гизо в 20-х годах

^а—^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: римской с галльскою цивилизацией (л. 55)

^б В рукописи Собчакова явная описка: не замыкается. См. ГБЛ, М. 3598. XXI, л. 55; ГБЛ, М. 3598, XVIII, л. 109; рукопись «Б», л. 79 об.

нынешнего столетия перевел при помощи слушателей своих важнейшие из этих летописей или важнейшие места их и издал в 32 томах на французском языке. В наше время этот труд продолжается изданиями, переводами, исправлениями текста. Таким образом, у французов для истории находятся самые богатые собрания материалов; сверх того, они могут гордиться блестящей исторической литературой, превосходной разработкой материалов.

Мы знаем здесь в России только корифеев французской исторической школы: Гизо, Фориеля и т. п., но можно сказать, что каждый город Франции, сколько-нибудь значительный, имеет своего историка, и многие из этих монографий превосходны^а. Из общих исторических трудов укажем на 30 томов французской истории до революции швейцарского ученого С и м о н а С и с м о н д и^б. Этот труд пользовался великим уважением около 20 лет, и точно: Сисмонди нельзя отказать в обширной начитанности в источниках^в, но в наше время труд его уже не представляет читателю других достоинств. Во-первых, у Сисмонди мало критического таланта, во-вторых, он много приводит подробностей, совершенно не нужных^г и утомительных. Воспитанный в философии 18 столетия с особенным отпечатком женевского образования, Сисмонди смотрит на события средних веков и вообще на всемирные события с особенной и весьма узкой точки зрения.

Далее можно указать на труды H e n r i M a r t i n ' a⁷ и M i c h e l e t⁸: им принадлежит первое место в ряду историков новейшего времени. Книга Martin'a у нас тоже мало известная^г, есть не что иное, как подробный умный и теплый рассказ исторических событий, основанный на непосредственном изучении источников. // У него нет особенных взглядов и глубоких идей: он только пользовался всем, что сделано до него на его поприще, и потому книга его представляет последний результат всего сделанного

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: но собрать нам все эти монографии очень трудно (л. 55 об.)

^б Там же далее: но это в наше время уже немного значит (л. 56)

^в Там же далее: потому в наше время найдется немного читателей, кои захотят прочесть тридцать томов от начала до конца; лучше читать источники, чем компиляции. (л. 56)

^г Там же далее оставлено: хотя заслуживает большей известности (л. 56)

на поприще французской истории (до Генриха IV — 13 томов). Книга Мишле имеет другой характер. Здесь нельзя требовать от автора ровного изложения исторических событий. Michelet^а принадлежит, конечно, к числу самых гениальных историков новейшего времени^а, но это талант в высшей степени своенравный и причудливый, потому-то^б труд его произвел невыгодное впечатление на заслуженного историка^б: Шлоссер, отдавая о нем отчет, признавался, что, прочитав первые 30 страниц, он бросил читать далее, так как все казалось ему одной риторикой. Но это суждение слишком резко и неверно. Сам Шлоссер отказался бы от него, если бы прочел далее; особенно в последних трех томах труд этот представляет превосходное произведение. Может быть, ни один из настоящих историков^в не понимает так хорошо жизни масс и отдельных исторических поколений, как Мишле; для доказательства стоит только указать на историю царствования Филиппа Красивого, историю войн Франции и Англии, наконец, на его Людовика XI, — эти отделы у Мишле станут рядом с высшими произведениями нашей науки^г.

Из монографий можно указать на книгу Jules de Pétignî — времена Меровингов^г — несколько сухую, но умную и основательную; Фориеля — Histoire de la Gaule méridionale sous la domination des conquérants germains. Книга эта — результат колоссальной начитанности, написанная спокойно, без всякого притязания на литературные изыскания, но тем не менее книга превосходная. Другой характер имеют Меровингские рассказы Августина Тьерри. Они преимущественно основаны на рассказах Григория Турского, || переносят нас в эту^{л. 59} любопытную эпоху и в отдельных эпизодах раскрывают самые разительные стороны тогдашнего порядка вещей.

^{а-а} Там же: Мишле есть гениальный историк не только в историях французских, но и всемирных. (л. 56)

^{б-б} Там же: от этого первый том его истории возбудил недоверие, даже негодование многих. (л. 56)

^в Там же далее вставлено: не обладает таким живым сочувствием к массе (л. 56)

^г Там же далее вставлено: К сожалению, личные обстоятельства, раздражительность характера и т. д. отвлекли его от занятий историей. Но его история есть один из классических памятников. (л. 56)

Тьерри по преимуществу великий живописец и художник, но этим не ограничивается его историческое достоинство: он глубоко понял отличительный характер французской истории и первый высказал ту мысль, что французская литература была в связи с общественною жизнью народа и вместе с последнею имела огромное влияние на историю; эту мысль он превосходно рассказал в своем введении к истории. Наконец, сюда же принадлежит Г и з о — *Histoire de la civilisation en France.* //

л. 61 История франков

Чтобы лучше в связи понять историю франков, мы бросим взгляд на древнейшее состояние и древнейшую историю Галлии. По свидетельству Цезаря и Страбона, Галлию населяли 3 племени, три народа: на северо-востоке от Рейна до Сены живут б е л ь г и, по всей вероятности, происходившие от смешения кельтов с германцами, которые в незапамятные времена уже перешли на северный берег Рейна и смешались с кельтами. Далее, на востоке от Сены, к океану Атлантическому до Гароны живут настоящие г а л л ы, настоящие к е л ь т ы, между которыми все-таки можно узнать две главные отрасли — галлов и кимвров. Наконец, на юге от Гароны обитают (аквитанцы^а), которые языком и обычаями резко отличаются от галлов и бельгов. Наконец, на восток от Роны живет четвертое, небольшое племя — лигуров. Все эти племена отличаются особенностями политических учреждений, языком, образом жизни. Римское владычество сгладило, однако, эти особенности. Высшие классы галльского общества, начиная уже с 3-го столетия, вступают в число римских сенаторов; прежние начальники кланов мало-помалу погибают в войнах, и места их замещаются римскими фамилиями. Уже в 1-м столетии по р. Х., тем более во II—III, Галлия принимает характер чисто римский: она славится своими школами и риторам; галлы занимают важные должности в государстве. Но несмотря на эту латинскую оболочку, можно под ней узнать отличительные черты национального характера. Еще Cato Major, знавший только Южную Галлию, го-

^а Над строкой: иберы (?)

ворил, что галлы вообще преимущественно домогаются двойкого рода славы — славы военной и славы красноречия, или, лучше, красно говорить — *argute loqui*.

Римские историки обвиняют галлов в // тех недостат-^{л. 61 об.}ках, которые приписываются им доньше, — в опрометчивости и легкомыслии. Они славились стремительностью своего натиска в битве, но, однажды разбитые, не скоро собирались и упали духом. Их они характеризуют в немногих словах: храброе, великодушное, но легкомысленное племя. В III столетии, когда покорение Галлии было, по-видимому, окончено совсем, когда погиб уже туземный религиозный друидизм, галлы все-таки от времени до времени считались опасными империи; в числе подданных Римской империи не было народа, способного более восстать против нее. Одним словом, свидетельства древних писателей I, II и III ст. могут служить лучшим доказательством этой живучести национального характера: многие отличия французов 19 ст. были уже тогда подмечены римскими писателями.

В конце IV и в начале V столетия Галлия ничем не отличается от Италии. Только в низших классах народа и в особенных в некоторых нациях, например, в Бретани, хранилось древнескельтское наречие: но главным языком, особенно в высших классах, был латинский, а в некоторых местах еще говорили по-гречески. Высшие классы народа вели жизнь высших слоев тогдашнего римского общества^а.

- [ЛЕКЦИЯ 16]

Мы^б знаем, что франкскому владычеству в Галлии предшествовало занятие частей этой почвы вестготами и бургундами, в первой половине V ст. основавшими здесь могущественное государство. Государство бургундов занимало нынешнюю Бургундию, Франш-Конте и западную часть Швейцарии, Швейцарию Романскую. Государство

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: Мы представим свидетельство современников весьма интересное, показывающее описание и особенности этой жизни. (л. 57—57 об.)

^б В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI перед этой фразой: Мы остановились на состоянии Галлии в эпоху завоевания ее франками. (л. 57 об.)

вестготфов распространялось до самых берегов Лоары с юга благодаря упадку Западноримской империи, блестящим личностям кунигов и, наконец, особенному мужеству и талантливости вообще готфского племени. Следовательно, завоевание Галлии франками не было // чем-либо новым и неожиданным. Франки давно уже сидели в римских провинциях на берегу Рейна (левом) и в 451 г. заняли их теперь до Соны^а.

Мы видели уже, в каком состоянии находились различные классы вообще римского и галло-римского народонаселения и что такое были римские курии. Когда бургунды и вестготфы заняли восточную и южную часть Галлии, они нашли эти римские учреждения здесь господствующими. Они пришли не в качестве врагов империи, а как императорские генералы и войска, служившие империи, и, следовательно, они стали к прежним жителям не во враждебных отношениях, а в отношении зависимости к императору, как его наместники, и эта идея сообщила им много власти и узаконила их обладание провинциями. Подробнейшая история V ст. не входит в состав нашего курса, хотя это предмет весьма важный и любопытный, ибо в это время совершилось сближение римского общества с германским^б; этот отдел истории с особенным успехом возделывается новейшими учеными Франции.

Посмотрим теперь, каким образом германцы были приняты на галло-римской почве и что здесь они встретили^в. Городовое устройство Римской империи уже известно нам. В этом устройстве германцы не хотели делать значительных перемен; это естественно, ибо у них не было собственных государственных, гражданских идей, и они должны были принять, таким образом, городовые римские учреждения как нечто готовое. Единственное новое лицо явилось теперь в римском городе — это германский *s o m e s* — граф. Он здесь был блюстителем прав кунига, ему предоставлена судебная власть, он взимал налоги и

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее вставлено: Мы после поговорим о франках, теперь скажем о вестготфах. (л. 57 об.)

^б Там же далее вставлено: здесь положены начатки того, что развилось в позднейших веках. (л. 57 об.)

^в Там же далее: Обратимся прежде к галло-римлянам. (л. 57 об.)

водил на войну жителей города. Но в самом состоянии и отношении городских курий произошли значительные перемены не чрез сознательное действие кунигов, а чрез влияние // самих событий. Мы знаем уже, как было л. 62 об. бедственно положение куриалов: они отвечали пред римским правительством во всех убытках и недоимках областей и округов и платили за все это государству своею собственностью. Курии, таким образом, пожрали все благосостояние римского среднего общества; под конец закон римский освобождал богатых преступников и наказывал их местом в курии.

Когда провинции отложились от Империи и аристократические роды перестали ездить в Рим^а для заседания в сенате, тогда аристократия нашла себе удобным и приличным занять место в куриях, и во второй половине V столетия курия получает в Галлии совершенно новый характер и получает даже иное название: Сидоний Апполинарий называет курию благородным сенатом. В состав куриалов вошли лица сенаторских фамилий, изъятые от повинностей. В городах было безопаснее в эту эпоху смутных^б движений^б, и поэтому из загородных имений сюда переехала значительная часть аристократии и усилила значение курии. Духовенство должно было занять относительно варваров новое положение и вступить в небывалые дотоле отношения; и это^в была, нужно сказать, одна из блестящих эпох западной церкви^в, одна из тех страниц ее, которая упрочила надолго законное^г преобладание этого сословия^г над всеми другими. Как ни были германцы приучены к римской почве и форме, тем не менее, однако ж, между ними и коренными жителями, туземцами-римлянами, было множество недоразумений, частых столкновений в нерешенных пунктах. Посредниками явились епископы Галлии. Они окружили кунигов, стали, с одной стороны, во главе их советов, с другой — во главе курии и отвели те удары, которые часто неминуемо должны были разразиться над туземными жителями со сто-

^а Там же далее вставлено: переставший быть центром (л. 58)

^{б—б} Там же: этих смут и переворотов (л. 58)

^{в—в} Там же: Это одна из великих страниц истории (л. 58)

^{г—г} Там же: превосходство нравственное этого сословия (л. 58)

роны варваров; прибавим к этому, еще то, что из среды самого галло-римского народонаселения выходили часто лица^а, которые хотели и старались соблазнить кунигов к тяжким мерам для народонаселения туземного, чтобы этим выслужиться у германцев; работа направления всего этого лежала на духовенстве. //

л. 63

В конце V-го — начале VI столетия мы видим возникновение новых законодательств. Германские куниги поняли, что нельзя было по одному и тому же уставу править и галло-римлянами, и дружинами, что понятие и привычки этого двоякого отдела их подданных различны; о слиянии их в одну национальность нельзя было и думать. Мы видели успех таких попыток при Дитрихе Великом в Италии. Теперь возникают законодательства у бургундов и вестготфов. У вестготфов, по свидетельству современников, еще король Эйрих, умерший в 484 году, велел собрать старые обычаи своих предков и своего племени и предать их письму для употребления именно вестготфов: это^б собрание не дошло до нас^б. В 484 году при преемнике его Аларихе II лица, заведывавшие управлением Вестготфского государства, сочли нужным собрать сборник законов и для римских граждан. В самом деле: суды еще существовали на римской почве, в Галлии, а источники, права и законы были неопределенны; новые события требовали здесь перемены; здесь употребляется кодекс Феодосия (458), но число и разнообразие всех этих памятников права было слишком значительно, и неопределенность источников права затруднила судебную процедуру и практику. В 484 году несколько епископов вестготфских и государственных мужей, в числе которых главным был референдарий Анниан, приступили к составлению более определенного законодательства и создали его в 506 г. под именем *Breviarii* *Anni* *iani* иги, как употребляется также, *Alarici*. Бревиарий этот состоит из двух частей: одна содержит выписки из постановлений Римской империи, другая — выписки из юрисконсультов римских, т. е. здесь две части — чисто законодательная и ученая. Бревиарий состав-

^а В рукописи ГВЛ, М. 3598. ХХI: лица порочные (л. 58)

^{б-б} Там же: этот сборник до нас не дошел, но послужил основанием для будущего зак[она]положения (л. 58 об.)

лен людьми еще знакомыми с делом, с основами римского права; не заметно в нем влияние идей германского права; он приноровлен исключительно к потребностям одной галло-римской части народонаселения. || Но когда таким образом галло-римляне получили источники для своего права, надобно было подумать о таком же собрании законов для вестготфов.

Первое законодательство, составленное, таким образом, для вестготфов, сложилось в течение VI столетия и преимущественно под влиянием духовенства. От этого влияния готфское уложение, *Lex Wisigothorum*, носит характер, отличный от других законодательств. В нем всюду видны два противоположных элемента — элемент чисто германский, заимствованный из прежних обычаев и уставов и, по всей вероятности, из законов Эйриха, и другой элемент — церковный или^а римский. Монтескье в своем бессмертном творении *О духе законов* произнес решительный и строгий приговор над вестготфским уложением¹, приговор этот повторил Савиньи². Но приговор этот не совсем оправдан. Именно вестготфское уложение вследствие самих своих недостатков имело для нас великое и поучительное значение. Мы видим здесь духовенство вестготфское, может быть, самое национальное из всех духовенств германских, ибо оно было арианское и стояло, следовательно, во враждебных отношениях к противоположным интересам римского народонаселения; мы видим, как это духовенство старается помирить два начала — германское с галло-римским^б. Попытка не удалась: от того самые определения вышли неясны; видно, что сами составители не уразумели отношений тех двух начал или если уразумели это, то не сумели управиться с формами и ясно передать в форме основы взаимных отношений двух наций. Во-вторых, составители старались внести в суровые германские учреждения множество филантропических идей, столь важных и замечательных, что самые противоречия в этих постановлениях, самые неловкости носят чрезвычайно

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: и (л. 59)

^б Там же далее: оно старалось перевести германские идеи на язык римского права. (л. 59)

замечательный характер и дают уложению право на внимательное изучение^а.

Что касается до того, каковы черты этого вестготского уложения, то надобно заметить, что в нем, как во всех германских и других первоначальных законодательствах, преимущественно развито уголовное право; положения кратки. Главные преступления, на которые особенно л. 64 // обращено внимание и которые, следовательно, встречались чаще, — похищение женщин, разбой, насилие: видно, что вестготы, самое просвещенное из германских племен, не отстало еще от обычаев прежней кочевой жизни, обычаев воинских. За похищение женщин и чужой собственности положены весьма строгие наказания, несоизмеренные даже с преступлениями. Далее, мы видим, что германские дружины, поселившись на римской почве, отобрали некоторую часть земли у туземных жителей^б, составленную частью из обработанных земель, частью из пустырей. В вестготском уложении читаем весьма важную статью: закон запрещает приступать к новому разделению земли и указывает каждому довольствоваться тем^в *s o g s*, который он получил при первом разделе; отсюда нельзя не видеть, что вестготы, конечно, хотели нового разделения земли в ущерб галло-римлянам, приобретать более и более прав в занятой земле; но за старый раздел, за благосостояние туземцев в этом случае стояло духовенство.

Есть одна статья, которая подавала повод к странным толкованиям ученых и вместе служила доказательством плохого их понимания отношений между германцами и галло-римлянами — это статья, запрещающая вестготам вступать в брак с римлянами. Обыкновенно выводили из этого заключение, что вестготы из гордости не хотели таких браков и с презрением смотрели на валхов (так часто называются туземцы — галло-римляне). Но ныне

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: В этом памятнике в 1-й раз выразилось стремление помирить на почве права 2 начала: элементы германско-языческие и христианско-римские. (л. 59)

^б Там же далее вставлено: впрочем, в незначительном количестве. (л. 59)

^в Там же далее вставлено: участком (л. 59 об.)

достоверно доказано, что закон этот составлен не вестготами, что они заняли его у римлян: его издали римские императоры во время еще силы империи, вестготы только приняли его.

История вестготского племени на гальской и испанской почве представляет весьма много любопытных и замечательных сторон. Вот 1-х сначала возникла здесь сильная борьба кунигов против собственных дружин — признать эту борьбу заставляют нас своим содержанием некоторые из указанных законов: там сохранились признаки этой борьбы. Основана она была на одном // начале, *л. 64 об.* на том, что куниги являлись победителями и заместниками от лица императора, пользовались над валхами правами императоров и в то же время были начальниками своих дружин, своевольно, неточно, иногда неохотно исполнявших их повеления. Очень естественно было стремление кунигов подвести обе части народонаселения к одному общему уровню, стать в одинаковых отношениях как к галло-римлянам, так и [к] дружинникам, как [к] одинаковым своим подданным. Но ^а это стремление сопровождалось неудачами ^а. С самого начала основания вестготского государства в Южной Галии до падения вестготского владычества в большей ^б части Галлии в половине VI столетия мы видим, что из вступивших на престол восьми кунигов только два умирают собственной смертью: они обыкновенно убиты на войне, или, скорее, в возмущении. Григорий Турский, враг вестготского племени, упрекает его в неуважении жизни собственных государей. Но дело в том, что здесь развивалась сильная борьба дружинников за свободу германца как полноправного человека, против кунигов, которые, стремясь водворить порядок и единство власти, стремились поставить дружинников наравне, в одинаковых отношениях к власти с подданными императорскому управлению, с туземцами — галло-римлянами: вот где погибали куниги.

О государстве бургундов известно менее, но в известиях подтверждаются одни общие положения, высказанные уже нами. У бургундов является также два законода-

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: Попытка эта привела за собой сильную реакцию дружинников. (*л. 59 об.*)

^б В рукописи «Б»: южной (*л. 85*)

тельства — одно для римлян, другое для бургундов. В XVI ст. знаменитый юрист (Куяций?)^а отыскал памятник бургундского законодательства и издал этот памятник под названием *Papiani responsorium* — название, данное потому, что памятник этот представляет выписки из Папиана, бургундского юриста. Подробные исследования этого памятника указали, что он составлен по приказанию бургундских государей для управления их римскими подданными, но он предоставляет менее способов к успешному достижению цели, // чем Бревиарий. Это, собственно, компиляция из древних учреждений^б, с некоторыми пополнениями, обличающими влияние германских идей. Памятник этот невелик, состоит только из 47 статей, мог быть употреблен только в важных случаях, но не мог удовлетворять всем юридическим потребностям народонаселения. Но в начале VI ст. возникает уложение прямо для бургундцев — *Lex Gundobaldi* — законы кунига Гундобальда. Памятник этот имел две редакции — 1-я (502), 2-я (517—519 года) с значительными пополнениями против первой. Здесь влияние римских^в идей^в заметнее, чем в *Papiani responsorium* влияние идей германских. Мы находим здесь чрезвычайно много мягких, гуманных постановлений: таково предписание, напр., необходимости гостеприимства; предписания эти есть у всех народов, мы встречаем его и у вестготфов. Но здесь определяется даже строгое наказание тому, кто откажет в гостеприимстве страннику: таким образом, общий обычай возводится здесь на степень юридической обязанности, и это постановление мы встречаем в такое время, когда германцы отвыкали уже от своих прежних добродетелей и успели присвоить себе многие качества народов образованных, не всегда склонных к исполнению простых человеческих обязанностей.

Но мы видели до сих пор только^г внешнюю сторону, те события, вследствие которых образовалось галло-римское народонаселение под влиянием германцев и вместе

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI вопросительного знака и скобок нет. (л. 60)

^б Там же: *breviarium*

^{в-в} Там же: римского права (л. 60)

^г Там же далее вставлено: юридическую (л. 60)

о характере свободной собственности Германии. Земли свободных германцев были изъяты от всех повинностей, с них не платили податей. Этот вид собственности полной, не обложенной податями, назывался у германцев аллод (all — чистый, весь, и od — собственность), чистая собственность, *me re p r o p r i u m* — по объяснению латинских словарей. Из всех соображений можем заключить, // что все земли раздаваемы были чистою собственностью, что каждый получал свой участок аллодом. Участки раздавались сообразно с заслугами [каждого]. Вождю дружины, кунигу, доставалась наибольшая часть; сверх того, ему доставались еще другие земли; это было наследие впоследствии императоров — земли казенные, государственные. Собственно, вместе с разделом земли между дружинниками оканчивались их отношения к вождю: дружинники становились свободными собственниками. Но надобно было поселившимся отражать натиск новых дружин^а, которые искали новых аллодов, или притекали снова из общего движения народов. Эта связь общей опасности и общих выгод соединяла дружинников с вождем. Но у вождя были еще свои частные цели, для которых он должен был создать себе особенную дружину^б, и этим новым дружинникам раздавал он свои земли: является *феод* (собственно владение, данное в уплату, от слова *fee*^в — мзда, плата, сохранившегося в англ[ийском] языке). Собственность, данная в вознаграждение^г. Куниг раздавал множество земель новым пришельцам германским, но раздавал уже не в чистую собственность, а с известными условиями. Получивший такой *феод*^д обязан был нести известные повинности.

Слово *феод* (по-французски — *fief*) встречается в

^а Там же далее: коп также ищут земли, не находя у себя плодородной (л. 98 об.)

^б Там же далее вставлено: образование ее и условливало происхождение феодальной собственности (л. 98 об.)

^в Там же далее: потерянного в английском наречии, но в Шотландии доселе означающего: вознаграждение, взятка (л. 98 об.)

^г Там же далее вставлено: Куниг имел огромное количество земель, коими мог располагать и большая часть коих была не обработана. (л. 98 об.)

^д В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: такой ленник (л. 98 об.)

памятниках не ранее исхода IX в., в царствование Карла Толстого. Но французские публицисты и историки напрасно различают феоды от бенефиций: оба слова означают одно и то же. Несравненно важнее вопрос о том, на каких условиях раздавались первоначальные лены — на срок ли, пожизненно или потомственно. Ошибка прежних исследователей, по справедливому мнению Гизо³, заключается в том, что они полагали^а, будто феодализм прошел постепенно, начиная от отдачи срочной до пожизненной и потомственной. Эти виды существовали в самом начале совместно; уже в VII столетии бенефиций дается потомственно. Одна из причин глубоких раздоров в государстве Меровингском была попытка ленников обратить свои бенефиции^б в аллоды, которой, разумеется, должны были противиться // государи, ибо чрез это они лишались всех своих средств; в этом успели было государи^в Франкские. Но в 877 году, при К а р л е П р о с т о м, все лены объявляются наследственными, и государям предоставляется право утверждать каждого нового владельца присягою. Между^г тем это же распространилось и на аллоды^г: бывшие члены дружины^д старались создать себе небольшую собственную рать, они следовали примеру кунига и дробили свои земли, аллоды на участки^е, раздавая их бездомным людям, покидавшим общества, более обширные. В конце VIII столетия^ж характер феодальный был везде перенесен на аллоды; незначительные остатки старинной собственности переходили в феодальные лены.

^а Там же далее: что лены перешли все эти степени, что сначала они давались на время, потом пожизненно и, наконец, в потомство. (л. 99)

^б Там же: феоды (л. 99)

^в Там же: ленники (л. 99)

^{г—г} Там же: Этот вид собственности не замедлил распространиться и на аллод[иальную] собственность (л. 99)

^д Там же далее вставлено: в эпоху совершенно военную, в эпоху насилий и переворотов, где общество не могло охран[ять], а каждый должен был своими силами охран[ять] свою личность (л. 99)

^е В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: кои они раздавали во владение дружин с военными повинностями (л. 99)

^ж Там же далее: мы видим, что феодальные формы берут перевес над аллод[иальными] (что незначительные участки переходят в ленное владение) (л. 99)

Этому содействовало смутное положение тогдашней Европы⁴. Свободные люди, имевшие небольшие аллоды, притесняемые императорскими сановниками и сильными соседями, отдавали свои земли знатым лицам и получали их обратно в виде лена^а. Карл Великий уже принимал меры против этого, но не мог противиться общему движению событий. Его^б законодательство старалось только обеспечить, утвердить на законных основаниях эти отношения между ленниками и их вассалами^б. Чрез два столетия после ленников французских и немецкие получили тоже право наследственного владения^в. Во Франции сделал это К а р л П р о с т о й, в Германии император К о н р а д II в 1030-х годах, отправляясь в Италию.

Таким образом, исторически сложилась эта феодальная форма и система^г. Особенный характер феодальной собственности состоял в том, что с нею соединены были права державного государя. Эти права произошли естественным порядком. Еще^д в Германии свободный германец живет во дворе своем, окруженный подвластными вассалами^д, которых он судит по д в о р с к о м у п р а в у, не отдавая никому отчета. Эти же отношения были перенесены и в земли римского владычества, и здесь еще с большим самоуправством владельцы стали располагать^е туземными рабами^е. В Германии владелец начальствовал еще над соплеменными ему подчиненными, // но здесь гос-^{л. 118}
подин-чужеземец сел над иноплеменниками. Препрежнее^{об.} отличие между колонами и рабами не было уважаемо

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее: *recomendatum* это называлось. (л. 99)

^{б—б} Там же: поэтому он старался ограничить мерами, противодействующими этому движению собственников, и утвердить отношения между ленниками и их вассалами (л. 99)

^в Там же далее: своим леном. (л. 99)

^г Там же далее вставлено: Теперь посмотрим на феодального владельца, на его отношение к земле, к равным себе и к верховному властелину. (л. 99)

^{д—д} Там же: Мы видели свободных германцев, кои жили в дворах своих и были окружены подвластными литами, кои они судили по обычному праву, они распоряжались их жизнью и собственностью. Хотя у саксов мы видим, что литы имели некоторые политические права, но они были подчинены господам своим (л. 99 об.)

^{е—е} Там же: распоряжаться римскими колонами и рабами (л. 99 об.)

германцами: те и другие подвергались почти одинаковой участи^а. Но, сверх этого подвластного, крепостного народонаселения, было еще другое: свободные люди, пришедшие впоследствии из Германии, не получивши земли при разделе, часто селились на землях своих родственников, получали небольшие участки, служили на войне, принадлежа к более близким людям владельца. Постепенно эти свободные люди прирастали к почве. Уже император Карл Великий запретил им переходить^б от одного владельца к другому. Они отчасти вступали в отношения прежних колонов, и, таким образом, на всем пространстве, занятом германцами, мы видим три класса народонаселения: 1) феодалы — владельцы; 2) вилланы, обложенные разными повинностями, жители городов^в, потом свободные германцы, селившиеся на чужой земле, и 3) чистые рабы — *servi*. Из вилланов образовались общины, целое особенное сословие^в. Каждый владелец лены, каждый член феодальной аристократии располагал по произволу своими рабами и отчасти своими вилланами. На него не было апелляции; апелляция на вассалов появилась уже позднее, в XIII столетии. Кроме того, у него не было общих юридических положений: при^г каждом колодезе было свое право, по известному французскому выражению^г. Владелец судил по преданиям и обычаям своей местности, но и эти обычаи не обеспечивали подданных от его произвола. Уже в этом было много тяжкого для народа, который не находил нигде управы и защиты.

^а В рукописи ГВЛ, М. 3598. XXI: различие между [колоном] и рабом у римлян, как тонкое, не могло быть известно германцам, ибо германцам не были доступны юридические тонкости, а следовательно, и различие, кое полагал римский закон между колонами и рабами, хотя литы германские и очень похожи на [колонов]. Рабы и [колоны] подвергались одной участи (л. 99 об.)

^б Там же далее: переходить таким свободным людям без его позволения с одной земли на другую. (л. 99 об.)

^{в-в} Там же: городов, потом[ов] этих свободных германцев, кои поселились на чужих землях, и чистых рабов — *servi*. Феодальные владельцы, *villani* и *servi* — вот три сословия в начале XI в.; из вилланов после образовались общины, среднее сословие. (л. 99 об.)

^{г-г} В рукописи ГВЛ, М. 3598. XXI: у каждой колокольни свое право, свой юридический местный обычай. (л. 100)

Читая сборники французских обычаев, составленные в XVI, XVII и XVIII веках^а, мы поражаемся множеством^б бессмысленных подробностей, количеством разных пошлых повинностей^б, которые при всем том не приносили владельцу никакой существенной пользы. Например, в одном владении Восточной Франции крестьяне обязаны были в определенное время собираться перед замком господина и целый день бить друг друга в грудь, // делая grimасы друг другу и показывая язык. В другом месте крестьяне обязаны были привезти владельцу в известное время яйцо, положив его на телеге, запряженной 8 волами. Далее, в одном селении, принадлежащем фамилии Монморанси, ежегодно в известный срок посылался к господину цирюльник, который должен был его выбрить, где бы ни находился господин. Жители были обязаны в известные дни приходить к замку и целовать замки, запоры замка^в. Это были, очевидно, чисто бессмысленные требования капризов владельца. Никогда^г мы не видим такого страшного развития эгоистической личности^г. Особенное почетное право феодального владельца состояло в том, что он имел свою виселицу перед замком. Поборы с крестьян определялись его собственной волею. Он не только облагал их огромными налогами, но^д часто, например, умиравший без близких родственников оставлял свое имение господину; если после него ничего не оставалось, сборщик подати феодала отсекал руку у трупа и приносил господину. В этом обряде выражается взгляд феодального владельца на своих подданных. Следы этого

^а Там же далее вставлено: читая простое изложение обычаев, кои существовали еще в 1789 г. (л. 100)

^{б-б} Там же: множеством подробностей и повинностей, кои несут крестьяне (л. 100)

^в Там же далее вставлено: и другие грязные обычаи. Видно, что эти повинности не увеличивали ни богатства, ни могущества, ни славы феодального владельца. Какой же их смысл? В них выражился произвол, каприз феодального владельца, который не доволен тем, что имел власть над своими, но хотел унижить их.

^{г-г} Там же: Ни в одну эпоху историческую мы не увидим такого страшного эгоистического развития, кое выражало презрение к подчиненным. (л. 100)

^д Там же далее вставлено: но к этому присоединялись еще несколько обстоятельств, коих не найдется нигде в мире, кроме феодального порядка вещей. (л. 100)

обычая остались в названии *manus mortua, droit de main morte*.⁵ Иностранец, умерший на земле владельца, оставлял собственность свою в пользу последнего (*droit d'aubaine*). Это сохранилось до 819 года, когда имение поступало уже в казну короля. Каждый владелец, как бы ни были мелки его поместья, брал пошлину с товаров, провозимых по его владениям; даже с самого купца бралась подать. Часто, однако ж, ни купец, ни товары не проезжали чрез владение и оставались в нем навсегда, поступая в собственность владельца.

ПЛЕКЦИЯ 261--

Частная^а собственность, обладание землею соединялись с правами самодержавными. Владелец был верховным судьей, законодателем, вождем всего народонаселения на своей земле; он чеканил монету: так что в конце IX и X столетий во Франции ходили более 200 видов монеты с разными чеканами. Никогда, может быть, во всей истории человек не подвергался такому унижительному // ^{л. 119 об.} состоянию, в каком находились сельские классы под владычеством феодального порядка. Не говоря уже о материальной тягости, о нестерпимых налогах, о произвольных и жестоких наказаниях, рабы и вилланы подвергались, кроме того, еще всем насмешливым прихотям своего властителя. Некоторые^б произведения литературы этого времени всего лучше показывают презрение владельца к вилланам и рабам^б. Между прочим, ясным свидетельством этого служит духовное завещание известного барона de Châtelet, который велел погребсти себя стоймя в одной из колонн церкви, чтобы никогда нога^в не ступала на то место, где было скрыто его благородное тело.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI до первой фразы: Мы видели каково было положение феодального владельца среди его вилланов и рабов. (л. 100 об.)

^{б-б} Там же: Мы укажем со временем на некоторые произведения литературы того времени, где презрение к рабам выразилось во всей силе (л. 100 об.)

^в В рукописи «Б» карандашом: нога виллана (л. 150)

Но не к одним только рабам и вилланам находился в отношениях феодальный владелец; у него были еще отношения к верховной власти, к своим соседям, графам и пэрарам, к равным себе. Собственно, между одним феодальным владельцем и другим, равным ему, не было никакой общественной, гражданской связи. Их земли граничили между собою, они сами могли быть в дружественных и враждебных отношениях, но эти отношения не обуславливались гражданскими законами. Они считались равными пэрарам, если были ленниками одного и того же князя или барона. Между лицами феодального общества были единственные отношения — отношения ленников к властителям.

Вся собственность Западной Европы в течение X и XI столетий приняла характер феодального^а владения^а. Люди, имевшие аллоды, добровольно отдавали их сильнейшим^б владельцам и вступали с последними в состав ленного союза, чтобы пользоваться его правами^б и льготами. Но эти союзы беспрестанно повторялись и подтверждались. У^в нас каждый новый рождающийся член известного государства и известного гражданского сословия волею или неволею принимает известные обязанности и пользуется известными правами^в. Не так было тогда. Когда утвердилась наследственность лен, по смерти прежнего ленника сын наследовал его права. Но если эти права и условия ему не нравились, он мог отказаться от лены, выйти вон из известной корпорации и перейти к другому ленному владельцу. Но чаще он оставался на той же почве. Обычный обряд, сопровождавший акт нового наследства и называвшийся *o m i n i u m* или *o m a g i u m*, совершался таким образом: // наследник лены **л. 180** по смерти прежнего являлся к ленному владельцу, давал ему присягу в верности и соблюдении известных феодальных условий и повинностей и получал от владельца кусок земли, ветвь или что-нибудь подобное: это было символом передачи лены. Тогда между ними составлялся

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: ленного владения (л. 100 об.)

^{б-б} Там же: членам феодального союза, чтобы только вступить в этот союз и выполнять правила. (л. 100 об.)

^{в-в} Там же: В наше время каждый рождается гражданином и пользуется правами. (л. 101)

союз юридический и вместе нравственный, но, конечно, более нравственный, чем юридический. Ленник обязывался соблюдать следующие 4 главные обязанности. 1) Обязанность военной службы, условия которой чрезвычайно как изменялись, смотря по характеру самой лены: иногда ленник обязывался служить 60, иногда 20 дней в году, более и менее, но обыкновенно число — 20, 40, 60. Отслуживши свой срок, ленник, если не хотел, мог отказаться от дальнейшей службы, и владелец за лишнее время должен уже был ему платить особо, или давать еще новую лену. 2) *Fiducia* — это обязанность ленника присутствовать при судебных собраниях, на которые мог позвать его аллодиальный владелец, обязанность присутствовать в ленном суде. 3) *Iustitia* (очевидно, все это условные частные выражения средневековых юристов) — обязанность подчиняться приговорам ленных судов. 4) Обязан[ность] *auxilia*, несравненно более неопределенная, заключала в себе несколько видов денежных повинностей: а) ленник должен был помогать деньгами владельцу в следующих случаях: когда тот попадал в плен, ленник должен был участвовать в выкупной сумме; когда старший сын владельца делался рыцарем, ленник должен был давать на празднество; когда, наконец, дочь того выходила замуж, ленник должен был давать на приданое. Суммы эти, по всему вероятно, были произвольные, неопределенные, но в некоторых местах они, вероятно, обозначались в ленном договоре; б) когда лена переходила во владение другого лица, наследник вносил *relevamentum* — сумму, приблизительно равняющуюся сумме годовых доходов лены. Эта сумма бывала обыкновенно причиною сильных и горячих споров между владельцем и ленником; впоследствии во Франции установился обычай просто взимать владельцу доходы на первый год после смерти ленника; в) владельцу предоставлено было очень выгодное право опеки над малолетними детьми после покойного ленника; во все время опеки он пользовался большею частью дохода; г) наконец, когда наследство переходило к женщине (сначала она была исключена из этого права, но в XI и XII столетиях запрещение было снято), ленный владелец пользовался правом выбирать ей мужа; этот муж должен был понести все повинности, следовательно, вла-

делец только и сообразовался с этим расчетом. Часто наследница должна была платить дорого за желание собственного сердца. Таковы были главные и общие повинности лены, к которым приходило часто много частных местных обычаев. //

Мы здесь видели только юридические отношения, но несравненно важнее были отношения нравственные между ленником и владельцем. Вассал обязан был блюсти не только выгоды своего суверена, но и честь его; он обязывался не посягать на жену и детей его и в случае, если узнает здесь что-нибудь дурное, обязан был донести. Наконец, они заключали между собою клятву во взаимной верности. Суверен обязан был помогать леннику в случае притеснения последнего со стороны какого-либо сильного владельца и защищать семейство его. Эти нравственные обязанности, конечно, не всегда строго соблюдались, но тем не менее нарушение их осуждалось общественным мнением, и это составляло отличительную черту феодальных отношений.

Из всего сказанного нетрудно вывести, что, собственно, в феодальном мире у ленника были только отношения к его владельцу, до других было мало ему дела. У французского короля было много ленников, но ленники эти — вассалы, бароны и князья — не были в зависимости от короля. Вассал герцога Бургундского присягал своему герцогу, а не королю и шел даже против короля под знаменем первого. Эти отношения, очевидно, были запутаны и могли быть даже опасны в больших владениях. Часто одно и то же лицо является ленником многих других лиц и в то же время их сувереном. Король был сувереном графства и в то же время часто ленником монастыря, находившегося в графстве. Но мы найдем еще другого рода примеры и именно в Германии. Здесь значительная часть графов, князей и герцогов была ленниками монастырей, духовенства. Духовенство, чрезвычайно богатое в то время владениями и поместьями, не могло само защищать их^а; чтобы сохранить их, оно отдавало их в лены баронам, герцогам, графам, тем, которые были силь-

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее установлено: в эпоху нашествия (л. 101 об.)

ны. Таким образом, герцог, во владении которого было аббатство^а, и сам аббат в свою очередь брал у него лену.

Оставляя в стороне низшие классы народонаселения, рабов, вилланов, жителей городов, мы должны сказать, что никогда не бывало в истории такого общества, где личная свобода была бы так развита до такого своеобразного полномочия и эгоизма. Удовлетворив общему требованию феодального права, ленник не знал над собою никого, кроме владетеля; но права и обязанности были весьма неточно определены юридически. Соседи ленника были равны ему — отсюда и название *paries*. Когда между ленниками одного господина возникала тяжба, он призывал их к двору, призывал вместе и всех равных: каждый судим был судом только равных себе. Подсудимый настолько подчинялся этому приговору, насколько приговор сообразовался с его выгодами и насколько он был силен или слаб. Если^б приговор был не в его пользу и он был силен^в, он удалялся в свой замок и там посме[и]вался над решениями суда^б.

А. 121

Единственный способ // для окончательного решения тяжбы была феодальная война. Ни одним из прав не дорожили так, как правом войны. Это был поединок. Каждый ленный владелец мог объявлять войну равному себе по праву; каждый ленник мог воевать с своим соседом и владельцем другого лена. В этой войне обыкновенно принимали участие не он только один, но и его родственники и друзья — честь их была замешана в этом деле. Таким образом, распри мелких владельцев были нередко причиною войны, охватывавшей целые области. Французские государи старались по крайней мере определить эти отношения войны законодательством, определяли лица, которые должны были участвовать в такой войне, степени родства, дававшие на то право. Наконец, положены были сроки, ранее которых нельзя было начинать военные действия. Надо было повестить заранее, приготовить противника. Это так называемые *сроки* *адневны* *е*

^а В рукописи «Б» вставлено: сам был ленником этого аббатства

^{б-б} Там же: Если приговор был не в его пользу и он был не силен, он подчинялся ему; в противном случае, если был он богат или силен, он удалялся в свой замок и там насмехался над решениями суда (л. 154)

^в В рукописи Собчакова явная описка: не силен

сроки короля — *la quarantaine de roi*, получившие силу уже при Людовике Святом. В Германии^а все это было подведено под одно имя: *Landfriede* — земной мир. Мы видим, что церковь еще в начале XI столетия пыталась обуздать и смягчить ужасы этих войн. Она установила *божие перемирие*, но ее попытки не имели полных успехов. В феодальном поединке выражалась опять одна из личных сторон свойств феодального владельца. Это было гордое сознание, что он сам прав и что он сам для себя право; он не предоставляет другому решать дело, он сам решает его.

Одним словом, смотря только на юридические, гражданские отношения этого^б общества, мы придем к следующим результатам. Никогда состояние низших классов не было так тягостно и унижительно, никогда^в личность отдельных властителей и одного сословия не получала такой неограниченной свободы. Никогда^г не было более недостойного общества^г: были законы, но они были только обязательны для слабых; условий порядка, понуждений уважать закон не было. Король был только первый между равными. Французский король до XI столетия был несравненно слабее своих вассалов, герцогов норманского, бургундского, аквитанского: эти герцоги повиновались королю, когда только сами того хотели. Мало того, в землях короля французского, которых было не более 5 департаментов нынешних, он не был еще полным господином. Под самым Парижем стояли феодальные замки, откуда боролись с королем вассалы, так что из Парижа нельзя было безопасно его гонцу проехать до Орлеана.

Читая современные памятники, мы можем // легко и ^{л. 121}об. живо представить себе внешний вид тех стран, где господствовал феодализм. Разбитые на мелкие участки, не связанные между собою, враждебные, эти земли носили какой-то воинственный характер. Почва была покрыта

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: были деланы подобные попытки подчинить ленников земскому миру — *Landfriede*. (л. 102)

^б Там же: феодального (л. 102 об.)

^в Там же: никогда одно господствующее сословие не было так свободно, как тогда; (л. 102 об.)

^г—г Там же: Никогда не было такого анархического состояния как в феодальном обществе (л. 102 об.)

замками, города укреплены. Видно, что все боятся беды и опасности: она угрожала каждую минуту. Весьма любопытны попытки государей еще X ст. возвратиться^а к построению замков: ибо начало их постройки в первоначальном виде относится к последним временам Римской империи. Новые постройки вынуждены были тогдашним порядком вещей: надобно было, например, защититься от норманнов. Но за этими целями скрывалось еще другое: стремление^б к разобщению^б, личной самостоятельности, составлявшее отличительный характер феодального права; при тогдашних средствах стены замков были непреодолимы. В^в подробных описаниях феодального периода любопытно сравнить постройку замков X столетия с замками следующих веков, начиная с XII. Мы увидим значительную перемену^в. В замках X ст. видна исключительная цель обороны и разобщений; строители вовсе не заботятся об удобствах жизни и покойном помещении: главная цель — воинственная, враждебная. Таковы же здания и в XI ст. Но в XII и XIII архитектура является уже другой. Главное назначение замков то же: безопасное убежище от врагов, начиная^г от виллана до соседнего пэра и далекого пришельца^г; но, сверх того, ленный владелец этого времени заботится уже о просторном помещении. Мы видим, что в самих замках, стало быть, в их внутренности произошли известные перемены, что образ жизни изменился. Особенно это заметно в XIII и начале XIV ст. Огромный двор замка, которого не бывало прежде, назначен был для игрищ жителей замка. Не одна уже воинственная дружина барона живет здесь: при дворе каждого владельца образуется небольшой двор, у него свои чиновники, он несколько раз в год дает праздники. В самой архитектуре более изысканности, более притязаний на кра-

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: воспрепятствовать (л. 102 об.)

^{б-б} Там же: но государи видели в этом еще средство к разобщению (л. 102 об.)

^{в-в} Там же: Любопытно сравнить памятники, кои принадлежат к 10 и 14 в.; эти оба века принадлежат к феодальному времени, но в нравах произошла уже перемена (л. 102 об.)

^{г-г} Там же: а врагов у него было много. Начиная от виллана, жившего под самыми стенами замка, до соседа — все были его враги. (лл. 102 об. — 103)

соту. Одним словом, видно, что нравы смягчились и что феодальные владельцы далеко уже не то, что их предки.

Всякое учреждение всемирно-историческое, всякая форма, в которую человечество облекается на пути своего развития, имеет две стороны. Таков и феодализм. Мы видели одну его сторону, сторону темную, обращенную к вилланам и рабам, обращенную к тем условиям жизни, которые должны были миновать в истории. Но^а у него была еще другая сторона, и справедливость требует и на нее обратить внимание^а.

Древний мир не признавал самостоятельности, самоуправления личности; он признавал только гражданина; //лицо^б как такое для него не существовало^б. Когда распа-^а 128
лось древнее общество, древнее государство с своею неограниченной властью над личностью, на место его явилось другое общество, где нет государства, есть только лицо. Это лицо должно было сначала определиться в чрезвычайно грубых, жестких и резких формах. Это лицо эгоистическое, презиращее все, что^в вокруг него^в, подавляющее все около, но вместе лицо, сознающее свое право, или, лучше, не признающее никакого другого права, кроме своего. Собственно, в лене других лиц, кроме владельца и его семейства, не было. Только с этими лицами связан владелец, и эта семья скреплена самым крепким союзом. Каковы бы ни были феодальные уклонения от семейных законов, но феодальное семейство представляет все-таки много прекрасного. Между^г владельцем и живущими у подножия его замка^г, между им и соседями не было хороших и прочных отношений; тем более нежности и любви должен был он обращать на свое семейство; только его члены были ему близки, только в их преданности и участии [он] был уверен. Ко всему другому, что было вне семейства и живущих в замке, обращался он с грозным

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: Мы должны отдать справедливость и показать то, что хорошего выработал феодализм и завещал новому миру. (л. 103)

^{б-б} Там же: свободная личность была только в философии. (л. 103)

^{в-в} Там же: что ниже его (л. 103)

^{г-г} Там же: Между феодальным владельцем, живущим в своем замке, у подножия коего поселились ненавидимые вилланы и рабы (л. 103)

лицом. Выежая из замка, он поручал его жене и детям, и они только дороги были ему в замке.

Вся эта внешняя форма имела для феодализма огромное значение. Отнимите у феодалов рыцарский замок, не было бы феодализма; даже более, отнимите только род его вооружений — эта горсть грозных, но малочисленных рыцарей^а не могла бы иметь такой силы. Кто видел средневековые доспехи, тот знает, что рыцарь, выезжая из каменного, надевал на себя железный замок. Такая форма доспехов вынуждалась условиями той жизни. Рыцарь был закован, чтоб никуда не проникла в него стрела виллана¹. Человек в таких доспехах, разумеется, был более способен к оборонительной, чем к наступательной войне. Оттого-то так неудачны были военные предприятия вне Европы: это доказывает история крестовых походов, где гибнет цвет европейского народонаселения под ударами турецких наездников. Стоит только убить коня под феодальным рыцарем, он не в состоянии был подняться с земли в тяжелом доспехе. Но эти доспехи были рассчитаны для той среды, в которой он жил. Мы видим в феодальных войнах, что в битве с обеих сторон находится, бесспорно, много храбрых людей, не боявшихся смерти, и между тем раненых к концу битвы немного, побеждают большей частью пленом: // рыцари были почти неуязвимы. Этим объясняются те почти баснословные рассказы, как 10-ки рыцарей разбивали тысячи, 10-ки тысяч вилланов и сельских возмущившихся жителей^б. Новейшие исследователи приписывали это пристрастию Фруассара к рыцарству, но это на самом деле должно было быть не иначе: горсть рыцарей, вооруженных в железо, достаточно была, чтобы разогнать и раздавить нестройные толпы плохо вооруженных крестьян. Кроме того, это было единственное приученное к войне сословие. От самых ранних лет феодальный владелец воспитывался для войны. 7-летним мальчиком поступал он пажом к какому-либо известному феодалу, где до 14 лет исполнял разные домашние службы, что не наносило, впрочем, ему никакого

122
об.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее: не могла бы угнетать целое нар[одона]селение без замков и доспехов. (л. 103—103 об.)

^б Там же далее: В 14 столетии во Франции возмутились крестьяне — Jасquerie; достаточно была горсть рыцарей, чтобы разогнать этих крестьян. (л. 103 об.)

бесчестия. На 14 или 15 году он делался оруженосцем, сопровождал господина на войну, нес его оружие, за обедом разрезывал мясо, наливал вино, служил домашним рыцаря и учился в этом обществе принятому обращению и хорошим манерам и, наконец, сам вступал в рыцарство.

Мы употребляем слово *рыцарь*, *рыцарство*, но мы не сказали еще, что это было такое. Это было замечательное явление средневековой жизни. У большей части так называемых образованных людей даже в некоторых сочинениях^а существовало мнение, что рыцарство существовало только в романах, что эта мечта, призрак, форма, во имя которой совершалось в действительности несколько не похожее на нее. Это мнение отчасти даже высказал и Гизо в своей *Histoire de la civilisation*, но это мнение совершенно ложно^б. (Кто хочет ближе ознакомиться с этим предметом, укажу на сочинение ученого XVIII ст. *De Sainte Palaye*^в, которого немецкий перевод Крюгера гораздо лучше подлинника по примечаниям; сверх того, превосходная глава о рыцарстве у Фюреля^г — не^б очень много фактов, но самое верное и глубокомысленное сочинение^б.) Еще у древних германцев мы видим обычай сопровождать вооружение юноши известными торжественными обрядами. Когда молодой человек достигал известного возраста, отец его и вообще его семейство делало большой праздник, на юношу надевали меч, вручали ему оружие в сопровождении некоторых особенных обрядов. Обычай этот сохранился и по занятии германцами римской почвы — Карл Великий несколько раз участвовал в таких праздниках. Естественно, что в обществе столь воинственном, каково было общество феодальное, тот день, когда юноша впервые надевал доспехи и получал меч, был великолепным — лучшим семейным праздником. //

Этим-то праздником воспользовалась церковь, давно *л.* борющаяся с феодализмом, давно пытавшаяся впустить в эту суровую среду более мягкие элементы: тогда она сама пришла на праздник. Вообще в истории средних веков

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: новейших ученых сочинениях (*л.* 103 об.)

^{б-б} Там же: Она заключает самое остроумное мнение и опровергает мнение, что рыцарство есть мечта. (*л.* 104)

мы беспрестанно встречаем факты, показывающие, как благородно и вместе с тем ловко действовала церковь, как она пользовалась всеми обстоятельствами, чтобы смягчить нравы и облагородить общество, чтоб и дурную сторону его обратить на что-либо хорошее. Церковь осталась верна этому призванию и в деле рыцарства. В 6 лекции Гизо об истории французской цивилизации мы находим целый ряд клятв, которые должен был произнести рыцарь при вступлении в рыцарство⁵. Ясно, что это для посвящаемого — не внушение отца его: здесь совсем другие понятия — они из церкви. Церковь дала религиозный характер обряду вступления. Оруженосец накануне вступления в рыцарство проводит целый день в посте и молитве, ночь проводит он в церкви: он омывается, церковь возлагает на него белые одежды в знак чистоты нравственной. Обряд посвящения совершается в храме при общественной молитве. Старый рыцарь спрашивает нового, с какою целью вступает он в ряды рыцарей, не из выгод ли корыстных и мирских выгод? Если так, он не достоин рыцарства. Очевидно, этот вопрос подсказан феодальному барону церковью. Рыцарь отвечает отрицательно и тогда дает присягу служить леннику, защищать церковь, вдов и сирот и вообще слабых против сильных. Ударом меча по плечу делают посвящаемого рыцарем. Таким образом, в недрах самого феодализма является как бы реакция против него самого: он основан на утеснении слабых, а юноша, облакаясь в рыцарство, принимает обязанность защищать слабого против сильного.

Это учреждение принимает огромное развитие в XI, XII и XIII вв. Конечно, церковь не могла переродить людей того времени, не могла внушить непонятной феодалу мысли, что вицлан^а такой же человек, как он сам; но по крайней мере она сделала что могла и создала из рыцарства, если употребить несколько пошлое выражение, средневековую полицию^б. Мы видим, что это учреждение быстро распространяется. Где оно возникло, трудно сказать: такие учреждения являются вдруг на целой поверхности известной страны. Так было и с средневековой Европой.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: и раб тоже (л. 104)

^б Там же: духовную полицию. (л. 104)

Рыцарство^а соединило в себе все благородные элементы феодального мира. Из рыцарских обетов образовался целый кодекс, целое уложение нравственности для рыцарства. Уклонения от этих законов хотя были нередки, но подвергались строгим нареканиям. Были особенные прилагательные // эпитеты, которые хотел себе усвоить каждый рыцарь. В первые времена рыцарство, конечно, было выше и лучше; но вообще в нем воспиталось особенное воззрение, особенное чувство чести, понятие о достоинстве человека, обычай защищать слабого против сильного. Эти-то понятия достались от феодализма народам Западной Европы; за такое наследство многое, конечно, можно простить феодальному миру. Классической земл[ей] рыцарства, где оно явилось в изящнейших своих формах, была Франция, особенно Южная. Но здесь рыцарство развивалось иначе, чем в Германии: оно получило здесь какой-то изящный, мягкий характер. В Южной Франции рыцарем мог сделаться всякий талантливый горожанин, певец и даже простой человек. Отсюда из памятников провансальской поэзии мы можем почерпнуть многие доказательства в пользу действительного существования рыцарских учреждений. Говорят, странствующих рыцарей не было^б: но в Южной Франции мы видим их бесчисленное множество; они переходят от одного двора к другому, посвятив жизнь свою исключительно защите слабых, любви и поэзии. В эту систему южнофранцузского рыцарства вошли Северная Испания и Северная Италия. Мы здесь найдем исторические^в блестящие подвиги рыцарей. Таковы подвиги маркиграфа К о н р а д а М о н ф е р р а т а, сильнейшего из князей XII века на границах Франции и Италии, не раз подвергавшего себя опасности потерять жизнь, чтоб защитить какую-нибудь бедную девушку, утесняемую родственниками, которые хотели выдать ее за нелюбимого. Таковы же точно исторические рассказы о многих из князей Южной Франции, Барселлоны, о королях французских. Обстоятельства, в которых живет какое-либо сословие или целый народ, обуславливает возникновение их

4. 12
об.

^а Там же далее вставлено: как братство (л. 104 об.)

^б Там же далее вставлено: что это выдумка новейших романистов (л. 104 об.)

^в Там же: исторически доказанные (л. 104 об.)

цивилизации и^а их воззрения на жизнь. Потому мы смело можем сказать, что была особенная феодальная цивилизация; она высказалась в богатой литературе, и никогда памятники средневековой литературы не любопытны так, как здесь.

Теперь нам следует познакомиться с другими элементами средневекового общества — городами, церковью, низшим народонаселением и рабами^б. Исторические источники для городских общин: чтения Гизо об общинах, последние лекции в «Истории цивилизации»; Hüllmann. *Städtewesen des Mittelalters*; он хотел написать целую историю городов, но, собрав материалы, увидел, что она еще невозможна, и потому напечатал только материалы с некоторыми рубриками в 4 томах. Весьма любопытна книга молодого Гегеля *Italienische Städteverfassung*^б, где он касается французских и немецких городов. О немецких городах — Эйхгорна «*Über die Entstehung der deutschen Städte*». Отдел знаменитых «*Lettres sur l'histoire de France*» Ав. Тьерри. // Кроме того, средневековые летописи, грамоты и т. п. Вообще всех первоначальных источников и нельзя пересчитать: каждый город, каждая община имели тогда свою историю. Тьерри поручено собрать документы относительно среднего сословия Франции, но до сих пор они еще не явились в свет.

А. 124

[ЛЕКЦИЯ 27]

Мы^в видели, какой огромный перевес получил феодализм над всем гражданским бытом Европы X и XI столетий. Он был господствующей формой и наложил печать на все отношения^в. Характер феодального владения был не только перенесен на поземельную собственность, но и на все другие права и на должности, которые раздавались

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: и вышедших из этих обстоятельств воззрений на жизнь. (л. 105)

^б Там же далее вставлено: о коих не име[ем] почти известий, но и этот класс имеет право на наше внимание: прежде будем говорить о возникновении общины средневековой (л. 105)

^{в-в} Там же перед первой фразой: Предметом нынешнего чтения будут европейские городские общины. (л. 105)

как лены^а. Но такого рода властительная форма не могла не вытребовать резкой реакции и сопротивления. Человечество не выдерживает долго подобных односторонних явлений.

В церкви не раз уже высказывалась реакция против феодализма; но мы увидим сейчас еще одну из таких реакций. Мы сказали, что самая внешность Западной Европы получила особый характер: феодализм покрыл ее замками, башнями и крепостцами, как будто повсюду жило племя исключительно воинственное. Феодализм обратил даже древние памятники после Рима к своим целям: т. о. римские башни и укрепления вдоль Рейна обращены были в феодальные замки; великолепные остатки римского зодчества, арены, амфитеатры, находившиеся в Южной Галлии, были также обращены в укрепления. Но промежду этих замков существовали еще значительные собрания людей, значительные и населенные местности — города. История городов Западной Европы во время возникновения и развития феодализма как бы запущена летописцами и историками того времени. В городах, за исключением Италии, живет обыкновенно утесненная, презренная часть народонаселения, поставленная наравне^б с рабами. Но откуда же взялись здесь смелые учреждения и требования свободы, начиная с X столетия и далее?

Решение^в этого вопроса очень важно^в. Мы укажем на две теории. По основам одной, которой талантливейшим защитником явился С а в и н ь и, городовые учреждения возникли из уцелевших обломков и остатков римского муниципального устройства; Савиньи подкрепляет это мнение некоторыми судебными формами средневековых городов, заимствованными из римского права, некоторыми сходными учреждениями, именами и т. д. Вот основная мысль Савиньи: «Когда явились германские завоеватели и заняли римские области, тогда образовались две общины; одна — римская, укрывшаяся в городах, спасшая здесь остатки муниципальных учреждений и продол-

^а Там же далее: рабу право на жизнь давалось господином, как бы лена. (л. 105)

^б Там же: почти наравне (л. 105 об.)

^{в-в} Там же: Этот вопрос был предметом спора. (л. 105 об.)

жавшая по возможности прежнюю жизнь; вторая община — завоеватели, рассыпавшись вне городов, жили по прежнему германскому праву». Теория эта чрезвычайно//остроумна и проста; но не выдерживает строгой критики^а в том широком значении, которое хотел ей придать Савиньи¹.

Другая противоположная теория приписывает возникновение городских прав и общин исключительно германскому элементу. Представители этой теории, самые замечательные, явились в Италии. Несмотря на наклонность итальянцев отрицать^б все германское^б, в Италии в наше время возникла самостоятельная глубоко ученая историческая школа^в (граф Ц е з а р ь Б а л ь б о² и др.), доказывающая, что города в Ломбардии обязаны были своими свободными учреждениями германцам, лангобардам, что среднее состояние римское обращено было во время нашествия германцев в состояние рабов и колонов и что только остатки свободных римлян, слившись с лангобардами, образовали свободные города. Исключение оставалось только за Венецией, Пентаполисом, городами Южной Италии, вообще за местами, где не были лангобарды. Прочие города обязаны своим оригинальным и свободным существованием [германцам]^г. Собственно, обе эти теории справедливы, но справедливы местно, и^д мы не имеем абсолютной истории всех городов средневековой Европы^д. Во-первых, не подлежит сомнению, что римские муниципальные учреждения сохранились в городах европейских, не только в Южной Галлии, в Испании, в Южной Италии, где следы их осязательны, но даже и в Германии. Эйхгорн неоспоримо доказал, что в Кельне, другие — что в Регенсбурге и других городах сохранились именно римские учреждения^з.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: «Она справедлива относительно некоторых местностей. (л. 105 об.)

^{б-б} Там же: связать средневековую Италию с римскими учреждениями (лл. 105 об.—106)

^в Там же далее вставлено: которая стала в противоположность со школой Савиньи. (л. 106)

^г В рукописи Собчакова явная описка: городам. В рукописи «В» городам исправлено на германцам (л. 159)

^{д-д} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: а для всех городов Западной Европы нет. (л. 106)

Посмотрим^а теперь, как могло это произойти. Мы знаем, что в Галлии, в городах римских была могущественная богатая аристократия, когда ее застигло германское нашествие. Эти богатые аристократические дома удалились в свои неприступные поместья, где они могли найти безопасность от нападения находивших варваров; но большинство римской аристократии утвердилось в укрепленных городах — здесь было легче жить. Они здесь снова основали сенат и городские общины; падшие, униженные органы администрации возникли снова. Председателями этих общин были вначале епископы: вообще роль их здесь имеет очень большое значение. Епископы городов пользуются обыкновенно большим уважением со стороны германских кунигов^б и служат за него^в предста[ви]телями пред последними. Обыкновенно куниги взимают с городов весьма тяжелую подать и назначают для этой цели// в город л. 125 своего графа, но тем не менее предоставляют городу внутреннюю помощь и конечную расправу, и суд в более мелких делах, касающихся внутренней администрации города. Таким образом, пользуясь этими правами, города скромно и незаметно, но свободно прошли от V-го до X-го столетия. Здесь они являются со странными по тому времени именами — с консулами, сенатом. Объяснить это весьма просто: эти учреждения и не умирали, только города в X столетии воспользовались слабостью центральной власти и разгром феодализма и воротили себе прежние формы. В других городах римские учреждения забылись или погибли совершенно, именно там, где были лангобарды: вступая в города, лангобарды поселились здесь сами. Стало быть, господствующим народонаселением было здесь германское, и, стало быть, здесь всю силу получили германские учреждения.

Наконец, возникает в Западной Европе значительное число новых городов. Когда после Карла Великого империя его сделалась театром опустошительных набегов со стороны германцев, славян, сарацин (арабов), естественно,

^а Там же далее: как могли сохраниться муниципальные формы при другом порядке вещей. (л. 106)

^б Там же далее: и употребляют свое предстательство пред кунигом, чтобы снять с города часть податей. (л. 106)

^в Так в рукописи

что деревенские жители, не защищенные ничем от этих набегов, стекались к замкам и монастырям и укрывались в их оградах. Очевидно, что в таких местечках должны были возникнуть^а новые известные права мены, торговли, промышленности^а, и эти все обычаи и учреждения концентрировались около известных пунктов и обуславливали развитие новых городов.

Церковь тотчас поняла всю важность этих поселений: епископы, аббаты тех монастырей, около которых они заводились, начали давать жителям этих новых местечек и городов некоторые права и льготы, стараясь как можно привлечь сюда более народонаселения, ибо с этим вместе соединялись их личные выгоды и богатства монастырей. Нет никакого сомнения, что во всех этих городах играет важную роль древнегерманское учреждение (исследование профессора Вильда⁴). — г и л ь д и и.

Мы знаем, что у древних скандинавов, германцев, англо-саксонцев существовали братства. Члены этих братств собирались для общих пиров, в которых по всем ходил один рог, сходились для жертвоприношений, но цель братств этим не ограничивалась: члены его обязаны были защищать друг друга^б. Если один из них делался предметом кровавой мести, 12 членов гильдии берегли его денно и ночно; если с него взималась// сильная пеня, вира, члены складывались и платили за него. Если ему надобно было бежать и скрываться, члены гильдии обязаны были доставать ему коня или лодку, дать на дорогу пищу и топор для защиты. Таких братств было чрезвычайно много; иногда они учреждались для целей совершенно частных; например, у англо-саксонцев они существовали для поклонения святым местам: отправлявшиеся для этой цели обязаны были беречь друг друга, если один захворал — лечить его, если умер — похоронить. Это были учреждения чрезвычайно замечательные, недавно только выяснившиеся и получившие огромное значение в развитии германской общественности. У англо-саксон-

^а—а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI: образоваться мена, купля и продажа, неизбежные во всяком обществе, ярмарки и т. д. (л. 106 об.)

^б Там же далее: и стоять в виде свидетелей в суде, если кто совершал преступление. (л. 106 об.)

цев мы тотчас при первом взгляде замечаем, что в основе их городов лежат братства: новые жители, завладев городами, составляют тотчас братство с целью общих торговых оборотов, и из этих-то братств впоследствии развились г а н з ы.

Некоторые правительства Западной Европы, особенно англо-саксонское, пользовались гильдиями как средством приводить к единству народонаселение, дотоле ничем не сплоченное. В Галлии, напротив, духовенство восстает против этого, видя здесь остатки языческих обычаев, а может быть, предвидя здесь попытки создать здесь более независимые самостоятельные общины. Все эти элементы вошли в состав европейских городов до X столетия. В этом столетии Европа уже богата городами, но городских общин, собственно, нет: города находятся во власти королей, герцогов, епископов, аббатов. Значительную^а частью своего будущего развития^а города обязаны системе изъятия — *im m u n i t a s*, в древнегерманском праве — *z u n d a r e l l a*^б. Граф есть наместник кунига, судья: под его управою живут ленники короля и свободные люди, которых он судит по древнему праву. Но духовенство, еще при Меровингах, начало хлопотать об изъятии из-под суда графов: отсюда самые земли, изъятые от такого суда, назывались *im m u n i t a t e s*. Выхлопотав для земель эту льготу, епископ ставил над городом своего сановника, который собирал подати с жителей, доставляя их кунигу, и водил на войну этих подданных духовенства. Пример такого изъятия был соблазнителен для феодального общества:// много городов и местечек старались выхлопотать л. 126 себе то же, и вскоре мы видим значительное число поместьев и городов, совершенно изъятых от королевской власти^в.

Нельзя себе представить ничего пестрее народонаселения этих городских общин, изъятых от непосредственной власти или пользовавшихся известными льготами. Мы видим, например, часто города, которых часть принадлежит епископу, часть королю, часть другим ленным

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: Дальнейшим развитием своего права (л. 107)

^б Так в рукописи.

^в Там же далее: Это явление относилось не к одной части Европы, а повторилось всюду. (л. 107)

владельцам. Такое дело было очень обыкновенно. У англосаксонцев видим мы, что часто король дарит кому-нибудь часть города, даже два-три гражданства; это значит, что он дарит право судить их. В городах новых был один владелец — владеец того замка или монастыря, около которого раскинулся город. Но вообще в большей части городов живут: 1) ленники того владельца, которому принадлежит город, получившие от него землю...^а или вообще какие-нибудь городские угодья; 2) непосредственные ленники короля; 3) значительная часть людей вольных, свободных, которые или пришли сюда и платили владельцу подать за полученную землю, или это были свободные германцы^б, имевшие здесь прежде свои клочки земли; 4) наконец, значительная часть ремесленников и рабочих людей.

Разумеется, граф, в области которого были такие города, старался приобрести их себе, ибо в таком случае он имел выгодное право суда над ними. Такое столкновение разнообразных судов затрудняло историческое понимание: мы видим часто в одном городе десятки различных судов. Аббаты и епископы из личных видов и из видов единства начали, как сказали мы, просить королей дать им одним право суда над городами; таким образом, в руках их соединились все права графов, по крайней мере все то, что мог им подарить король. Непосредственные ленники какого-либо одного владельца собираются в один коллегий, другие в другой; над коллегиями становится епископ: он от себя выбирает для каждого коллегия председателя в суде и расправе. Это *a d v o c a t u s [c a s i]*. Иногда только король от себя^в назначает наместника для дел уголовных, ибо в такие дела неприлично входить епископу, духовному лицу; но иногда и здесь епископы не теряют всей власти. Вследствие таких усилий // духовенства и вследствие общего сочувствия к их деятельности является значительное число городов, во главе которых стоят духов-

л. 126
об.

^а Одно слово не разобрано

^б В рукописи ГБЛ, М. 3598, XXI далее: кои не платили ничего, и, наконец, огромный класс рабов, крепостных. (л. 107 об.)

^в Там же далее: назначал фогта на том основании, что епископ не мог произносить смертного приговора, но часто мы видим, что и епископские фогты пользовались этим правом. (л. 107 об.)

ные лица: от них зависят городовые фогты и графы, которые собирают подать в пользу кунига и судят жителей.

Таким образом, значительная часть городов, принадлежа духовенству, находилась, собственно, от него в зависимости, а не от графов; графы эти — уже не сановники короля, а епископа. При изложении истории саксонского дома мы заметили, что Оттон и его преемники именно старались ограничить графов властью епископов и аббатов. Короче, к концу XI столетия на всем пространстве Северной Италии почти нет города, в котором бы не был главным сановником епископ. Но в Германии и Франции есть еще значительное число городов, подвластных непосредственно королю и графу.

Мы сказали, что в местечках, раскинувшихся около монастырей и замков, должны были развиваться некоторые потребности промышленности и торговли. Тем сильнее должны были развиваться эти потребности в городах более древнего происхождения: здесь они существовали как привычки и предания; таким образом, и будущее развитие торговли зародилось в римском быту. В городах сосредоточивается вся торговля; здесь выделяются все произведения, которыми пользуется барон в своем замке^а; но они не существуют только для барона и даются ему не даром. Правда, он иногда отнимает их, но главное их значение все-таки обмен и торговля. Как^б бы то ни было, но промышленность и торговля всего более пуждается в обеспечении и прочном порядке вещей. Естественно, что в городах, как и в церкви, руководившей здесь другими началами, было всего более порядка и законности посреди феодального общества, и из этих-то высших потребностей выходили восстания городов против феодализма^б.

В исторических сочинениях мы часто встретим выражение: восстание городов, освобождение общин. Но здесь никак не должно думать, чтобы эти факты были фактами единовременными: они совершались более чем в продолжение двух столетий, в разное время на разных // концах л. 127

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: коему они доставались недорого; он часто обирал купцов. (л. 108)

^{б—б} Там же: Обеспечение прочного порядка вещей есть причина процветания торговли и промышленности; горожане пытались осушить порядок и отсюда вышли их восстания против феод[алов] и духовенства, кое держало сторону феодальных владетелей. (л. 108)

Западной Европы. Мы говорили уже, что каждая городская община имела тогда свою историю; это самые богатые эпизоды средневековой истории.

В Италии города воспользовались, с одной стороны, отсутствием императора и ослаблением его влияния по смерти Оттона III, чтобы торговаться с епископами о правах и власти; с другой стороны, они успешно воспользовались впоследствии возникшими раздорами между светской и духовной властью. Здесь в городах бывало по два епископа — один от государя, другой от папы; городские сословия признавали того, который был уступчивее. В городах Северной Италии XI столетия мы встречаем следующие однообразные формы. Во-первых, городской совет, *consules* или *judices*: это были сначала судебные коллегии, в которых епископ назначал председателя; каждое сословие судилось своим судебным порядком, ибо каждый судился только судом равных — *parēs iurati*. В течение X столетия эти отдельные коллегии начали сливаться в один, председателями которого опять были *consules*, *judices*; число членов здесь определялось числом сословий.

Крепостное народонаселение городов в течение X и в начале XI столетия достигло личной свободы, города^а сделались чрезвычайно важны в этом отношении^а: вне их не было другого средства отбиться из-под рабства феодального владельца. Городские консулы, во главе которых стоит сановник и наместник епископа, в отсутствие епископа и пользуясь различными обстоятельствами, прогоняют часто наместника и захватывают себе правление. Тогда из среды своих сословий город избирает собственных чиновников и им поручает администрацию, так что в конце XI столетия у епископов остается весьма мало прав в городе. Лица, которым вверяется городское управление, следующие: 1) прежние оставшиеся консулы — *consules deplacites*, но кроме того, 2) *consules comites*, выбранные, и 3) во многих городах был еще третий совет, тайный — *consules de credentia*^е. Такова была форма итальянских городов в конце XI столетия. Они присвоили себе право

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI: Города достигли самостоятельности и независимости. (i. 108)

верховой власти и суда, право чеканки монеты, сбора доходов, податей с товаров и т. д.

Это ^а движение совершалось здесь без кровавых потрясений: общины пользовались затруднительными обстоятельствами прежних властей. Стало быть, различие города и общины городской было в том, что города обыкновенно подведомственны были графу или королю, община была независима или зависима мало ^а. У итальянских городов уже являются знамена; //город обыкновенно находился под покровительством какого-либо святого; его изображение обыкновенно укреплялось на мачтовом дереве и возилось на колеснице перед городовым ополчением и на празднествах: это была неприкосновенная святыня города. Город был, таким образом, подведомственен только известному святому; округ под его покровительством назывался *o r b i s s a n c t i*. л. 127 об.

Во Франции освобождение городов ⁵ шло другим путем. Города Южной Галлии последовали итальянским, собственно римских элементов здесь сохранилось даже более, чем в Северной Италии: Марсель, Бордо, Ним являются в XI столетии со своими консулами и сенаторами. Но в Северной и Средней Франции в городах преобладало германское начало. Здесь коллегии составляли *j u r a t i*, члены, во главе которых стоял епископ или герцог. Здесь также началась борьба за независимость, где гильдии явились во всей своей силе и значении. Горожане города М а н т а около 1070 года составили братство с целью освободиться от притязаний аббатов. Попытка была подавлена, но воскресла на другом конце Франции ⁶. Доныне плохие историки Франции повторяют, что Людовик VI был основателем городских общин во Франции, — мнение, не стоящее и опровержения: однажды навсегда должно сказать, что не короли основали общину, а община основала и укрепила королевскую власть. Первое и самое резкое восстание общины является в Северной Франции,

^{а—а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI: В Италии города на обломках прежних образовали свою самостоятельность. Теперь видно отличие города от общины. Город был собранием людей; община признавала власть короля или епископа, но действовала самостоятельно и имела права, которые теперь покажутся самодержавными. (л. 108 об.)

⁶ В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее: и ясно показывает общинное направление. (л. 108 об.)

в Пикардии и во Фландрии. Если бы с этими общинными восстаниями мы соединяли какие-нибудь новые понятия, это было бы совершенно несправедливо: общины борются упорно и отчаянно^а, но требования их очень умеренны. У одного летописца — Гиберта аббата Ногентского — мы встречаем следующие выражения: *communitas novum ac pessimum nomen*^б. Он говорит с ненавистью о движении общин и вместе высказывает, в чем оно заключалось. Эти слова, в которых заключается определение общинного движения, показывают, до какой степени уверены были в правах своих тогдашние властители. По словам аббата, граждане требовали, чтобы их повинности были определены, чтобы им платить их один раз в год, а не собирали бы их во всякое время; // чтобы за каждый проступок определено было известное наказание и положена была пеня и т. п. Одним^в словом, мы видим, до какой степени требования эти были умеренны, а между тем они возбуждали сильное негодование в окружающем обществе и оскорбляли даже аббата^в. Во Франции низшие классы и вилланы получили от феодалов название людей, у которых можно брать по произволу, что угодно и когда угодно. Общины потребовали теперь не избавления от этих повинностей, а их определения, чтобы они не были произвольны. На этом основании начинается война общин с владельцами, продолжавшаяся несколько столетий с различным успехом: одни общины отбились и получили независимость, другие кончили дело взаимным договором и сделкой, третьи подверглись еще более тяжелой участи. Мы найдем превосходное изложение истории отдельных французских общин у А. В. Тьерри в его *Lettres sur l'histoire de France*. Притязания общин заставили владельцев прибегнуть к заблаговременным уступкам. Таким образом, короли французские предоставили городам некоторые права, обеспечивавшие их от произвола государственных чиновников; тогда-то возникла *bourgeoisie*, различие которой от общин

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: со своими притеснителями (л. 108 об.)

^б Там же далее: община — новое дурное имя. (л. 109)

^{в-в} Там же: Мы видим, как эти требования справедливы, но все-таки они оскорбляли графов и епископов. (л. 109)

состояло в том, что последние имели вид внешней самостоятельности, заключали договоры, имели свой суд, тогда как *bourgeoisie*^a этого не имела, разве только в мелких делах, и ограждена была только от притеснений и произвола чиновников^a.

Развитие городских общин Германии начинается только с XI столетия. Во время войн с папами императоры искали^b помощи городов. Сказанное доселе вообще о городах можно приложить к городам Франции, Италии, Германии, Англии с тем только различием, что в Англии они не имели в первое время политического значения и этот характер усвоили себе только с XII столетия^b. Но здесь только есть города, нет общин самостоятельных. Скандинавские общины развились из гильдий и не играли роли городов итальянских. Города Пиренейского полуострова не представляют в этот период еще никакого особенного значения до самого XIV—XV столетия.

Теперь посмотрим на историческое значение городов относительно феодализма. Мы знаем характер феодализма. В нем было что-то гордое, энергическое; непреклонная личность, с одной стороны, с другой, потребность деятельности преимущественно воинственной, готовность на самые страшные и опасные предприятия, что-то суровое, жестокое, оскорбительное для нравственного чувства, если посмотреть на отношение феодального владельца к вилланам, и вместе что-то поэтическое, если посмотреть на его отношение к равным. Очень не удивительно, что такие личности были глубоко оскорблены, когда общины потребовали некоторых прав и предложили условия. От них потребовали уступок, с ними хотели договоров, как равные,— кто же? Бывшие его рабы, вилланы, низшее сословие!// Долго феодальный владелец не мог отделаться^{л. 128 об.} от презрения к ним. Иногда это презрение высказывалось

^{a—a} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: имела свой городской совет, но не имела самостоятельности; городской совет решал дела небольшой важности и ограничивал самовластие королевских наместников. (л. 109)

^b Там же далее: опирались на германские города против феодальных владельцев. (л. 109)

^b Там же далее: в 13 столетии они посылали своих представителей, депутатов; но общины самостоятельных в Англии нет. (л. 109)

в формах^а поэтических, например: в Брабанте вспыхнуло восстание городов, несколько благородных рыцарей застигнуты были на дороге толпою крестьян, окружены ими. Мы говорили, как легко было рыцарю управиться с крестьянами и по вооружению, и по привычке; тем не менее брабантские рыцари не захотели марать рук своих в «подлой» крови виллана и дали перебить себя.

Между тем городовые общины носили совершенно иной характер; сначала они имели бедные цели: каждый гражданин искал обеспечение для собственной своей личности, стоял за свое личное право, заботился о том, чтобы никому нельзя было отнимать у него собственности без суда; чтобы его не заключили без расправы и чтобы за проступок брали с него должную пеню, чтобы его повинности были определены и не взимались с него по одному произволу, наконец, чтобы побор не сопровождался притеснениями. Он действовал сообразно закону и праву и мог трудиться для себя, не опасаясь потерять плоды трудов своих. Горожане получали хартии от королей, которые засвидетельствовали их права и льготы и в которых представляемы были взаимные ручательства за исполнение условий с обеих сторон. Горожане, однако, не слишком доверяли этим ручательствам на одной только бумаге; они обвели города свои стенами, окружили цепями, и в течение XII века общины во внешнем виде получили тот же воинственный характер, как и вся окрестность. В каждой общине есть особенная колокольня, на которой постоянно стоит часовой и ударяет в набат в случае тревоги или нападения. Эта колокольня с вечевыми колоколами обыкновенно строилась на общий счет города, и горожане особенно любили украшать ее; это заметно преимущественно в городах фландрских. Но не только против внешних врагов, община должна была часто защищаться против внутренних: иногда феодальный владелец имеет замок среди самого города, тогда граждане обводят этот замок цепями; даже самый город иногда разделялся на две, на 3 враждебные части; Берлин до XV столетия разделялся на 2 части, на 2 города — Берлин собственно и Кёльн берлинский;

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: в форме поэтической, благородной, если можно презрение к человек[еству] обличить в благородную форму. Но в истории все условно. (л. 109 об.)

промежду находился мост, опускавшийся каждую ночь во избежание нападений с той или другой стороны.

Но какой же должен был здесь возникнуть // склад ума л. 129 и какое воззрение? Здесь было скоплено народонаселение трудолюбивое ^а, но чрезвычайно прозаическое, тупое, недоверчивое; горожане боролись сначала за собственные личные цели, потом защищали общину, но все-таки они считали себя отличными от баронов и других феодальных владельцев: они говорили с ними только как члены общины одного нравственного лица, а не сами от себя; сознание личного достоинства было здесь чрезвычайно слабо. В городах Южной Франции были особенные явления: здесь феодальное рыцарство само поселилось в городе и сообщило ему более изящный и свободный характер. Здесь горожане сами могли поступить в рыцари, как и в Италии, и не отличались от последних внешними формами. В Германии же купец надевал меч не на себя, а на шею лошади, чтобы благородный рыцарь при встрече не счел его за равного себе. В ^б городах жил народ совсем иной, чем в рыцарских замках, и потому литература городов была совсем иная; она чрезвычайно замечательна, но в ней отразились совершенно другие воззрения ^б. Не надо смеиваться ^в средневековые города со средним сословием: среднего сословия тогда не было. Во Франции оно началось только с XV столетия. Каждый город есть индивидуум, нравственное лицо, преследующее свои цели; его народонаселение — купцы, ремесленники. Среднее же сословие — адвокаты, медики, ученые, художники, хотя и живут в городе ^г, но не принадлежат городской жизни//⁷.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. ХХI далее вставлено: заслужившее благодарность Европы (л. 110)

^{б-б} Там же: Городовая литература была отлична от литературы феодальной; если можно в средние века говорить о литературе французской, немецкой, английской, то тем более можно говорить о литературе феодальной. (л. 110)

^в Там же далее вставлено: (это заметил и Гизо, но он говорил только о городах Франции) (л. 110)

^г Там же далее: они вне городской жизни, ибо она преследует цели промышленные, не занимаясь другими целями, а эти цели развились впоследствии в истории. (л. 110 об.)

Мы изложили вкратце состояние составных элементов средневековой общественности до XI в., мы видели феодализм, общину и церковь, видели их враждебные отношения друг к другу и готов[ность] к борьбе, целью которой должно было быть преобладание одного из этих элементов. Внизу под этими элементами были еще другие, менее замеченные историей ^а классы общ[ества] ^б, о которых известны только их страдания, о которых история ничего не сказала до сих пор. Сюда относятся рабы и вообще сельское население Западной Европы во все продолжение средневекового порядка вещей. Нет никакого сомнения, что христианство принесло великие перемены в жизнь раба; античное ^в рабство было невозможно ^в, но перевороты в сфере идей ^г медленно переводятся на факты, поэтому положение средневекового раба, виллана, вообще всего сословия, стоявшего на различных ступенях этой лестницы, немногим было лучше состояния древнего раба, хотя немецкие историки с особенною гордостью говорят об улучшениях, принесенных германцами в это сословие. Улучшение совершалось более в сфере идей, нежели в сфере практических ^д отношений. Мы не имеем ни одной достаточной монографии об этом предмете. Недостаток ^е объясняется трудностью предмета, и летописцы смотрели более на верхушки общества, в победах и страданиях которых выражались шаги истории, между тем как раба и среднего сословия как будто бы не было ^е.

Надобно посвятить чрезвычайно много трудов, чтобы из разнородных источников составить ясное поня-

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее вставлено: почти не входившие в нее (л. 113)

^б В рукописи Собчакова явная описка: общин

^{в-в} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: античное рабство сделалось несовместимым с христианским учением; (л. 113 об.)

^г Там же далее вставлено: очень (л. 113 об.)

^д Там же: фактических (л. 113 об.)

^{е-е} Там же: Европейцы смотрят преимущественно на высшие сословия общества; на низшие обрушивается вся тяжесть, все страдания, и они были вне общественности. (л. 113 об.)

тие^а о состоянии рабов^а, и к этому надобно прибавить, что отношения их изменялись в частностях, хотя в общем были одни и те же; в Германии одни отношения, во Франции другие. В самой Германии можно пересчитать бесчисленное множество отношений владельцев к рабам; они условливались не одними роковыми географическими условиями, но исходили часто из наглой воли необузданных^б владельцев^б; тем не менее я считаю необходимым сказать о некоторых трудах: Histoire de l'esclavage dans l'antiquité du Vallon — самое^в обширное сочинение^в. Яновский, поляк, работает над второю частью этого труда — над историей рабского сословия в средних веках^г. Наконец, есть довольно дельная монография Био — Histoire de l'esclavage dans l'Occident; она^д одна из первых попыток на этом трудном поприще^д, хотя далеко не удовлетворяет всем требованиям¹.

Я сказал о том смягчении прежних суровых римских понятий, об отношении господина к рабу, о смягчении, принесенном философскими идеями; я^е указал на Сенеку^е, можно представить и других писателей II ст[олетия], но эти идеи не были принадлежностью немногих, они вошли в законодательство, вошли в общественную жизнь, и во II ст[олетии], мы ви[дим] в особенности, напр[имер]. Богатые римские винодельцы заботятся о воспитании своих рабов; древний Катон тоже образовывал своих рабов, но чтобы продавать их дороже; здесь же было дело чисто филантропическое. Тем не менее отношения рабства^ж древнего^ж не могли быть совершенно уничтожены. //

В общество, построенное на античных основаниях, ^{л. 133 об.} вместе с христианством вошли разрушительные элементы.

^{а-а} В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI: о состоянии сельского низшего населения. (л. 113 об.)

^{б-б} Там же: феод[альных] влад[етелей] (л. 113 об.)

^{в-в} Там же: самое лучшее сочинение о древнем рабстве (л. 113 об.)

^{г-г} Там же далее: Из этого труда мы еще ничего не имеем (л. 113 об.)

^{д-д} Там же: но как первая попытка содержит много любопытных указаний, на основании коих можно идти далее; (л. 113 об.)

^{е-е} Там же: можно назвать писателей (напр. Сенеку), кои восставали против рабства (л. 113 об.)

^{ж-ж} В рукописи Собчакова явная описка: раба древнего. Ср. ГБЛ, М. 3598. XXI: античного рабства (л. 114)

Уже одно понятие о равенстве, об общем происхождении всех людей нанесло удар юридическим^а законам. Когда германцы заняли римскую почву, они нашли здесь готовое сословие колон[ов] и рабов; и те и другие^б не были чужды германцам. Леты представляли сходство с колонами, они^в не обязаны личными службами^в, но права римского колона не могли быть обязательными священными для германских пришельцев, в глазах которых колон и *servus* были одно и то же; мы видим поэтому чрезвычайно пестрые названия в средневековых памятниках. Многие определения сохранились от римлян, другие внесены германцами; оттого возникло множество других отношений, темных и^г трудных, оттолкнувших от себя ученых исследователей, посвящающих труды свои предметам более благородным^г. Между тем можно сказать, что это^д самые живые вопросы — показать состояние низших классов Западной Европы и показать, откуда явились нынешние пролетарии. Мы укажем только на важность задачи.

Защитницей, союзницей рабов до XI столетия была церковь; в своих храмах она открыла им убежище, она одна впустила их в ряды свои^е. Церковь действовала здесь под влиянием начал христианства, которого была хранильницей; но, входя в состав средневекового общества, она не^ж могла отрешиться от его привычек, она должна была заведовать землями, ей принадлежавшими.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: представлению о рабе, как его понимал древний Рим. (л. 114)

^б Там же далее вставлено: классы (л. 114)

^{в-в} Там же: Они жили на земле с господами и зато обязаны были им служить. (л. 114)

^{г-г} Там же далее: и трудностью своею оттолкнувших от себя исследователей, кои занимаются предм[етами], более бросающ[имися] в глаза (л. 114)

^д Там же далее: это один из самых живых вопросов современной науки — показать ист[орию] низших классов и показать судьбу рабов, из которых развились потом пролетарии. (л. 114)

^е Там же далее: и постанов[ила] разрушительные явления для средневекового порядка, что раб может вступать в ряды церковной иерархии и достигать высших степеней. (л. 114)

^ж Там же далее: не могла отречься от своих прав: у нее были земли, кои она возделывала своими рабами. (л. 114)

Осталась ^а от тех времен поговорка ^а: под посохом епископа хорошо жить. Рабы ^б церковные пользовались большими правами, нежели рабы светских владельцев ^б. В стенах монастырей находят следы того, что в 9 столетии церковные владельцы заключали с своими рабами условия, и, таким образом, в Италии, особенно на севере, церковные рабы должны были на церковь три дня работать, остальное время употреблять для себя. Церковь часто уступала земли своим рабам ^в; из этих-то владельцев образовалось огромное число мелких владельцев.

Я говорил о праве кулачном, о праве феодальных владельцев объявлять войну своему соседу. Но мы видели, до какой степени ограждены были феодальные владельцы от военных опасностей своею одеждою и замками. В 11 и 12 столетиях совершались великие битвы между феодальными владельцами. Трудно было добраться до закованного в железо феодального владельца, следовательно, вся тяжесть падала на вилланов: их луга сжигались, у них отнимали скот, топтали жатву, и один голос был за них — это голос церкви. Но в конце 11 столетия видим, что вилланы прибегают к разным средствам ^г к своему облегчению.

Между горожанами и вилланами не было никакой связи, горожане смотрели с презрением на них: каждый город составлял отдельную эгоистическую единицу, которая преследовала свои ^д юридические цели. Эта ненависть была особенностью феодальной общины. Но жизнь горожан не могла не возбуждать зависти в вилланах: города делаются местом убежища для рабов, они покупают от города защиту, селятся здесь. Для таких ^е рабов есть много

^а—^а Там же: Но осталась еще в немецком языке договорка рабов средневековых (л. 114)

^б—^б Там же: Раб церковный, епископский, пользовался правами личной свободы, был более обеспечен, нежели раб феодального владельца, от произвола. (л. 114)

^в Там же, далее вставлено: на правах пользования (emphiteusis; (л. 114)

^г Там же далее: чтобы избежать тяжких отношений. (л. 114 об.)

^д Там же далее: цели: юридические и политические—стремление к торговле; им не было дела до жителей деревень; они не имели ничего общего. (л. 114 об.)

^е Там же далее вставлено: поселившихся в стенах города (л. 114 об.)

названий, они делаются вольными *de facto*^а. Из этих-то рабов^б составилась городской плебс, из^в которого составились впоследствии цехи, и тут началась борьба между цехами и патрициатом в XIV столетии в Италии и Германии особенно и легче во Франции^в.

Результатом всего сказанного будет следующее: под феодализмом, церковью, под господствующими сословиями средневековой общности есть еще огромная масса людей, до которой не доходит цивилизация; права не доставались ей в удел, отдельные лица спасались от этого положения бегством, отдельные попытки, вызванные примером городов, оканчивались поражением вилланов и наложением более тяжкого ига. Таково восстание нормандских вилланов в конце X столетия^г.

ЦГАЛИ ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2

ЛЕКЦИЯ 43^д

л. 168 Нет времени продолжать обзор политического состояния государств западных в 14—15 стол. Приступая к изложению умственного движения в 14 и 15 в., надо обратиться к средневековой науке, чтобы объяснить это движение. Скажем только несколько слов о^е деятелях (ях) народа^е. Из сказанного доселе об истории средних веков видно, до какой степени несправедливо мнение, кое называет средние века^ж временем варварства. Таких веков давно нет на почве европейской; рано здесь являются разные деятели, и мы увидим их в истории средних веков.

^а В рукописи ГБЛ, М. 3598. XXI далее: хотя за стенами им угрожало новое рабство (л. 114 об.)

^б Там же далее вставлено: беглых (л. 114 об.)

^в—в Там же далее: В течение XII и XIII стол. цехи вступили в борьбу с высш[им] населением город[ов], особенно в Италии и Германии; во Франции эта [борьба] патриц[иев] и цехов не носит такого ожесточенного характера. (л. 114 об.)

^г Далее опущен раздел, посвященный истории евреев в средние века, истории так наз. «проклятых пород». См. Предисловие, стр. 21

^д В рукописи «Б»: 25 апреля. Грановский Т. Н. (л. 250). Так же в рукописи Собчакова (л. 194 об.)

^е—е В рукописи Собчакова: о тех духовных деятелях в жизни народов среднего века, коих доселе видели мельком (л. 194 об.)

^ж В рукописи «Б» далее: веками рабства и невежества (л. 250)

Известно, какими нитями связан // средневековый мир с древним. Это были компиляции, которые были доступнее, понятнее тогдашнему читателю, чем великие произведения Греции, созданные в эпоху ее высшего развития. Мы говорили о школах при Карле Великом и о зачатках образованности. В 10 столетии эти зачатки, по-видимому, заглохли, но школы остались; в XI ст. они блистательно обнаружили свое сущ[ествование]; как будто из земли выросли мыслители, которые были разбросаны во всех сферах человеческой деятельности. Это были теоретики: мы видели их в сфере богословской, в сфере ^а борьбы империи с папами и т. д. Наука права также начинала обрабатываться.

Посмотрим прежде внешние условия этого развития и потом перейдем к идеям. *Schola Palatina* — дворцовая школа — исчезла вместе с Каролингами; мальчики учились при монастырях; значение школы зависело от личности преподавателя, иногда один преподаватель собирал около нее^б из всех сословий, и школа, хотя на время, получала значение. В XI столетии являются в европейском Западе школы: Парижская; Франция для средневековой Европы была тем же, чем Германия для новой. Там развилась схоластика. В Парижской школе обрабатывалось богословие и философия. В Италии, в Болонье особенно, обрабатывалось право.

Не без труда добывалась наука, которой так жаждали. Часто надо было идти к далекой Мавритании, в Испанию, чтобы выслушать комментарии арабских ученых на Аристотеля, или отправляться в Каир, в тамошнюю школу, чтобы познакомиться^в с восточной мудростью. Часто эти странствия были соединены с опасностью. Но человеку идет впрок только то, что приобретается с трудом. В XII столетии образовались университеты; 1-м можно назвать Парижский и Болонский университеты; Английский — Оксфордский университет, который // также имея притязания ^г на древность, не имел этого права и не мож[ет] доказать.

Очень естественно, чтобы владельцы оказывали покровительство школе, ибо она привлекала слушателей и

^а Там же далее: права и философ[ии] (л. 250)

^б В рукописи Собчакова далее: толпы учеников (л. 195)

^в В рукописи «Б» далее: с естественными науками и математикой (л. 250 об.)

богатство. Оттого государство Каролингов давало привилегии Болонской школе, а школа спешно образовывала корпорацию, которая называлась университет — Universitas, заключ[ающую] преподавателей и слушателей. Университет дробился на отделы — факультеты; обыкновенно университет большой разделялся на 2: Universitas artium или artistarum, где преподавались науки естественные, медицина. В другом факультете преподавались богословие и право. Надо заметить, что право и богословие [редко] соединялись между собой; и в Парижском университете папы долго запрещали преподавать римское право¹.

Во главе университета был ректор, избираемый всем университетом; он был представитель университета и часто имел политическое значение, ибо, например в Болонье, было 20 000 студентов, кои слушали только его приказания, исполняли его волю. Он избирался из докторов или магистров университета.

В наше время трудно понять то значение^а: университет заменял книгопечатание; в наше время можно учиться дома, имея словари и руководства. В то время книг было немного; только в университете можно было учиться. На скамьях Парижского университета сидели люди всех возрастов, юноши всех стран, кардиналы и Дант — политический изгнанник. Но как[ие] же науки привлекали такое число слушателей, ибо в Париже было иногда до 30 000 студентов? Это было, с одной стороны, римское право, с другой — философия и богословие, которые сливались, и философия находилась в услугах у богословия.

Часто слышатся неуважительные отзывы о средневековой схоластике. Но это мнение несправедливо; это была сильная, отважная рыцарская наука, ничего не убоявшаяся, // схватившаяся за вопросы, которые далеко превышали ее силы, но не превышали ее мужества. Мы берем схоластику как искажение философии в 14 столетии², но надо смотреть на нее в XI ст. Недаром был Иоанн Эригена³, на которого мы указывали; Беренгарий Турский высказывал мысли, которые привели его к костру и его защищ[авших]. Григорий VII — замечательное явление: ревнитель церкви защищал человека с свободными идеями.

В конце XI столетия являются 2 направления — номи-

^а В рукописи «Б» далее вставлено: университета (л. 251)

налисты и реалисты; номиналисты говорили, что существуют только звуки ^а. Это был спор, который разрушал средневековый порядок вещей. Таков характер идей; тот, кто смеется над ними, не знает их важности, а между тем в этих идеях лежали начала нового порядка вещей. Надо указать на Петра Абелара, который стоит во главе движения XI столетия. Он был юноша из Брет[ани], рыцарского происхождения, красив наружностью, но он говорил, что его заманили другие турниры, нежели какими занимались его братья, — турниры мысли. Он явился в Парижский университет и сел у ног Вильгельма из Шампо, был ревностный его слушатель и однажды, предложив ему возражения, сбил Вильгельма, который потерял доверенность слушателей, и они начали слушать Абелара. Толпа везде за ним ходила ^б. Около Парижа образовался городок из хижин тех, кои его слушали. Отсюда он ушел в Лаон.

Он ^в должен был возбудить подозрения ^в; он говорил, что грех заключается не в факте, а в намерении, и из этого выводил самые смелые последствия. К этому присоединялась его частная жизнь. Известна его любовь к Элоизе и его переписка // с нею. Она в этой переписке даже выше и красноречивее его, но он был виновником ее развития. Главою его противников был св. Бернар. Как Абелар в мысли искал опору всему, так св. Бернар ^г искал другой опоры и подчинял мысль чувству. Он также происходил из рыцарской фамилии, но удалился в монастырь. Но не находил дов[ольно] строгим монастырь и уговорил [свое] семейство следовать за собой. Летописцы говорят, что мужья не пускали жен, родители — детей на эту проповедь, боясь их лишиться, — так говорил св. Бернар. И его испугала свобода мысли Абелара. Бернар был человек, который ничего не пугался, но, когда приходило время собора, где он должен был спорить с Абеларом, он писал к папе:

^а Там же: Реалисты учили, что *universalia sunt realia* (л. 251)

^б Там же далее: он был гоним из одного города в другой (л. 251 об.)

^{в-в} Там же: но учен[ие] его должно было обратить на себя подозрительное внимание. Мно[гое] не согласов[ывалось] с господствующими понятиями (л. 251 об.)

^г Там же далее: был представителем другого мистического направления. (л. 251 об.)

силы мне изменяют; мне ли бороться с этим человеком? Однако Абелар проиграл и был не в состоянии бороться со строгою дисциплиною, которую выставил против него папа. Абелар должен был^а отказаться от некоторых мыслей, но ему дозволено было провести остаток жизни у одного почтенного священника Петра. Наука была прежде уделом особого класса людей. Абелар вывел ее на площадь. И это обстоятельство испугало и Бернара, и других. Абелар сильно действовал на женщин^б. Его учение распространялось по Европе⁴.

Таково было выступление схоластики. Она явилась не тою, покорною, подчиненною папе наукой, какой она сделалась в 14 столетии; но Абелара, хотя не совсем справедливо, можно назвать явлением исключительным; он стоял против направления^в века, как видно из последователь[ельной] схоластики, св. Фомы и друг[их], которые все искали в мысли. Одну услугу оказала схоластика. Она дала западному уму смелость и гибкость.// Такое наследие получила западная мысль от схоластики⁵.

л. 170
об.

Теперь скажем о римском праве: его изучали не только те, кои посвящали себя судебной деятельности, оно вошло разрушительным образом в жизнь средних веков; юристы поставили идеал римского права в противоположность с идеалом феодального права. Мы видели в [14] столетии людей, кои судят тамплиеров и т. д.^г и добив[ают] средние века. Это римские юристы. Когда умирал король, его преемник обыкновенно выдавал его советников на жертву народной ненависти; их обвиняли, их казнили. Новый король набирал новых советников, кои ждали той же участи.

Мы иногда улыбаемся простоте этой науки, но нельзя не удивляться этим великим людям, коим приобретение науки стоило труднее, чем нам, и кои так резко отличались живым интересом¹.

ГБЛ, М. 3598, XXI

^а В рукописи «Б» далее вставлено: формально (л. 252)

^б Там же далее вставлено: он был поэт, его cantelere ходили по всей Франции (л. 252)

^в Там же: господствующего направления (л. 252)

^г В рукописи Собчакова далее: и судебная порча добывает средние века. (л. 198)

¹ В рукописи Собчакова далее: который редко встречается в теперешних обществах. Конец (л. 198)

О ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХАХ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹

(Черновой набросок)

Призванный неожиданно к участию в ученых беседах л. Поречья, я избрал предметом моего чтения так называемые переходные эпохи в истории человечества^а. При самом начале моих занятий историей эти печальные эпохи приковали к себе мое внимание. Меня влекла к ним не одна трагическая красота, в какую они облечены^б, а желание^в услышать^г последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь возможно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на^д творческом^д деле. И если долгое горячее изучение не исполнило

^а *Далее зачеркнутый вариант:* Трагический характер этих печальных эпох сообщает им особенную занимательность для каждого мыслящего человека. Но в глазах историка они имеют еще другое значение: они высказывают ему последнее слово отходящего, основное начало возникающего порядка вещей. Скажу о себе прямо: изучению этих эпох я обязан всем, что в моем понимании истории может быть живого и истинного. *Далее две строки опущены.* Позвольте мне сказать вам, милостивые государи, несколько слов в оправдание своего выбора. *Другой зачеркнутый вариант:* С самого начала моих занятий историей эти печальные эпохи влекли меня к себе своей трагической красотой

^б *Далее зачеркнуто:* долгое и горячее изучение открыло мне в них другие стороны: в них высказываются

^в *Написано вместо зачеркнутого:* надежда

^г *Далее зачеркнуто:* от них

^{д-д} *Написано вместо зачеркнутого:* так сказать, на

моих желаний, оно не охладило моих надежд^а. Никогда призвание русского историка не было так важно, как в настоящую минуту. Вековые основы з[ападных] обществ // поколебались²; из страны, которая прежде всех других^{а. 1 об} сняла с себя определения феодального государства, поднялся и долетел до нас страшный клич *saue qui peut*³. Ринутым в отчаянную борьбу страстными умам старой Европы теперь не до науки. Им некогда сверять прошедшее с настоящим, они предоставили это дело нам, младшим братьям европейской семьи, не причастным [к] раздору старших^б. Подвиг трудный, которого результатом должно быть не одно удовлетворение ученого любопытства, а полное, имеющее определить жизнь, уразумение истории и ее законов^в. Смею думать, что века, предшествовавшие нашему вступлению в историю, посмотрят на нас разумнее и поучительнее, чем они смотрели на солдат Наполеона с вершины пирамид^г.

Не^д всякое время, озаглавленное переменами в судьбе народов, можно назвать пе[реходными] эпохами. Эти эпохи

^а *Далее зачеркнутый вариант:* Я думаю, что науке только в так называемых переходных эпохах можно опытному уху подслушать таинственный рост истории. Позвольте мне, милостивые государи, представить на суд ваш несколько мыслей и отдельных замечаний. Русской науке, свидетельнице страшной для западного общества годины, дана скорбная возможность верить своей теории. Смею думать, что страшная для западных обществ година не пройдет бесследно для русской науки и что наша наука воспользуется печальной возможностью верить своей еще не ясные теории мучительными опытами, которые совершают над собой западные л[атино]-герм[анские] народы. *Далее зачеркнутый текст не воспроизводится.*

^б *Далее зачеркнуто:* задача русской науки велика: ей предстоит вывести итог прошедшей жизни государств для

^в *Далее зачеркнуто:* На нас, как на полки египетской армии Наполеона, смотрят сорок

^г *Далее зачеркнутые варианты не воспроизводятся*

^д *Конец отрывка сохранился в двух вариантах (см. Предисловие, стр. 32). Второй вариант текста:* Не всякое время, озаглавленное значительными переменами в жизни одного или многих народов, можно назвать переходною эпохою. Эти эпохи отмечены особенным, им исключительно принадлежащим характером. В них изменяются не одни формы, а разлагается самая сущность обществ: религиозные верования, гражданские убеждения, семейная нравственность.

История Востока не беднее, быть может, богаче европейской событиями и переворотами, но в ней почти нет переходных эпох. Там

узнаются по особенным, их исключительно обозначающим признакам. История Востока не беднее, даже богаче европейской событиями и переворотами, но в ней почти нет переходных эпох. События совершаются там большей частью, как бы на поверхности, не опускаясь на дно неподвижных обществ.

Около 250 лет до р. Х. император Тинь Ши-хоанг ти сделал замечательную попытку реформы в Китае. Он задумал внести новые элементы в скованную неизменным обычаем жизнь своего народа. Для достижения этой цели он не щадил ничего. Не только книги, в которых хранились древние предания Китая, но самые ученые, толкователи этих книг и, следовательно, противники реформы, были по его приказанию преданы огню. Нравственность народная колебалась. Дети стали расходиться во мнениях с родителями, жалуются китайские историки. Но победа осталась окончательно на стороне прежнего быта, и подвиг Ши-хоанг ти прошел бесследно.//

л. 2

Автограф ГБЛ, ф. 84, л. 6

явления проходят как бы по вершинам обществ, не опускаясь на их дно. Меняются названия и объем государств, падают династии, но массы коснеют в однообразии неподвижного быта. Около 250 лет до р. Х. китайский император Тинь Ши-хоанг ти сделал замечательную попытку реформы. Он хотел оторвать свой народ от прошедшего, сообщить ему новые, свежие стихи жизни. С этой целью он приказал предать огню не только книги, в которых хранились предания и уставы древнего Китая, но ученых — защитников старины, которой они были толкователями и блюстителями в настоящем. Средства, употребленные Ш[и]-х[оанг] ти, были часто жестоки, но задуманный им подвиг был велик и не может вписаться в тесные пределы одной человеческой жизни. Династия, которой он завещал свои идеи, пала вскоре после его смерти под бременем рокового наследия. Но сраженная империя долго не могла успокоиться от движения, вызванного в ней опытом реформы. *Далее несколько строк опущено.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТРЫВОК РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ Ф. ЛОРЕНЦА «РУКОВОДСТВО К ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»

...Укажем для примера на прекрасную книгу Лебеля ^{л.} (Loebell. Weltgeschichte in Umrißen- und Ausfüh[rlichen] Darstellungen ¹⁾ ^{а.}

Истории восточных народов посвящено в сочинении г. Лоренца ^б слишком мало места. Китай выпущен вовсе. Не ^в говоря о ^в влиянии этого государства на образованность племен восточных и Средней Азии, мы полагаем, что о ^г нем должно было упомянуть ^г в изложении всеобщей истории ради той общественной формы, которую он развил до последних ее выводов. Самое различие ^д явлений китайской жизни от всего, что мы находим у других народов, делает ^е эти явления в высокой степени занимательными ^е для историка, которому они могут служить для важных сближений и аналогий. Об Индии также сказано мало. На искусство и литературу совсем не обращено внимание. Характеристика двух господствующих религиозн[ых]

^а Далее зачеркнуто: История востока также обработана (изложена) слишком кратко. Китай совсем выпущен

^б Написано вместо зачеркнутого: Лебеля

^{в—в} Написано вместо зачеркнутого: мы думаем

^{г—г} Написано вместо зачеркнутого: оно имеет право на

^д Написано вместо зачеркнутого: Самая противоположность

^{е—е} Написано вместо зачеркнутого: д[ает] этим явлениям право на наше внимание и объясняет многое в

систем — буддизма и браманизма — представлена в немногих, недостаточных для русского читателя словах. История остальных^а восточн[ых] государств^а рассказана довольно^б подробно^б, вследствие чего несоразмерность частей^в становится еще заметнее^в. Судьбы Греции и Рима изображены удовлетворительно на основании собственно го изучения источников. Все^г важные новейшие исследования хорошо^г известны автору, который внес их результаты в свой труд. Но вообще древняя история изложена у него короче, чем средняя и новая, отчего многие явления не получают надлежащей оценки. В истории Рима, напр., желательно было бы найти более точные и определенные указания на перемены, которые совершались в народном характере под влиянием завоеванных стран и проникавших отовсюду чуждых идей.

Вторая часть, состоящая из 2-х отделений или томов, содержит в себе историю средних веков^д. С особенным тщанием и отличным знанием дела обработана история Римской империи. Но автор ограничился самыми краткими указаниями на быт и учреждения германского племени. Слова^е его: «Тацит не думал собирать точные географические^е и статистические сведения о сей важной для римлян стране (т. е. Германии), но в изображении добродетелей народа, находившегося еще в естественном состоянии, хотел поставить как бы зеркало перед испорченною^{об} жизнью римлян, // потому он представил жизнь германцев в идеальном виде...» (ч. II, отд. 1. стр. 63), едва-ли соответствуют настоящему^ж состоянию науки германских древностей, в основании которой лежит бессмертное тво-

а—а *Написано вместо зачеркнутого:* государств, лежавших на Тигре

б—б *Написано вместо зачеркнутого:* с большими подробностями

в—в *Написано вместо зачеркнутого:* частей еще более поражает чит[ателя]

г—г *Написано вместо зачеркнутого:* при помощи всех значительных новых

д *Далее зачеркнуто:* В предисловии автор изложил причины, побудившие его изложить (над строкой зачеркнуто: живой метод)²

е—е *Написано вместо зачеркнутого:* Нам кажется также, что мнение его, что Тацит не

^ж *Написано вместо зачеркнутого:* тепе[решнему]

рение римского историка. Точность сообщенных им известий подтверждается новыми разысканиями. Впрочем, на стр. 5 того же тома г. Лоренц высказал мнение, противоречащее приведенному выше отзыву^а. Вообще великие труды Гриммов недостаточно приняты^а в соображение ученым автором рассматриваемой нами книги. При обзоре римской истории можно было бы требовать более основательной оценки стоицизма и эпикуреизма — систем, которые играли важную^б роль в последнем веке язычес[кого]^в мира. Их значение было^г важнее для жизни, чем для науки^г. Выражение, употребленное о характере Эпиктетовых учений (ibid., 56), которые названы утешительными, нам^д кажется^д не соответствующим предмету^е: //

Говоря о появлении гуннов в Европе, г. Лоренц не упомянул об известных исследованиях отца Иакинфа, которым окончательно доказывается монгольское происхождение этого племени, подавшего повод к долгим и странным толкам^ж в нашей ученой литературе^з. Заметим еще некоторые опущения во второй части «Руководства к всеобщей истории»⁴. Свойство феодальных учреждений и влияние, которое они должны были иметь на быт общества, не объяснены надлежащим образом. Много^и сдельного сказано в разных частях книги, но читателю, не вполне знакомому с предметом, трудно собрать эти рассеянные сведения в одно ясное и определенное представление^з. То же самое можно сказать о рыцарстве и о городских общинах. Эти явления, столь характеристические для средневековой жизни, разобраны вскользь, и относящиеся к ним известия не сгруппированы так, как бы

а-а *Написано вместо зачеркнутого*: Вообще мы вправе требовать от ученого автора, чтобы он

^б *Написано вместо зачеркнутого*: великую

^в *Написано вместо зачеркнутого*: древ[него]

^{г-г} *Написано вместо зачеркнутого*: основывалось не на научном, а на жизненном достоинстве

^{д-д} *Написано вместо зачеркнутого*: неверно

^е *Далее следует чистых пол-листа*

^ж *Написано вместо зачеркнутого*: спорам

^{з-з} *Написано вместо зачеркнутого*: хотя много хороших сведений рассеяно в разных частях книги. Читателю, не совсем знакомому с предметом, трудно собрать эти разбросанные указания в одно ясное представление

но было этого желать. Обвинение наше падает не столько на недостаток материалов, сколько на их расположение. С другой стороны, литература^а и искусство, в которых обнаружилась умственная деятельность^а средних веков, представлены в весьма сжатых^б, даже неполных обзорах^в. Автор, по-видимому, предвидел возражения, которым должна подвергнуться эта часть его труда, и счел нужным оговориться в предисловии^г. Причины, им приводимые в свою пользу, едва ли можно назвать убедительными. Мы не вправе требовать от него полной истории литературы, однако^г полагаем^г, что в курсе истории средних веков нельзя не упомянуть с некоторыми подробностями о таких важных по связи с самою жизнью явлениях, каковой была рыцарская поэзия в различных формах, ею принятых, возникшая среди городских сословий сказка с ее разлагающей, направленной против господствовавших тогда форм и идей^д проницей, наконец, готическое зодчество. Данте, как представитель целой цивилизации, им, можно сказать, замкнутой, заслуживает^е более^е отчетливой и обширной характеристики. События 15 столетия, служащие переходом к новой истории, изложены очень хорошо, за^ж что нельзя не благодарить автора, оценившего всю важность этой эпохи^з. //

2 об. В иностранных литературах мало сочинений, которые могли бы служить надежным руководством к изучению истории трех последних столетий, или так называемой новой истории. Большая часть книг, написанных по сему предмету, не удобна к употреблению по объему или по слишком одностороннему^и направлению и пристрастию, которого трудно избежать при изложении столь близких к нам событий. Известные сочинения Аксильона и Герена,

^{а-а} *Написано вместо зачеркнутого:* умственная жизнь средних веков: литература и искусство не

^б *Написано вместо зачеркнутого:* кратких

^в *Далее зачеркнуто:* Причины, приводимые автором в предисловии, которыми он старается оправдать такую несоразмерность

^{г-г} *Написано вместо зачеркнутого:* по не м[ожем]

^д *Далее зачеркнуто:* среднего века

^{е-е} *Написано вместо зачеркнутого:* имеет право на более

^ж *Далее зачеркнуто:* автор обратил

Далее зачеркнуто: история трех последних столетий

^и *Написано вместо зачеркнутого:* резкому

из^а которых первое^а не кончено, ныне устарели и стоят ниже уровня современной науки^б. Новая история Раумера^б по^в обширности своей^в не может быть учебною книгою. Сверх того, она содержит в себе, собственно, только историю германо-латинских^г народов. Изложение русской истории, не говоря о его недостатках, начинается^д с Петра Великого. О^е Турции^е, игравшей столь важную роль в 16 и 17 столетиях, почти ничего не сказано. Наконец^ж, литература, в которой можно проследить все движения общественного мнения в Западной Европе, не вошла в состав принятого^ж Раумером плана.

Еще неудобнее к употреблению при преподавании 4 тома, посвященные новому^з времени^з в курсе всеобщей истории Лео. Станный взгляд автора на события, ложность выводов, несоразмерность частей ставят этот отдел гораздо ниже двух других, менее подробных частей того же сочинения. Французский учебник Леба (Phil. Le Bas. Précis d'histoire des temps modernes. Paris, 1842)^и составлен весьма неровно и содержит в себе плохо отделанные части. Два последних тома «Руководства к В[сеобщей] и[стории]» профессора Лоренца, в которых заключается новая история, могут служить весьма полезным пособием для русского преподавателя (в этом рецензент убежден собственным опытом) и удов[летворять] любознательности читателя, не знакомого с иностранными языками. Автор сделал все, что было возможно, для достижения своей цели. Некоторые отделы, например период реформации и история Англии, обработаны с особенною любовью и

^{а—а} Написано вместо зачеркнутого: отчасти устарели

^б Далее зачеркнуто: История

^{в—в} Написано вместо зачеркнутого: слишком обшир[ная], подроб[ная]

^г Написано вместо зачеркнутого: европ[ейских] госуд[арств]

^д Далее зачеркнуто: только

^{е—е} Написано вместо зачеркнутого: О Турции не упоминается

^{ж—ж} Написано вместо зачеркнутого: Наконец, литературн[ое] движение, без которого непонятны перемены, происходившие в общественном мнении Зап[адной] Европы

^{з—з} Написано вместо зачеркнутого: новой истории

^и Далее зачеркнуто: при некоторых хороших достоинствах

тщательностью. Русская история изложена по известным^а, пользующимся общим доверием сочинениям. //

л. 3

Из краткого отчета нашего видно, что сочинение г. Лоренца, не отличаясь новостью взглядов или самобытностью частных исследований, следовательно, не подвигая^б науки вперед, представляет отлично, хорошо составленный итог^в совершенных в сфере исторических наук приобретений. Оно, бесспорно, принадлежит к числу самых замечательных и полезных явлений нашей ученой^г и преимущественно учебной литературы. Это лучшая из написанных на русском языке книг о всеобщей истории.

Нельзя не быть благодарным автору за богатые литературные указания, какими он снабдил свой труд^д. Пред каждым отделом названы лучшие и новейшие сочинения, из которых читатель может сам почерпнуть более подробные и глубокие сведения. Такие литературные указатели особенно важны у нас при совершенном отсутствии специальных библиографических руководств. Но г. Лоренц еще в большей степени удовлетворил бы этой потребности, если бы к заглавиям новых приведенных им книг прибавил краткую и точную оценку их достоинства. Здесь речь идет не о богатстве, а о строгом, сообразном с нашими нуждами выборе. Мы позволим себе на этот счет несколько замечаний. Г. Лоренц приводит в числе пособий^е к^е изучению греческой истории старые сочинения Джилисса и Митфорда^ж. Труды этих ученых сохранили до сих пор свои^ж достоинства^ж и имеют еще некоторое значение, но едва ли имеют право на место между немногими отборными сочинениями по греч[еской] истории. Не лучше ли было бы указать^з на Лимбурга-Брувера^з и на Конопа Тирльваль!^з Ссылаясь на сочинение Капфига^{ио}, не мешало бы сказать несколько слов в предостережение читателю об известной недобросовестности и легкомыслии

^а Написано вместо зачеркнутого: хорош[им]

^б Написано вместо зачеркнутого: обогащая

^в Написано вместо зачеркнутого: вывод из всех

^г Написано вместо зачеркнутого: учебной

^д Написано вместо зачеркнутого: сочинение

^{е-е} Написано вместо зачеркнутого: руководств

^{и-ж} Написано вместо зачеркнутого: некоторые достоинства

^з Написано вместо зачеркнутого: назвать

этого компилятора, который у нас пользуется, к сожалению, незаслуженной славой. На стр. 161 // последнего л. 3 тома сказано, что «французская литература обладает отличным сочинением о Фридрихе Вел[иком], именно Hist[oire] de Frédéric le Grand par Cam[ille] Paganel». Подобная похвала от такого ученого, как г. Лоренц, может легко ввести в заблуждение нашу публику насчет поверхностной книги, автор которой не воспользовался вполне даже изданием Прейса (Preuss)¹¹.

Небрежный и неправильный язык, каким написано разобранный нами сочинение^а, не соответствует его достоинству. Желательно, чтобы автор обратил внимание на этот недостаток при следующих изданиях своей книги.

Руководство к Всеобщей истории проф[ессора] Лоренца совершенно заслуживает, по нашему мнению, полной Демид[овской] премии.

Автограф ГБЛ, ф. 84, л. 33

^а Далее зачеркнуто: Пр. Лорен[ца]

ПРИМЕЧАНИЯ

КОНСПЕКТ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ (1839/40 г.)

¹ Начало этого введения к конспекту лекций Грановского, видимо, утеряно. Судя по студенческим записям ранних курсов Грановского, в начале своего введения он обычно ставил вопрос о понимании всеобщей истории у древних и средневековых мыслителей. Такой характер носит, например, введение в записях лекции по древней истории. Отрывки из введения, записанного К. Герцем, были приведены П. Г. Виноградовым в подстрочных примечаниях к публикации. Этих примечаний мы не приводим.

Вступительные лекции сохранились во многих студенческих записях курсов Т. Н. Грановского. Наиболее содержательны эти лекции в курсе 1848 г. по древней истории (записанном, например, Петром Самариным). Открывая этот курс, Грановский говорил: «Предмет моих занятий с вами будет древняя история. Предварительно необходимо условиться в значениях науки в отношении к науке в общем отвлеченном смысле и в отношении к жизни. Приступая к слушанию чтений о всяком предмете, вы, естественно, предлагаете сами себе вопрос: какая польза от этого предмета? В других науках нетрудно найти разрешение этого вопроса: так, практическая польза изучения языков, права, естественных наук в их приложении — очевидна. Не так легко отвечать историку на этот вопрос: история — наука не чисто практическая, как математика, не чисто отвлеченная, как философия. Однажды навсегда должно оставить звучные определения истории, ничего не доказывающие и бывшие в ходу еще несколько десятков лет тому назад, как, например: «История есть зеркало бытия и деятельности народов: скрижали откровений и правил и т. д.» (Карамзин).

Эти определения далеко не высказывают сущности науки; она откроется не иначе, как чрез краткое обозрение исторического развития науки — от начала до настоящего конца; только тогда, когда мы покажем, на какой именно почве могла она (наука. — С. А.) возникнуть, как понимали значение ее в различные вре-

меха, какую цель ей приписывали, каких плодов от нее ожидали».

Далее Грановский, рассматривая вопрос об исторических воззрениях древнего Востока и древней Греции, выясняет условия, по его мнению, тормозившие развитие науки, возникновение понятия всеобщей истории: «История,— говорил он,— есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной: взгляните на девять книг Геродота, вы увидите, что цель его была рассказать персидскую войну, и он обращает все внимание на греков, он останавливается на истории только таких других народов, которые были в соприкосновении с греками, только это дает им право на внимание историков. Это гордое отличие между эллином и варваром мешало развитию идеи о всеобщей истории; и мог ли ее понять грек при таком отчуждении своего народа от всего человечества.

Другой памятник греческой историографии — история Пелопонесской войны Фукидида. Это произведение носит печать высокого политического развития автора; ни один из историков греческих не имел такого призвания рассказать политическую жизнь Греции; но он, увлеченный чувством национальности, которое подавляло идею общечеловечества, ограничивается одной Грецией.

Между тем наука, всегда имевшая влияние на историю, несмотря на старание многих историков освободиться от него, философия, говоря я, шла своим путем развития. Извлекая из всех явлений законы общие, подводя их к началам коренным и никогда не довольствуясь отдельностью фактов, она должна была идти наперекор понятиям греческих национальных историков. Самым процессом восхождения от частного до общего она должна была довести до понятия о всеобщей истории. Но философия, высказывая эти высокие идеи, обнаружила поздно свое влияние в Греции, уже при упадке греческой литературы, на писателях второстепенных V и IV вв. до р. Хр.

Чтобы показать, до какой степени греки были далеки от понимания всеобщей истории, достаточно указать на прекрасное произведение греческой философии о политике, в котором Аристотель глубоко исследует все формы правления ему современных народов; в начале этого рассуждения он делит все народы на две части и говорит, что одним суждено повелевать, другим повиноваться. Первые — это греки, другие — все варвары. Результатом этой односторонности было непонимание отдельных национальностей Востока, хотя также односторонних, но оригинальных.

Я сказал, что в некоторых явлениях в исторической греческой литературе отразилось влияние философии, к этому числу принадлежит «История» Полибия. Обладая великим прагматическим талантом, хотя уже в этом отношении стоя ниже Геродота и Фукидида, он хотел возвыситься над историей национальной, он хотел написать историю всеобщую. Он высказал мысль, что история отдельных наций не может быть названа историей в собственном смысле, потому что по отдельным частям тела нельзя еще увидеть

красоты всего тела; но его история должна иметь в виду ту цель, которую пмеют все народы. Но какая была цель всех народов? На это дает ответ его история; он полагает крайней целью ему современных народов подчинение римской власти. Цель совершенно внешняя, не могущая нисколько просветить истории.

Другой историк греческий Диодор Сицилийский тоже имел целью привести в единство истории отдельных национальностей; в начале своего сочинения «Всеобщая история» он говорит, что всемирную историю надобно рассказывать как историю одного человека. Задача великая, но нисколько не решенная! Его история есть не что иное, как сборник фактов, не связанных одной общей мыслью, а разве только хронологическим порядком.

То же можно сказать и о римских историках; для них история имела смысл *magistra vitae*, по выражению Цицерона, к ней обращались за уроками для царей и граждан. История не могла сделать большого успеха при столь близоруких понятиях о ней. Чем высшее значение получила история, тем она стала одностороннее.

В эпоху упадка гражданской жизни, в эпоху распада могущественного единства и воссоздания нового правления, основанного на преобладании политического элемента, история начала искать других путей. Жителям падших греческих республик, гражданам Римской империи история перестала быть тем, чем была для Цицерона — *magistra vitae*; ей старались дать другой практический характер. Диодор Сицилийский говорит, что история должна научать человека нравственно, как она прежде научала быть гражданами. Неудачная попытка придать истории интерес практический! С этой целью Диодор Сицилийский наполнил свою книгу наставительными рассказами и размышлениями о добродетелях и пороках. Но не такими усилиями действует наука».

«Следуя направлению, данному Диодором, В а л е р и й М а к с и м составил сборник из поучительных и назидательных анекдотов, имевших целью возбуждать в юношестве высокие добродетели. Это ложное направление сохранилось до наших времен — и теперь еще выходят такие сборники нравственных рассказов, но едва ли принесли они желаемую пользу».

Причину одностороннего воззрения греков и римлян на историю нетрудно постигнуть — это преобладание национальности и отсутствие идеи о братстве всех народов. При всем изяществе изложения и прагматическом понимании истории древние историографы не могли создать истинной всеобщей истории — нужны были другие основы, нужно было просветление разума новым учением. Только с введением христианства могла возникнуть всеобщая история». (ГБЛ, М. 3598. 13, тетр. 1-я, лл. 2—4 об.).

В архиве Грановского имеется отрывок вступительной лекции (автограф), датировать который не удалось. Лишь недавно в Историческом музее, в фонде И. Е. Забелина (см. ОПИГИМ, ф. 440, ед. хр. 1061, стр. 176—253), слушавшего лекции Грановского, были обнаружены записи лекции по древней истории, к сожалению, пока тоже не датированные. В этой записи вводная лекция по своей схеме и содержанию сходна с публикуемым нами фрагментом введения.

В отрывке мы находим сравнительно беглую характеристику развития историографии в средние века, в эпоху реформации — материал, которого нет в публикуемом нами введении к конспекту Грановского. Здесь же в общих чертах освещается сущность понимания всемирной истории мыслителями XVI — начала XIX в. Грановский писал: «Собственно, бесполезно было искать естественные связи, потому что все важное совершалось посредством чудес. К тому же с самых первых опытов христианских историков почти исключительно господствует форма летописи, которой свойство именно заключается в вычислении простых фактов в их совершенной наготе без других отношений, кроме случайной последовательности во времени. Таким образом, это теократическое воззрение было только рамкою, в которую внешним образом вкладывалось содержание, состоявшее из произвольно выбранных данных.

Древние классики вошли в круг новых времен, и их примеры зажгли светильники критики, стремление к более благородному изложению истории государств и отдельных эпох. Пред превосходными творениями, которые были плодом нового направления, померкла в[сеобщая] история с ее скудным содержанием и церковью, которой она доселе служила; только в школах, куда ее ввела реформация как способ к первоначальному образованию, и в учебниках, с этой целью составленных, продолжала она свое более и более бедное существование.

Форму или нить рассказа составляли со времени Кариона (1531) и Слейдана (1556) четыре всемирные монархии пророка Даниила как государства, «которых властитель обладал большею и лучшею частью земли, так что другие государи не могли противостоять ему»; отсюда, по-видимому, произошло название всемирной истории. Нельзя совершенно отрицать пользы такой методы, и лежащая в ее основании мысль о последовательности владычества всемирно-исторических народов, бесспорно, справедлива. Но в сравнении с воззрением средних веков, с которым она главным образом сходится, хотя и жертвует важной идеей, она (метода. — С. А.) является искажением, отрывком схемы, утратившим смысл и значение, которой заслуга заключается только в том, что она служила переходной ступенью к новой форме. Политический дух заступил место церковного; в[семирная] история сделалась историей тех государств, которые по преданию считались главными. Изредка прибавлялись известия о некоторых новых государствах.

История монархий пришла в упадок во время внутреннего распада четвертой римско-немецкой в[еликой] монархии в 17 веке. Француз Боден (1566) первый подал голос против нее; французам и англичанам, начинателям новой образованности обязана в[семирная] история преобразованием, которое она испытала в 18 столетии. Сочинители большой английской всемирной истории (Universal history. London, 1736, перевод. на немецкий] в 1744 г. и доведенная до 66 томов) и Вольтер (в особенности в своем *Essai sur les mœurs*, 1756) показали пример; немецкие ученые Гаттерер (1761), Шлецер (1772, особенно в своей *Vorstellung der Universalhistorie*), Ремер (1799), Эйххорн (1791) и другие сообщили в[семирной] истории научнообразную форму, в которой она отчасти, именно в трудах Роттека, перешла в наше столетие (sic!). И по

содержанию, и по форме эта новая всемирная история представляет противоположность с точкой зрения средних веков.

Великим шагом вперед было сознание существующей доселе бедности и ограниченности содержания, необыкновенное расширение исторического кругозора. Век, гордый своей образованностью, жизнь, развивавшаяся во всех направлениях, объявили свои требования от науки (?) при этом свете; большая часть того, чем занимались прежде историки, — это множество царственных имен, дела так называемых героев или опустошителей мира, повести о войнах и убийствах, приправленные детскими анекдотами, явились там бесполезным бременем памяти. Для того, чтобы быть поучительной и занимательной, история должна обратить взоры свои преимущественно на интересы народов, на их высшие стремления и положения, на перемены в нравах и обычаях, на перемены гражданских учреждений и законов, религии, наук, искусств, ремесел, все, что Шлоцер характеристически помещает под рубрикой изобретения. Эта сторона так называемой истории образованности была с тех пор с особенной любовью обрабатываема и при всех вкравшихся недостатках оказала ученым, шедшим этим путем, именно Вольтеру, бессмертные заслуги.

Вторая перемена была не столь полезна. Выбор четырех монархий показался односторонностью: всемирная история не должна иметь предпочтений ни к одному народу; для нее должны быть все равны. Поэтому в нее вошли не только все прочие исторические народы, но многие полагали даже необходимым говорить о варварских племенах. Всемирная история, по их мнению, вследствие самого имени, которое она носит, должна быть историею всех известных народов и земель, всего человеческого рода. Но так как понятие всеобщего в человечестве перешло в числительное, в полноту частей, то подобные извлечения при их краткости должны были превратиться в сухие номенклатуры.

Но это недоразумение не было случайное. Именно в этом богатстве собранного материала, во внешнем распространении являлась внутренняя пустота века. Сухое просвещение вытеснило веру, которая прежде доставляла внешнее положительное единство; с другой стороны, при владычестве эмпиризма не могла возникнуть идея, что в истории есть внутреннее живое единство. Она являлась собранием бесконечного множества атомистически отдельных событий, лиц и пр., между которыми только иногда было случайное внешнее сообщение. От этого неизбежная неудача всех попыток извне одолеть упрямые материалы и дать им произвольную форму. Отсюда распря между приверженцами этнографической и синхронистической методы и попытка примирить их чрез разделение на периоды, которые безжалостно режут историю народов на части с целью доставить читателю точки отдохновения: поэтому периоды не должны быть ни слишком кратки, ни слишком длинны; потом стремление к математической симметрии, к разложению на таблицы, наконец, признание, что распределение частей есть мозаичная работа, нечто совершенно внешнее, произвольное, непущное для «действующего изнутри духа», — все это может служить доказательством отсутствия живого исторического воззрения и художественного смысла. Вредно было и то, что за образец

приняли прагматизм древних и привыкли считать его верхом исторического искусства.

Одна из труднейших задач всемирного историка состоит в выборе фактов, который должен быть более или менее строг, смотря по объему изложения. Легко сказать: должно выбрать важнейшие, замечательнейшие факты. Но что же важно и замечательно? Это чисто относительные понятия, которые не ведут к твердым определениям. Ближайший ответ: важно то, что для предмета, о котором идет дело, существенно. Но в 18 веке на вещи смотрели только по их внешним отношениям, преимущественно со стороны пользы. Выбор, следственно, падал на полезное для читателя, на то, что практически могло быть приложено. Такие цели пользы могли быть весьма развиты. Прагматическая история Полибия имела в виду образование государственных мужей; позже, с упадком республик, усилились разнообразные интересы частной жизни, как у Диодора Сицилийского цель поощрения к справедливости, благочестию и пр.; история у него — философия в примерах, источник, откуда каждый может брать, что угодно.

Сходство положений привело новейших историков к такому же прагматизму, как у Диодора Сицилийского. Всемирная история должна бы, по этой теории, принять в себя не только события, которых созерцание могло на нас иметь нравственное влияние, но она должна быть кладовою наставлений для всех сословий, содержать все, что людям может принести пользу при разнообразии их призваний. Ясно, что при стремлении удовлетворить требования каждого с его любой точки зрения, история должна была превратиться в пеструю смесь и утратить последний остаток единства.

Вообще о практической пользе истории нечего много говорить: весьма немногим досталось в удел довольно основательности и свободы ума для удачного применения ее уроков к жизни, не говоря о положении в обществе. Всемирная история должна, как уже давно сделала наука естества в обширном смысле, оградить себя от всех ежедневных интересов и требований и принять совершенно самостоятельный характер. Она должна представить такие частные цели частным историям; чрез это само ее влияние на жизнь будет чище и вернее, ибо она удержит приличный ей характер и созерцание; вследствие сих же причин должны быть отброшены лежащие в сущности прагматизма рассуждения и приговоры историка в моде с Вольтера». (Автограф. ГБЛ, ф. 84, 1.12).

² См. A. L. Sch lö z e r. Vorstellung der Universalhistorie. Göttingen, 1772—1773; Weltgeschichte nach ihren Hauptteilen im Auszüge und Zusammenhang, 1785—1789.

³ Чингис-хан (см. примечание П. Г. Виноградова. «Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира». СПб., 1895, стр. 312).

⁴ Речь идет о труде: I. Iselin. Über die Geschichte der Menschheit. Zürich, 1768.

⁵ Имеется в виду: G. A. Condorset. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Paris, 1794.

⁶ Речь идет о труде: I. G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga, 1784—1791.

7 В записи Владимира Собчакова аналогичный раздел истории позднеримской империи озаглавлен: «О политическом состоянии древнего мира в IV и V веках по р. Х.». В начале третьей лекции (в этой записи) читаем: «Германцы почитаются разрушителями Римской империи. Они несли эту ответственность в продолжение 14 столетий. Ныне наступает время, когда такого рода исторические лжи, несмотря на авторитет имен, исчезают из науки. Можно сказать, что завоевание было обоюдное и со стороны германцев, и римлян. Римская империя уступила натиску суровых дикарей, но если германцы завоевали империю внешним образом, то она наложила на них свою цивилизацию совершенно противоположной чертой язычеству. Обыкновенно время Римской империи называют временем упадка. Название справедливо в одном отношении, в отношении к древней жизни, но, [если] рассматрива[ть] с точки зрения всеобщей истории, это время является временем переходным, падением одного и возникновением другого. Падение относительно прошедшего и возникновение относительно будущего. Времени абсолютного падения нет в истории. Формы административные монархии, образованность и религия, частная жизнь — вот элементы, переданные средневековой жизни». (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 6 об.).

8 В третьей лекции (запись Собчакова) Грановский, характеризуя источники по этому разделу истории позднеримской империи, говорил: «Аммиан Марцеллин был воин, образован, был в войсках Юлиана, близок ко двору и притом весьма правдив, честен, одарен нравственным смыслом. Черта чрезвычайно характеристическая — индифферентизм религиозный, существовавший в образованных классах. Читая его, нельзя догадаться, христианин он или язычник, хотя это было время ожесточенной борьбы язычества против христианства. Один упрек мы сделаем Марцелину — именно в кудреватости языка, происшедшего от напрасного усилия подражать Тациту. З о с и м а в конце V столетия писал на греческом языке. Летописью его надобно пользоваться с осторожностью; несмотря на наружное беспристрастие, вы на каждой странице видите у Зосимы план защищения язычества и врага христианства. В какой степени Зосима пристрастен против Константина Великого, в такой степени пристрастен к нему писатель христианский Евсевий Кесарийский — *de vita Constantini libri 4*. Биография пристрастная, но тем не менее поучительная.

Panegyrici veteres — собрание похвальных слов, сказанных римским императорам в III и IV столетиях. Это собрание интересно даже как литературный памятник, свидетельствующий о глубоком упадке красноречия. Язык плохой, мысли мелкие, лести наглая; но они важны для нас по статистическим данным, которыми воспользовался Савиньи, «О системе римских податей и налогов». Этим статистическим данным, впрочем, не всегда можно верить. Писатели и в этом лестили императорам, но, может быть, ни один из памятников не прольет такого яркого света на состояние в IV и V веке, как *Codex Theodosianus* (Законы от Константина до Феодосия II). Здесь указывается на все язвы тогдашнего общества и средства для излечения их. Это памятник самый драгоценный. В нем

можно найти аналогию и для других эпох» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 6 об.—7).

⁹ Грановский подразумевает сочинение Аммиана Марцеллина «*Res Gestae*».

¹⁰ Имеется в виду сочинение Зосима, греческого историка V в., «Новая история» (*Ἡστορία νέα*).

¹¹ Подразумевается книга: E. Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire. London, 1776—1788.

¹² Речь идет о первом томе труда: K. F. S a v i g n y. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Heidelberg, 1828.

¹³ Грановский ссылается здесь на высказывание Лео (H. L e o. Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. Halle, 1830, S. 18).

¹⁴ Имеется в виду сочинение Светония «*De vita duodecim Caesarum*».

¹⁵ В опущенном отрывке Грановский излагает книгу: G. F. P u c h t a. Geschichte des Rechts bei dem römischen Volk. Leipzig, 1850, p. 575. Видимо, это лишь материалы к последующей лекции. Сличая их со студенческой записью лекции, посвященной «внутреннему состоянию Римской империи», можно обнаружить, что лектор пользуется «Институциями» Пухты, но не цитирует их (см. ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 17, л. 91 об.).

¹⁶ В записи Собчакова в третьей лекции сказано: «Читая этот календарь, мы поражаемся строгим иерархическим порядком империи, читая панегирики, мы удивляемся обширности владений, единству управляющей мысли, строгой системе. Но за этой блестящей внешностью скрывается больное, неизлечимое общество.

До сих пор видели мы только меры администрации, мы не видели народа. Мы сказали, что он разделялся на 2 класса — свободных и рабов. Самое величайшее зло, под которым погиб древний мир, была нищета — *pauperismus*. Вообще надобно заметить, что древний мир при всей красоте своего явления был непроизводителен в материальном смысле. Он не умел овладеть материей, веществом, которыми овладели новые народы. Можно сказать, что в течение всей древней истории сумма богатств не увеличивалась, но только передвигалась с Востока в Грецию, из Греции в Рим. Богатство было в драгоценных металлах, а это покупал он оружием. Пути сообщения были у него превосходные, наше шоссе ничего не значит пред теми дорогами, которых не могли сокрушить века, между тем как наше шоссе требует беспрестанных поправок. Хорошие пути сообщения совершенно изменяют экономию общества, они делают невозможным избыток на одном и недостаток на другом месте. Но эти пути не доставили Риму никакой пользы, они нужны были только для его легионов, перевозивших деньги, для скорости перевозки денег, но наше заемное письмо дало нам перевес и в этом отношении.

Рим умел только завоевывать и не умел производить ничего нового. Одним словом, Рим получал съестные припасы не иначе, как морем, поэтому буря повергала римский народ в голод. Это показывает, как эти общества были незрелы в экономических вопросах. Из других областей Рим не думал выписывать хлеба. Мануфактурная промышленность находилась вся в руках правительства, государство хлопотало только об одежде войска и ее произ-

водило на казенных фабриках. Частные лица не имели нужды в мануфактурных произведениях, потому что все это им доставляли рабы. У богатых рабы были переписчиками, библиотекарями: одним словом, раб был машиною, он доставлял человеку свободному возможность наслаждаться жизнью. Таким образом, эти общества были без мануфактур производительных, без торговли.

Далее, в Италии исчезли все мелкие собственники. Некогда, в первые времена империи, Северная Италия была садом Италии. Там был значительный класс мелких землевладельцев, занимавшихся земледелием, садоводством. Теперь, при новых порядках вещей, когда вся тягость податей падала на средний класс, они начали продавать их. Отсюда образовались *latifundia*. Это были огромные участки, где аристократы строили дворцы, разводили парки, пастбища. *Latifundia* распространялись по всей империи. Везде собственность сосредоточивалась в немногих руках, в руках богатых землевладельцев, обрабатывавших земли рабами или отдававших ее на аренду колонам» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 8 об.—9).

¹⁷ «... по одной палатке, так как без них не могли обходиться» [Э л и й Л а м п р и д и й. Александр Север, XVIII, 42(4). *Scriptores Historiae Augustae*. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1958, № 3, стр. 253]. В студенческой записи лекций 1839/40 г. читаем: «Известно, что один *proconsularis* в Африке имел около 900 сановников в своей канцелярии. Из этого можно судить об расходах на содержание их. Жалование они получали *natura*». (ГБЛ, М. 4184, л. 12 об.).

¹⁸ В лекциях 1845/46 г. читаем о колонах: «Римский закон с каким-то жестоким лицемерием отличает колона от раба. Конечно, колоны имели право брака, право собственности, право жаловаться во многих случаях на владельца, но колон законом прикован был к почве так, что ничто не могло его вывести из этого положения. Господин не мог отпустить его на волю; колон не мог вступить ни в военную службу, ни в духовное звание, ни в одну должность, которая дает свободу, ни что имели право даже рабы. Есть что-то дикое, свирепое в постановлениях о колонах. Закон занимается решением вопроса, могут ли колоны давностью приобрести свободу, и дает на это отрицательный ответ: «потому что на этой почве осталась часть его тела в лице отца и деда». И это было сказано во время христианства. Обращаясь к римскому закону, мы часто видим, что он как бы утешает себя, хвастается своею вечностью; он говорит о вечной империи, о вечных сословиях; сын ветерана должен быть ветераном, сын колона — колоном; закон создает цепи, которые тяжело охватывают все народонаселение. Одним словом, римский закон стремится к учреждению каст, он хочет увековечить эту старую, дряхлую империю».

Далее Грановский отмечал: «Многие смотрят с завистью на древний мир, на его общественную жизнь, на роскошь и ставят его выше современности. Но стоит только взглянуть, и мы увидим, какими страшными жертвами покупал он возможность этой роскоши и блеск немногих лиц». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 28 об., 29).

¹⁹ Грановский, рассматривая историю римской податной системы, пользуется материалами очерков Савиньи, опубликованных

в журнале «Zeitschrift für Geschichtliche Rechtswissenschaft» (Bd. VI, Heft III. Berlin und Stettin, 1828), и прежде всего очерка «Über den römischen Kolonat».

²⁰ Грановский, используя данные гл. XXIII сочинения Лактанция «De mortibus persecutorum», ошибочно ссылается на гл. XXXIII.

²¹ Имеется в виду «De gubernatione dei» Сальвиана, V, 6 [Monumenta Germaniae Historica (далее — MGH), Auctores Antiquissimi, t. I, p. 1]. В студенческой записи лекций 1839/40 г. содержится более подробное описание восстания багаудов, в частности дается характеристика восстания под руководством Элиана и Аманда (см. ГБЛ, М. 4184, л. 16).

²² Грановский ссылается здесь на материалы из очерка Савиньи «Über die römische Steuerverfassung» («Zeitschrift für Geschichtliche Rechtswissenschaft», Bd. VI, Heft III, 1828, S. 378) и на данные Евмения («Gratiarum actio ad Constantium»).

²³ См. Аммиан Марцеллин. Указ. соч., XVI, 5, 14.

²⁴ Salvianus. De gubernatione dei, V, 8, 37.

²⁵ A. Heeren. Geschichte der Künste und Wissenschaften seit der Wiederherstellung derselben bis an der Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Geschichte des Studiums der griechischen und römischen Litteratur. Göttingen, 1797 (в серии «Geschichte des Studiums der classischen Litteratur seit dem Wiederaufleben der Wissenschaften»).

^{26—27} Судя по записи лекции 1839/40 г., речь идет о кн.: Н. С o n r i n g. De Antiquitatibus Academicis. Dissertationes Sex... Helmsstadi.

²⁸ В данном случае Грановский, видимо, имеет в виду две работы Я. Гримма: «Deutsche Rechtsaltertümer» (Göttingen, 1828) и «Deutsche Mythologie» (Göttingen, 1835).

²⁹ Цитируется не совсем точно кн.: G. P h i l l i p s. Deutsche Geschichte mit besonderer Rücksicht auf Religion, Recht und Staatsverfassung, Bd. I. Berlin, 1832.

³⁰ Цитируется «Германия» Тацита, гл. II: «Имя же „Германия“ — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала „германцами“ называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми. Таким образом укрепилось имя целого народа, а не одного племени: сначала [галлы] так стали называть всех [жителей Германии] по имени победителя из страха, а потом те и сами усвоили себе имя германцев» (пер. Ф. Моравского. Сб. «Древние германцы», М. 1937, стр. 56).

³¹ Для этого раздела используется глава «Erste Periode» книги К. Эйхгорна «Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte» (Göttingen, 1818—1819, S. 34—37).

³² См. К. F. E i c h h o r n. Op. cit., S. 39—43.

³³ «Земли, отнятые у врагов, он роздал пограничным начальникам и воинам, с тем чтобы эти земли принадлежали им лишь в том случае, если и наследники их будут служить в войске, и чтобы земли никогда не переходили в частные руки... Кроме того, он дал им скот и рабов» [Э л и й Л а м п р и д и й. Александр Север, XVIII, 58(4). Пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1958, № 3 стр. 258—259].

³⁴ См. Тацит. Германия, гл. XXIX.

³⁵ См. К. F. Eichhorn. Op. cit., 13—18, S. 60—95.

³⁶ Неполная цитата из сочинения Иордана (cap. 4, 25): «Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi» [Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М., 1960, стр. 134]. «С этого самого острова Скандзы как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию, вышли некогда готы...» (пер. Е. Ч. Скржинской, там же, стр. 70).

³⁷ Грановский имеет в виду труд: I. Möser. Osnabrückische Geschichte. Osnabrück, 1768.

³⁸ Точнее: Saxo Grammaticus. Gesta Danorum.

³⁹ «Историк Агафий: «Алемманы, если верить Азинию Квадрату, мужу италийскому, который описал германские дела самым тщательным образом, представляют смешанный род людей, и это показывает само их название» (Агафий. О царствовании Юстиниана, кн. I, гл. 6. Пер. М. В. Левченко. М.—Л., 1953).

⁴⁰ «Даже свое имя они получили в связи с этими постройками: их жилища, возведенные по всей пограничной области поблизости одно от другого, называются в просторечии «бургами»» (Pauli Orosii Historiarum adversus paganos, VII, 32. Patrologiae Cursus Completus, Series latina, ed. J. Migne (далее — PL), t. 31, p. 1144.

⁴¹ В рукописи Афанасия Бычкова далее читаем о сочинении Кутурги: «Оно написано со знанием дела; здесь сохранены результаты всех новейших исследований, хотя со многими нельзя согласиться, особенно с суровым приговором над Яковом Гриммом» (см. Архив АН СССР, ф. 764, оп. 1, № 96, л. 33).

⁴² Мы опускаем изложение материалов уже цитированной книги Филлипса (см. G. Phillips. Op. cit., S. 70, 80—93).

⁴³ Грановский здесь излагает гл. XVI «Германии» Тацита.

⁴⁴ «...Старейшин, которые творят суд по округам и деревням» (Тацит. Германия, гл. XII. Сб. «Древние германцы», стр. 62).

⁴⁵ «Королей...[германцы] выбирают по знатности, а военачальников... по доблести» (Тацит. Германия, гл. VII. Сб. «Древние германцы», стр. 59).

⁴⁶ «Житие [святого] Лебуина»: «среди них есть люди, которые на их языке называются „эдлинги“, „фрилинги“ и „лассы“, что по-латыни означает: благородные, свободные и рабы». См. H. v. H. Vita Lebuini (MGH, Scriptores, t. II, p. 361). Текст этот взят Гуквальдом из Нитарда (Nithardi historiarum libri quattuor, IV, cap. 2 (MGH, Scriptores, t. II). Об этих хронистах см.: А. И. Нейсых и н. Возникновение зависимого крестьянства Западной Европы VI—VIII веков. М., 1956, стр. 153—170.

⁴⁷ H. Leo. Geschichte von Italien, Bd. I. Hamburg, 1829, S. 59.

⁴⁸ Грановский ссылается здесь на книгу: A.-F. H. Schumann. Geschichte des niedersächsischen Volks von dessen erstem Hervortreten auf deutschen Boden an bis zum Jahre 1180. Göttingen, 1839, S. 54—55.

⁴⁹ H. Leo. Op. cit., Bd. I, S. 65.

⁵⁰ Более точно: Idatius episcopus Aquaflaviensis. Chronicon (PL, t. IX).

⁵¹ Грановский ошибся, далее излагается не гл. 53-я произведение Иордана «Getica», а гл. 33-я (§ 167—169).

⁵² История взаимоотношений Гейзериха с Бонифацием излагается далее по данным Прокопия Кесарийского. Другие, более близкие к этому времени источники, в частности Кассиодор, Проспер Аквитанский, не подтверждают версии Прокопия об отношениях Бонифация с вандалами. См. Г. Г. Д и л и г е н с к и й. Северная Африка в IV—V вв. М., 1960, стр. 242—243.

⁵³ *Salvianus. De gubernatione dei*, VI.

⁵⁴ Освещая вопрос об отношении туземного населения Африки к вандалам, Грановский черпает данные из сочинения Прокопия «*De belloj vandalico libri XII*».

⁵⁵ «...что считается высшим благом и первым в мире украшением» (И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов, стр. 125).

⁵⁶ Имеется в виду сочинение Кассиодора «*Varia*» (MGH, AA, t. XII).

⁵⁷ Речь идет о произведении латинского писателя первой половины V в. Марциана Капеллы «О браке Филологии и Меркурия».

⁵⁸ «...Жалок римлянин, подражающий готу, дельный гот подражает римлянину».

⁵⁹ «Мы не можем повелевать религиею, ибо никого нельзя заставить верить вопреки воле» (*Cassiodori Varia*, II, 27).

⁶⁰ В записи Собчакова читаем: «Смутами, которые возникли тогда в Италии, воспользовался восточный император Юстиниан. Веллизарий, потом Нарцесс вступили в Италию и положили в ней конец остготскому владычеству после 20-летней упорной борьбы со стороны готов. Главными виновниками этих успехов Византии были туземные народы, помогавшие православным против ариан. Готское владычество в Италии пало. Снова обратилась Италия в провинцию Империи, но уже не Западной, а Восточной, и мы имеем достаточно свидетельств о том, что она имела причины раскаиваться в этом. Вместе с императорским наместником явилась в Италию вся тяжесть прежнего императорского управления относительно податей и налогов со всеми жестокостями, со всеми бедствиями, от которых Италия избавилась под владычеством Дитриха» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 85).

⁶¹ По-видимому, речь идет о кн.: D. H u m e. *The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688*, vol. I. London, 1786.

⁶² Имеется в виду работа: J. L i n g a r d. *A History of England from the First Invasion by the Romans to the Commencement of the Reign of William the Third*, vol. I. London, 1837.

⁶³ Имеется в виду кн.: M. L a p p e n b e r g. *Geschichte von England*, Bd. I—II. Hamburg, 1834—1836.

⁶⁴ Речь идет о труде: Sh. T u r n e r. *History of the Anglo-Saxons; comprising the History of England from the Earliest Period to the Norman Conquest*, 4 vol. London, 1799—1805.

⁶⁵ Очевидно, речь идет также о работе: F. P a l g r a v e. *History of England: Anglo-Saxon period*. London, 1837.

⁶⁶ В записи лекций 1839/40 г. читаем: «Я уже сказал, что северные берега Фландрии были заселены летами саксонского происхождения. Отсюда название *Litus Saxonicum*» (ГБЛ, М. 4184,

л. 87). Далее Грановский ссылается на работу Шаумана (см. прим. 48).

⁶⁷ В записи лекций 1839/40 г. читаем: «Впрочем, это известие о прибытии братьев Гензиста и Хозры похоже на мифическое предание исторического факта. 1) Беда говорит о них, будучи неуверен в достоверности, и прибавляет „dicitur“ и т. д. 2) Другое обстоятельство то, что мы нигде не встречаем двух вождей при одной дружине». (ГБЛ, М. 4184, л. 88).

⁶⁸ Речь идет о сочинении Григория Турского: *Gregorii Turonensis Historia Francorum* (MGH, Scriptores Rer. Merov. t. I).

⁶⁹ «*Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus*» (см. MGH, Scriptores Rer. Merov. t. II).

⁷⁰ «*Annales Laurissenses majores*» (см. MGH, Scriptores, t. I).

⁷¹ Точнее: A. Duchesne. *Historiae Francorum scriptores coetanei*, 5 vol. Paris, 1636—1649.

⁷² См. M. Bouquet. *Recueil des historiens des Gaules et de la France...* Paris, 1738—1767.

⁷³ Грановский здесь и далее придерживается рассказа Григория Турского (op. cit., II, 33).

⁷⁴ При изложении этого раздела Грановский пользуется данными Григория Турского (op. cit., II, 37).

⁷⁵ *Gregorii Turonensis Historia Francorum*, II, 39).

⁷⁶ Ibid., II, 40.

⁷⁷ Все эти материалы взяты Грановским у Григория Турского (op. cit., II, 41—42).

ЛЕКЦИИ 1848/49 г.

(запись В. Собчакова)

1-я лекция

¹ Введение к курсу истории средних веков, особенно в первые годы своей деятельности, Грановский обычно давал в более развернутом виде (см. лекции 1839/40, 1843/44, 1845/46, 1846/47 гг.). Освещение задач исторической науки и определение ее, развитие понятия всеобщей истории на различных исторических этапах, земля и ее население, обзор литературы по всему курсу — вот обычная схема введения. Однако в те годы, когда Грановский читал курс древней истории, такое пространное введение, естественно, предпосылалось этому курсу, а чтение истории средних веков открывалось небольшим вступлением. Во введении к лекциям Грановского по древней истории начала 50-х годов (в студенческой записи) мы читаем: «Всеобщая история объясняет законы, по которым совершается земная жизнь человечества, указывает на законы и цели поступательного движения. Уже этого одного достаточно, чтобы ответить на вопрос, раздававшийся во все времена даже из уст великих мыслителей, — какая польза истории? Неужели можно спрашивать о пользе науки, которая объясняет жизнь человечества и законы его бытия и прогрессивного движения вперед? Есть, конечно, науки, как, например, языки, технические науки и др., пользы которых доказывать и не нужно — здесь дело идет не об одном только практическом приложении исто-

рии. У греков и римлян она имела практическое приложение в общественной, законодательной деятельности; то же самое можно сказать в настоящее время и об Англии. Вообще знание истории необходимо для каждого государственного человека, но не все ведь созданы быть государственными людьми, следовательно, для таких людей история остается без приложения, а следовательно, и без пользы. Можно доказать несостоятельность этого мнения. Кроме того удовлетворения, которое история доставляет высшим потребностям нашей природы она представляет еще другого рода утешение тому, кто будет изучать ее без задних мыслей, не под[ста]вляя отдельных фактов под свои частные цели. На целые народы и на отдельные лица, говорил Грановский, находят иногда минуты уныния, когда мир остается безотрадным, земная жизнь является, по-видимому, без цели и нравственность падает; тогда советницею и утешительницею является история: из нее видно, что человек часто бывал в таком положении, но что всегда выходил из него победителем, что зло никогда не преобладает и что добро никогда совершенно не уничтожается. Исторические лица, на которые указывают скептики в опровержение этой мысли, служат блистательнейшим ее доказательством, именно — это люди, павшие за свои идеи. Правда, они гибнут, но имя их остается; они же получили свою награду в деятельности совершения подвига согласно с их убеждением.

Чем более углубляешься в историю, тем более укрепляешься в жизни. История уничтожает в нас эти недоверчивые, скептические мнения, которые лишают нас энергии и нравственных сил. Каждому ученому прилично выше всего ставить свою науку, но особенно должен любить свою науку историк, науку, которая похожа на океан, в который сливаются все другие науки как источники и дают ей вспомогательные средства (ГБЛ, М. 3538. XIV, лл. 9 об.—10).

²⁻³ Грановский имеет в виду учебник И. Кайданова «Учебная книга всеобщей истории... История средних веков» (СПб., 1839 и другие издания).

⁴ Имеется в виду «Руководство к познанию средней истории» С. Смарагдова. Как писал Грановский в рецензии, опубликованной еще в 1841 г., в основу своего учебника Смарагдов положил сочинение Лео «Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters» (Halle, 1830). Ср. Т. Н. Грановский. Сочинения. М., 1900, стр. 502.

⁵ Речь идет о кн.: Ф. Лоренц. Руководство к всеобщей истории (ч. I. СПб., 1845; ч. II, отд. 1. СПб., 1847; ч. II, отд. 2. СПб., 1851; ч. III, отд. 1—2. СПб., 1847).

⁶ Ср. рец. Грановского на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (стр. 203—209 настоящего издания).

⁷ Грановский, по-видимому, имеет в виду труд: Н. Halla m. View of the State of Europe During the Middle Ages, vol. 1—2. London, 1818.

⁸ Речь, очевидно, идет о кн.: Fr. K o r t ü m. Die Geschichte des Mittelalters. Bern, 1836.

⁹ Имеется в виду, кн.: F. Ch. S c h l o s s e r. Weltgeschichte in zusammenhängender Darstellung. Bd. I—IX. Frankfurt am Main, 1816—1824.

¹⁰ Cesare Cantù. Histoire universelle. Paris, 1843—1849.

¹¹ E. Gibbon. History of the decline and fall of the Roman Empire. London. 1776—1788.

2-я лекция

¹ Ср. с лекцией о Каролингской империи 1845/46 г.: «Многие историки весьма примечательные приписывают... разложение Карловой монархии бездарности его преемников, восстанию национальностей, насильственно сдавленных. Таково мнение Тьерри. И то и другое воззрение односторонне. Преемники Карла не походили на Меровингов: это были благородные, даровитые люди, понимавшие идею предков и жертвовавшие для нее жизнью. Это, без сомнения, можно сказать о франкских Карловингах. Не одна реакция национальностей вела к распадению, причина этого была глубже. Причина лежала в отсутствии всякого единства, всякого общего начала, всякой мысли о единстве». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 45 об.—46).

² Грановский, видимо, имел в виду труд: J. P é t i g n y. Études sur l'histoire, les lois et les institutions de l'époque merovingienne. Paris, 1843—1845.

4-я лекция

¹ В действительности эти слова принадлежат не Лактанцию, а Аммиану Марцеллину (XXII, 16, 23).

² В лекциях 1845/46 г. читаем: «Повсюду, на всех точках империи начинаются восстания народные. Восстают богады, восстают рабы, восстают сельские жители, которым не остается более никаких средств, и к этим сельским жителям присоединяются другие элементы. Мы видим людей образованных, которые становятся во главе этих восстаний. Есть несколько характеристических примеров и ужасных. На огромных пустых полях империи паслись стада богатых владельцев, их стерегли пастухи, племя дикое; из них образовались шайки разбойников, которые грабили все более и более».

(ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 30).

³ См. прим. 23 к конспекту.

⁴ Точнее: M. A m p è r e. Histoire littéraire de la France avant le douzième siècle. Paris, 1839.

⁵ Оценка сочинения Шампаньи в этой лекции совпадает с той, которую Грановский дает в рецензии на книгу А. Шмидта «История свободы исповедания и мысли в первое столетие империи и христианства» (см. Т. Н. Грановский. Соч., стр. 458—459).

⁶ Т. е. в 1847 г.

⁷ Ссылка на рецензию Т. Н. Грановского на кн.: Ad. S c h m i d t. Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christentums. Berlin, 1847.

⁸ В лекциях по древней истории (1848/49 г.) Грановский писал о греческой философии: «Мы укажем на философию греческую как на выражение греческого духа, и в самых явлениях философии обличав[шего] нравственный упадок народа, лишившегося жизни в самых основах этой жизни. Всякому случалось читать и слышать обвинения, возводимые на философию. Ее упрекают в отвлечении от жизни, в отрешении мысли от жизни, в бесполезном углублении

мысли в самое себя, что философия всегда имеет разрушительное направление, всегда враждует против всего настоящего, существующего. Оправдывать философию против этих обвинений не стоит труда, ее давно оправдала история и наука: обвинения эти повторяются людьми, живущими задним умом, людьми отсталыми. Философия ничего не разрушает, как ничего не создает: она является выражением мысли в данный момент истории, выражением сознания, соответствующего известному порядку вещей, который создает не она, хотя и является посредствующим деятелем в нем». (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 111).

Далее Грановский отмечал: «Тогда началась блестящая эпоха софистов. Мы скажем несколько слов об укоренившемся предрассудке, частью невежественности насчет софистов. Под именем софистов мы привыкли понимать людей, играющих истиной, для которых в истине нет ничего священного. Такое воззрение ложно. Первые софисты греческие в эпоху, о которой теперь идет речь, были люди смелые, впервые выступившие на поприще умозрения: человек понял впервые все могущество разума, всю несостоятельность всего остального перед разумом; но он понимал разум как нечто личное, он неловко пользовался своим оружием, но в этом великом уважении к разуму было нечто величественное, поэтическое: впервые вступил разум в свои великие права. Один из новейших писателей, величайших представителей немецкой философии сказал: „Все действительное разумно, все разумное действительно“. Это положение может быть принято, но с значительными ограничениями, до крайней мере в том смысле, что не всякая действительность соответствует разумным целям. Но для софистов греческих это положение, хотя не высказанное в таких словах, было в некотором смысле догматом, верою, что все противоречащее разуму недействительно: разум дает меру вещам» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 111—112).

⁹ Ср. отрывок, посвященный истории красноречия, из пятой лекции, опущенной нами (см. Предисловие, стр. 22):

«Мы заметим в истории постоянно повторяющиеся явления, что когда один порядок вещей падает и сменяется другим, то эта новая сторона приобретает только идеи, обычаи, учреждения старые, кои не могут быть приложены к новому обществу, но от коих общество не может отделаться. Таким образом республиканский Рим завещал императорскому Риму многое, не соответственное новому порядку, и что было, следовательно, постоянным элементом внутреннего беспокойства, какою-то постоянною ложью среди изменившихся отношений. Таково было красноречие. К чему было римлянам, поданным империи, изучать это искусство, когда уже благородной цели красноречия не было; а между тем оставались школы, куда отдавали юношей для изучения красноречия. Можно сказать, что это было не великое зло, это была педагогическая ошибка, которую исправить было нетрудно, но и их [ошибки] нельзя было делать безнаказанно, ибо они находились в связи с нравственным состоянием.

Изучение школьного красноречия уже не было полезно; оно не прилагалось к жизни. Очень часто случалось молодым римским гражданам начинать свое поприще публичным обвинением какого-нибудь высшего римского сановника. Это было торжественное обви-

нение во имя нарушения права, во имя оскорбленного народа; в этом впервые сказывается талант молодого гражданина. В эпоху императорскую этот род красноречия возделан с успехом. Поводов к обвинению было достаточно, особенно после Тиверия, который перенес закон об оскорблении народа на лицо императора. Тогда явилась страшная толпа ораторов, коих имена преданы бессмертию Тацитом, ораторов, коих занятие состояло в обвинении граждан. Красноречие сделалось развратным. Дело оправдания было, конечно, труднее, чем дело обвинения. Раболенные судьи не смели оправдывать». (ГБЛ, М. 3598. XXI, л. 13 об.).

9-я лекция

¹ В опущенной нами пятой лекции Грановский дает более странную характеристику Тацита, показывая и его отношение к современному ему римскому обществу. Грановский говорит:

«Возьмем историю; мы здесь найдем летопись и историю Тацита. Не будем повторять то, что уже несколько раз сказано; укажем на превосходные статьи покойного профессора Крюкова о трагическом характере Тацита. Но для нас Тацит важен как признак характеристики известного времени. Такие явления, как Тацитова книга, возможны только на рубеже двух миров — разрешающегося и наступающего. В книге Тацита более всего поражает мыслящего читателя сжатое негодование на каждой строке. Беспрерывно обращается он к прошедшему, дабы научить настоящее. Но есть еще одна сторона, в которой можно найти сходство между Тацитом и Руссо. Известно, что Руссо начал свое литературное поприще сочинением о пользе науки. Это сочинение, кое называют парадоксом, странным мнением, коим писатель хотел заинтересовать публику. Руссо в этом сочинении отвергает пользу науки — мысль неверная, но не парадокс. Его сочинение имеет другой смысл. Одаренный глубокой потребностью права, измученный средой, в коей жил, без негодования он не мог слушать похвалы, которые раздавал себе XVIII век, столь гордый своей цивилизацией, и задал вопрос, в чем же состоит эта цивилизация? Какую пользу она принесла? Это был вопль оскорбленного больного сердца, а не парадокс тщеславного ратора. У Тацита в другой форме, конечно, но мы найдем сходное выражение его чувства о германцах. Здесь видно скорбное раздумье человека, остановившегося на рубеже древней цивилизации. Поэтому он обращается с какою-то любовью, с каким-то пристрастием к народу, еще не проникнутому цивилизацией, к народу простому. Это недоверие к цивилизации, этот скептицизм, который может постигнуть человек[ека], есть отличительный признак времени упадка. Эти времена, как мы уже сказали, имеют двойкий характер: упадка и возрождения нового общества. Это упадок в одну сторону и зачаток в другую». (ГБЛ, М. 3598. XXI, лл. 14 об.—15).

² Работа Филиппса названа ошибочно. Видимо, имелась в виду кн.: G. Phillips. Deutsche Geschichte mit besonderer Rücksicht auf Religion, Recht und Staatsverfassung, Bd. I. Berlin, 1832.

³ Речь, видимо, идет о труде: G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. I—II. Kiel, 1844—1847.

⁴ F. Ozanam. Les Germains avant le christianisme. Paris, 1847.

⁵ Грановский, очевидно, имеет в виду кн.: H. Luden. Geschichte des deutschen Volkes. Gotha, 1825—1837.

⁶ Речь идет о кн.: Ch.-K. Barth. Deutschlands Urgeschichte. Erlangen, 1840.

⁷ Ol. Rudbeck. Atlantica sive Manheim, vera Sapheti posterorum sedes et patria. Upsal, 1675—1798.

10-я лекция

¹ См. F. Guizot. Histoire de la civilisation en France, t. I. Paris, 1853, p. 131—133.

² Судьба туземного населения Америки всегда привлекала сочувственное внимание Грановского. К этому вопросу он обращался в лекциях по древней истории конца 40-х годов, когда, проводя аналогию между греческой колонизацией и кровавыми захватами, осуществляемыми испанцами, говорил, что последние «не принесли в новый мир образования. Напротив, судя по тому, что знаем о прежнем образовании Мексики и Перу, пришествие европейцев было гибельно, ибо христианство было внесено так, что его не могли принять сердечно американцы. Они назывались только христианами, а в сущности были такими же язычниками, которыми застали их Кортес и Пизарро. Одним словом, действия испанских завоевателей в Южной Америке были разрушительны, а не благотворны». Но и отношение английских колонизаторов к туземцам, отмечал Грановский, было также «самое враждебное. Колонисты ненавидели их, как рабов и язычников; они не обращали их в рабство, потому что эти племена были более мужественны, а во-вторых, им не было расчета: здесь не находились богатые рудники» (ГБЛ, М. 3598. XVI, тетр. 2-я, л. 12 об.).

В лекциях начала 50-х годов он также подчеркивает, что испанские захватчики принесли туземному населению лишь «утеснения и истребления», что они крестили туземцев «огнем и мечом» (ГБЛ, М. 3598. XIV, тетр. 3-я, лл. 12 об.—13). Позднее, в 1854 г., Грановский, рассказывая студентам о великих географических открытиях (в курсе новой истории), отмечал, что жестокое преследование индейцев, непосильный труд в рудниках способствовали их вымиранию: «На островах Антильских исчезло туземное население; причины их гибели были различны: война, жестокость необыкновенная испанцев, которые держали даже собак для травли бедных дикарей; тяжелые работы, наконец, к которым принуждали дикарей испанские властители». Лишь «небольшие племена, отстаивавшие свою независимость, удалились в самые пустынные, дикие места, в которых трудно было их преследовать» (ГБЛ, М. 3598. XXVIII, лл. 45 об.—46).

³ Ср. эти высказывания с анализом поземельных отношений у древних германцев, который делает Грановский в позднейших своих работах. В статье «О родовом быте у древних германцев» Грановский на основе тщательного анализа данных Цезаря и Тацита четко формулирует свою точку зрения на родовой характер древнегерманской марки эпохи Цезаря, общинную собственность на землю у древних германцев. Он критикует теории Мезера и Эйхгорна, взгляд которых «на самую марку неверен потому, что они не хотят признать

персмен, которые произошли в ее внутреннем устройстве со времен Цезаря до того времени, когда она предстает нам в полном историческом свете» (Т. Н. Грановский. Соч., стр. 97. Ср. А. И. Данилов. Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории. УЗ Томского гос. ун-та, № 16, 1951, стр. 77—80).

⁴ «Есть люди, которые на их языке называются „эделинги“, „фри[ли]нги“ и „лассы“, что по-латыни означает: благородные, свободные и рабы» (MGH, Scriptores, t. II, p. 361).

⁵ См. Н. L e o. Geschichte von Italien, Bd. I. Hamburg, 1829, S. 59.

⁶ «Военачальников они избирают по доблести, королей по знатности» (Т а ц и т. Германия, гл. VII, пер. Ф. Моравского. Сб. «Древние германцы», стр. 59).

⁷ Точнее: Н. S y b e l. Entstehung des deutschen Königtums. Frankfurt a. M., 1844.

⁸ Ср. рец. Вайца на кн. Зибеля — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», hrsg. von A. Schmidt, t. III. Berlin, 1845, S. 13—41.

⁹ См. G. F i l l i p s. Deutsche Geschichte mit besonderer Rücksicht auf Religion, Recht und Staatsverfassung, S. 81—98.

¹⁰ Ср. Das Nibelungenlied. Abenteuer XV.

¹¹ См. Т а ц и т. Германия, гл. XXIV.

¹² «Старейшины, творящие суд по округам» (Т а ц и т. Германия, гл. XII).

¹³ См. A.-F.-H. S c h a u m a n n. Geschichte des niedersächsischen Volks von dessen ersten Hervortreten auf deutschen Boden an bis zum Jahre 1180. Göttingen, 1838.

15-я лекция

¹ Особенно широко Грановский пользуется материалами писем Сидония Аполинария (PL, 58, p. 534, 585 etc.) в 16-й лекции (2-я часть, не публикуемая нами).

² Грановский имеет в виду сочинение Григория Турского «Historia Francorum» (MGH, Scriptores, t. I).

³ P s e u d o-F r e d e g a r i Chronicon (MGH, Scriptores, t. II).

⁴ Точнее: A. D u c h e s n e. Historiae Francorum scriptores coetanei, 5 vol. Paris, 1636—1649.

⁵ М. B o u q u e t. Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris, 1738—1767.

⁶ Имеется в виду труд: S. S i s m o n d i. Histoire des Français. Paris, 1821—1844.

⁷ Речь идет, видимо, о сочинении: Н. M a r t i n. Histoire de France. Paris, 1838.

⁸ Грановский имеет в виду труд: J. M i c h e l e t. Histoire de France. Paris, 1833.

⁹ Речь идет, видимо, о раборе: J. P é t i g n y. Études sur l'histoire, les lois et les institutions de l'époque mérovingienne. Paris, 1843—1845.

16-я лекция

¹ См. Ш. М о п т е с к ъ е. О духе законов. М., 1955, стр. 589—590.

² См. К. F. S a v i g n y. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I. Heidelberg, 1834, S. 301—303.

18-я лекция

¹ «Придумал какую-то басню и начал говорить о разных предметах» (Г р и г о р и й Т у р с к и й. История франков, III, 7. Цит. по кн.: «История средних веков в ее писателях...», составитель М. Стасюлевич. СПб., 1913, стр. 555).

² «Теодорих был чрезвычайно искусен в подобного рода хитростях» (там же).

25-я лекция

¹ Ср. с лекциями 1845/46 г.: «Преобладающий элемент в 11 веке есть, бесспорно, феодализм. Об истории и влиянии феодализма, о его юридическом и нравственном характере много писали. Этот вопрос еще доселе не причислен к тем историческим вопросам, которые имеют для нас только ученое значение. Еще доселе западное общество борется против остатков феодального быта, хочет очистить от него совершенно свою почву.

Во время своей силы феодализм уже нашел ревностных и горячих защитников, хотя тогда мало нуждался в них; тогда он доказывал свою законность, свое право на существование самим существованием своим. Не прежде исхода 17 и начала 18 века началась об этом предмете ученая полемика. Отличнейшие писатели и публицисты принесли участие в этот спор. В числе его защитников особенно замечательны граф Boulainvilliers, французский аристократ исхода 17 и половины 18 века. Он написал превосходное, но в высшей степени одностороннее сочинение о феодализме. Может быть, ни один ученый ни прежде, ни после не [перенесся] с таким талантом, с такой силой убеждения не принял так к сердцу вопроса о феодализме, как граф Boulainvilliers. Читая его, можно подумать, что это говорит какой-нибудь воскресший барон феодального века. Он очень последователен. Он отрицает среднее сословие, считает его незаконным, равно отрицает и королевскую власть в том значении, какое она приняла в 17 и 18 веках. Это человек совершенно средних веков, признающий только тот класс, к которому сам принадлежит: о прочем он говорит с презрением — оно для него не существует. Это был человек односторонний, но в самой односторонности своей могущественный и последовательный. Не многие французские ученые могут похвастаться таким глубоким знанием памятников, каким обладал граф Boulainvilliers, хотя в его время они были гораздо реже и доступ к ним труднее.

Много было противников феодализма, защитников королевской власти и среднего сословия; в продолжение всего 18 века не прерывалась полемика между обеими партиями. Она разрешилась уже в кровавом акте революции. После революции, во время реакции,

которая поднялась против всех явлений и результатов революции, явились новые защитники феодализма, новые теории, которые просто хотели вернуть новой европейской жизни феодаль[ный] элемент во всей его силе и односторонности. Достаточно упомянуть о [Галлере], швейцарском ученом, который написал 5 томов *Über die Restauration der Staatswissenschaft*. Это не что иное, как возвращение феодального элемента. Он был очень последователен . . . Не говорю уже о менее известных ист[ори]ках. Эта партия была многочисленна, особенно до революции, теперь она теряет свое влияние. Не говоря о том, что новые защитники феодализма не имели ни глубокой учености графа Boulainvilliers, ни его энергического ума, они самый феодализм представили не таким, каким он был действительно. Они создали идеал феодального быта, в истине коего они не так были убеждены.

Наука, впрочем, упрямилась с этими жалкими явлениями. Самое даровитое из этих сочинений есть, бесспорно, сочинение английского оратора Börk о французской революции. За несколько лет до того он издал превосходное сочинение об американской революции, где он защищал идею равенства и свободы 18 столетия вовсе не по убеждению, не из бескорыстных видов, а против французской революции, как английский тори. Но во всяком случае это замечательная книга, в которой все оправдание феодальной эпохи гораздо умнее выставлено, чем у [Галлера.] Окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит, собственно, нашему времени. Исторические труды последних десятилетий показали феодализм в настоящем виде его. Самые лучшие сочинения (не говоря о древних трудах немецких) находятся у французов, в курсе Гизо: «*Histoire générale de la civilisation en Europe*» и «*Histoire de la civilisation en France*», где он разбирает феодализм во всех отношениях. Мы не соглашаемся с ним только в некоторых частностях, но вообще это полная, живая картина» (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 23, лл. 117 об.—118).

² «Все, как у нас» (франц.).

³ См. Ф. Гизо. История цивилизации во Франции, пер. М. Корсак. М., 1881, стр. 253.

⁴ По этому вопросу Грановский в 17-й лекции говорил: «Для напуганных умов IX ст. представлялось еще возможным возвращение прежних смут, прежнего анархического периода переселения народов. Во второй половине IX ст. возникло знаменитое Моравское царство, которое в княжение Святополка боролось со всей Германией. Венды грозно напирали на Саксонскую марку. Еще более жестокие враги грозили с севера. Это были норманны. Читая летописи IX ст., видим под каждым годом жалобы на страшные опустошения и грабительство со стороны норманнов. Но довольно сделать вопрос: откуда взялись силы у этого малочисленного народа Скандинавии для таких значительных подвигов в самых населенных краях Европы? Решить этот вопрос можно только при внимательном рассмотрении внутреннего порядка вещей в тогдашнем государстве. Мы видим еще при Меровингах и Карле Великом медленное движение латино-германских народов к феодализму, результатом которого было уничтожение собственности, переход ее в феодальные владения. Прежние полноправные германцы делались или ленниками графов или нечто вроде зависимых от них колоннов. Уже Карл Великий при-

нимал все меры, чтобы положить конец притеснениям графов относительно низших классов народа; меры были безуспешны, положение последних все становилось тягостнее и тягостнее. Оно дошло, наконец, до последней степени страдальчества при внуках Карла Великого, во время этих опустошительных междоусобных войн, которыми воспользовались преимущественно графы: везде возникали феодальные формы. Тогда явились многочисленные толпы голодных крестьян, грабивших Галлию. С этими-то толпами недовольных, отринутых обществом, вступали в отношения союзов норманны». (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 100).

⁵ В курсе публичных лекций 1845/46 г. Грановский говорил: «Для него (феодала. — С. А.) разницы между вилланами и рабами не было. И те и другие были его подданные, он их судил своим дворянским правом. Перед воротами своей башни он поставил виселицу, на которой он вешал их. Он подчинял их многим безобразным постановлениям, о которых будет еще речь. У раба нет права на духовное завешание. Если он умирает без детей, то все нажитое трудом имущество достается господину. Если у него есть дети, то лучшая часть все-таки принадлежит господину. Это называлось правом мертвой руки (*droit de la main morte*). Вам, может быть, захочется знать происхождение этого страшного названия. Когда у бедного раба ничего не было, чем платить подать, тогда посылался сыщик, который отрубал ему правую руку и приносил господину. Были, конечно, некоторые постановления, некоторые юридические обычаи, утвержденные временем, общим признанием, которые должны были лежать в основании этих общественных отношений. Но где были силы общественные, где было ручательство в соблюдении этих положений. Жаловаться было негде, управы было неоткуда ждать. Одним словом, единственным пределом власти владельца был его произвол». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 57 об. — 58).

26-я лекция

¹ В лекциях 1845/46 г. Грановский говорил: «Эта феодальная башня служила страшным знаменателем силы феодального мира. Неприступная, она заключала в себе все, что дорого было феодальному владельцу. Здесь он предавался чувству любви, чувствам нравственным, вне ее он был грабитель. Когда выходил он из нее, он надевал другую, подвижную, если можно так выразиться, башню. С ног до головы он был закован в железо. Это было какое-то поколение центавров. Вопрос, откуда рыцари заимствовали средневековое свое вооружение, был предметом продолжительных споров. Многие думали, что эти доспехи заимствованы с Востока, но это несправедливо. Прежде всего они заимствовали это от римлян. Саллюстий говорит еще о коннице в железе. Но происхождение этого вооружения легко можно объяснить. Число феодалов было невелико в сравнении с прочим народонаселением. Им нужно было придумать все средства к защите от многочисленного народонаселения. Они запирались в башнях, они заковывались в железо. Они присвоили себе исключительное право на коня. Эта стальная конница ходила без страха на превосходящих числом возмущившихся поселян. Но нужно заметить, что и башня, и доспехи — оружие оборонительное. Это

показывает недоверчивость, страх. Я высказал все, что можно было сказать против феодального устройства. За иерархией феодалов шла иерархия страдающего народонаселения вилланов и рабов. Но отчего этот порядок вещей в самом начале не возбудил ненависти, отчего в века, близкие нам, он нашел защитников даровитых? Как всякое великое историческое учреждение, феодальный мир отслужил свою службу человечеству. Феодальный мир был законною формою в это время; когда государство утратило всякое единство, явился феодализм. У него был идеал правления, у него была своя теория». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 59 об.—60).

² См. Ф. Г и з о. История цивилизации во Франции, стр. 107.

³ Речь идет о работе: J. B. S a i n t - e - P a l a y e. Mémoires sur l'ancienne chevalerie. Paris, 1759—1781.

⁴ Имеется в виду кн.: C. - Ch. F a u r i e l. Histoire de la Gaule méridionale sous la domination des conquérants germains. Paris, 1836, 4 vol.

⁵ См. Ф. Г и з о. История цивилизации во Франции, стр. 111—113.

⁶ Точнее: K. H e g e l. Geschichte der Städteverfassung von Italien, t. II. Leipzig, 1847.

27-я лекция

¹ См. K. S a v i g n y. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Heidelberg, 1834, S. 289—296, 396—458.

² Cesare B a l b o. Istoria d'Italia dalle origini fino all'a anno 1814. Losanna, 1845, p. 136—139.

³ Речь идет о работе: K. F. E i c h h o r n. Über den Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland. «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», Bd. I, 2, 1815, 1816.

⁴ Грановский имеет в виду труд: W. E d. W i l d a. Das Gildenwesen im Mittelalter. Berlin, 1831.

⁵ В записи лекций 1845/46 г. читаем: «Я упомянул о городах; в начале XII ст. это слово, дотоле второстепенное и мало занимавшее места в летописях, является исполненное блеска с эпитетами, часто показывающими ненависть летописцев. Во Франции было два рода городов. Одни в Южной Франции, к югу от Лоары, в Бургундии; немногие к северо-востоку Франции были римского происхождения; они сохранили свое устройство муниципальное, курии сановников». «В Северной Франции были города другого рода. Они возникли возле монастырей, церквей и замков. Во время набегов и утеснений вилланы, отвыкшие от оружия, привыкли получать защиту от воинственного дворянства. Они тесно строились около замков, и так скоро составились местечки и города. Они селились на чужих землях и делались вилланами, и [пропуск в рукописи] продавали свободу за защиту, которая навсегда давалась им. Чем более было пришельцев, тем сильнее был владелец. Он старался привлечь новых поселенцев от соседей обещаниями, льготами. Здесь началась промышленность и торговля, которые владелец не уничтожал, ибо в этом была его собственная выгода, хотя феодальные владельцы не всегда понимали свои постоянные выгоды и жертвовали ими временным приходам. Другие города возникли около монастырей и церквей; их можно было отличить потому, что они начинались с слова Saint.

Здесь было лучшее положение вилланов; церковь не грабила их, как феодальные владельцы, притом давала более средств к обогащению, ибо туда стекалось множество народа на богомолья и ярмарки. Первые постановления аббатов и епископов, заведовавших этими городами, были торговые — относительно мер и весов. Но постановлений общих, ограждавших от господина, не было никаких. Насколько эти отношения были удовлетворительны, увидим — стоит взглянуть на современную картину Северной Франции. За исключением немногих городов, где остались следы римского влияния, феодальный господин, как бы он ни назывался, имел право собирать всевозможные подати, личный поголовный ценз, подать с имущества, кроме того, бесчисленные подати косвенные. Жители городские не могли выехать за ворота, чтобы продать свои произведения и возвратиться с купленным хлебом, не заплативши подати. Он не мог спечь его сам, а должен был нести на господскую печь и платить пошлины. Он не мог жениться сам и выдать дочь без денег, не выпросив позволения или не купивши его. Феодальные господа хотели распространить сельские отношения и на городских жителей, ибо они были богаче, хотели подчинить их праву мертвой руки, сделать рабами. Сделать [*пропуск в рукописи*] одно различие между городами, принадлежащими церковным сановникам и феодальным светским владельцам. Церковные владельцы пользовались всеми доходами, но уничтожали везде личное рабство. Не должно думать, чтобы эти жители терпеливо и кротко сносили эти притеснения. В XI ст. в первый раз услышано было слово *сommuna* — союз городов, слово столь страшное для феодальных владельцев. Первые союзы общин были легко сокрушены, и где же было этим ремесленникам и лавочникам бороться с феодальными дружинами. Но богатство их росло и потребности человеческие развивались под влиянием учения церкви. Борьба императора с папою, крестовые походы, восстания городов итальянских — все это действовало и на города французские. Одна за другою поднимаются общины против притеснителей своих, начинаются войны ужасные, каждая община борется отдельно. Замечательно, как здесь видно разъединение феодального общества: ни города, ни феодальные владельцы не призывают на помощь других, каждый борется один». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 91—92 об.).

⁶ «Коммуна — неведомое прежде и дурное слово» (G v i b e r t i abbatis de Novigento. De vita sua.... Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. XII, p. 250).

⁷ Ср. с высказываниями Грановского о средневековом городе в публичных лекциях 1845/46 г.: «Мы перейдем теперь к другой форме средневековой жизни — форме городской. Еще недавно успели завоевать свою независимость города. Они как-то недоверчиво смотрели на свою свободу. Города стали похожи на феодальные замки. Первым делом городов было укрепиться стенами. У каждого богатого горожанина была башня, на ночь улицы запирались цепями, запирались ворота. Но жизнь в этих городах не похожа на жизнь, которая была в замках. В этой жизни есть что-то узкое, робкое, нерешительное. Жители городов радовались только тому, что освободили от феодальных когтей свой кошелек. Выше они не поднимались. Естественно, что при таком взгляде на жизнь, чуждом поэзии, здесь

должна б[ыла] развиваться и другая литература. Но литература д[олжна] б[ыла] развиваться. Человек не мог оставаться без развития духовных способностей, особенно в Европе, на этой благодородной почве.

Сюда принадлежат жонглеры и рассказы трюверов, так называемые *fabliaux*. Содержание их таково, что мне нельзя привести из них отрывков. Но один господствующий характер виден здесь: как в рыцарской поэзии видим мы элементы отваги, фактации, так в поэзии городской — элемент здравого практического смысла, насмешливого, ядовитого. Это одни безжалостные насмешки, иронии, устремленные на все великие формы и идеи среднего века. Здесь, в этих *fabliaux*, можно искать начало тех стихий, которые впоследствии развились в романах французских XVIII в. Это праотцы Рабеле и Вольтера.

К особенностям городской жизни я могу прибавить только несколько частности, потому что о подробностях будут говорить далее. Города, освободясь от власти феодальных владетелей, не стали еще свободными. Деспотизм, который прежде принадлежал феодальному владельцу, достался теперь общине. Ежели прежде жители должны были платить феодальному владельцу подать за право печь себе хлеба, то теперь они должны были платить то же самое общине. Многочисленные безобразные постановления полицейских ограничивали свободу жизни. Причины этих ограничений заключались в следующем: к жизни среднего века принадлежит то, что средний век забыл смысл многих символов своих, и эти символы, тоже без значения, перешли в новую жизнь».(ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 108—109).

29-я лекция

¹ Речь, видимо, идет о труде: E. B i o t. De l'abolition de l'esclavage ancien en Occident. Paris, 1840.

43-я лекция

¹ Рассказывая об университете, Грановский подчеркивал за с и л ь е там францисканцев и доминиканцев: «На них (фра ц и с к а н ц е в и д о м и н и к а н ц е в. — С. А.) обратил внимание представитель университетской партии Вильгельм де Сент-Амур. Он написал против францисканцев и доминиканцев книгу „Об опасностях настоящего времени“. Читая эту книгу, нельзя не быть пораженным странным сходством языка Вильгельма с языком Паскаля, который вел борьбу с иезуитами. Но противники Вильгельма были благороднее иезуитов. Замечательна эта борьба университета с монахами и римским двором; она повторилась и в наше время. Но университет XIII ст. крепче стоял за свои права, нежели университет нашего времени. Сорок булл папских пали на него. Но защитники университетского права все еще защищались. Вильгельм был изгнан; его книга была переложена из латинской прозы на французские стихи и пелась народом. Людовик стоял вне этой борьбы. По чувству он был на стороне монахов, но нравственное же чувство запрещало ему вмешиваться в борьбу, и он выражал свое пристрастие к партии монахов единственно тем, что приходил часто слушать лекции про-

фессоров доминиканцев; здесь, в университете, садился он рядом с студентами на солому и слушал лекции. В 1260 г. борьба эта кончилась в пользу монахов, но без уступки со стороны университета. Университет должен был замолчать потому, что против него соединились все власти того времени». (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 141—141 об.).

² Ср. с высказываниями Грановского о схоластике в лекциях 1850 г.: «Цветущая эпоха схоластики продолжалась не более столетия. В половине XIII века мы видим, так сказать, замирание этой науки; она утрачивает свой величавый характер, юношескую отвагу, пылливость, и вместо того, чтобы разумными доводами поддержать истинные откровения, она употребляла все свои силы для оправдания католической церкви и папства в тогдашнем виде.

Главными представителями схоластической науки являются монахи Доминиканского ордена и Францисканского. Они занимают кафедры европейских университетов и схоластику делают господствующею наукою, с которою спор становится невозможным, ибо она пользуется покровительством как духовной, так и светской власти. Из прежней живости, свежести ее приемов осталась только внешняя и даже смешная сторона. Известно, что схоластики переезжали из одного города в другой, предлагая схоластические состязания, на которых они поднимали такие вопросы, которые вряд ли когда-нибудь придут в голову. Напр., один из схоластиков предложил следующую задачу: почему Адаму запрещено было есть именно яблоко, а не грушу? Это была какая-то легкомысленная игра в силлогизмы, в формальную логику, без жизни, без внутреннего содержания. Но между тем схоластики создали целую стройную систему учений, окончательною целью которых было оправдать папскую власть и доказать ее необходимость. До какой степени схоластики натянули свои учения и суждения, можно видеть из следующих положений, высказанных в XV веке: на вопрос, кто выше — церковь или папы, — схоластики отвечают: святое писание имеет силу, доколь оно преподается папою, следовательно, противопоставлять святое писание папе безрассудно. На вопрос, имеет ли право церковь противодействовать несправедливостям папы, схоластики отвечают: нет, церковь может воссылать молитвы об его исправлении, но должна смиряться перед ним. Одним словом, то, на чем основывается христианство, истина евангельская, зависело от случайного приговора римского епископа, и сообразно с этим в университетах Европы преподавание имело особый характер. Профессоры богословия объясняли своим слушателям не вечные памятники христианства, не священные книги, не творения святых отцов, а комментарии схоластиков. Были доктора богословия, которые никогда не читали библию, да и изучение священного писания не считалось необходимою: достаточно было изучить труды известного схоластика. Преподавание философии заключалось также в объяснении некоторых сочинений Аристотеля, плохо понятых и плохо переведенных. Только в некоторых университетах читалось римское право, к которому по самому свойству этого предмета примыкали философия и история. Науки естественные не входили в состав преподавания (ГБЛ, М. 3598.XXV, л. 166—169).

³ Ср. письмо с записью лекции Грановского, видимо, адресованного Е. Р. Станкевич. В этой записи мы читаем об Эригене Ските: «[Эригена] есть отец независимой европейской науки. Он стоит на пороге ее лицом к лицу к двум мирам. Конец жизни его мы не знаем. Он умер, скитаясь по лесам Британии; предание говорит, что он был убит в монастыре вступленными монахами. Это предание весьма веско; оно показывает, в каком отношении [Эригена] находился к церкви. И в этот век, век грубой силы и отваги, не было человека более отважного и смелого, как [Эригена]. Он вступил в бой не с норманнами, но с другими, более страшными силами; одинокий ратник мысли, пустынный сеятель, который лишен был даже надежды видеть всход посеянного, высказывая мысль неприступную для того времени. И западная церковь гремела три столетия проклятиями, и против него гремели обвинения в пантеизме, в ереси, обвинения, которые так легки людям, не знакомым со страданиями, со скользкими путями мысли. Но в наше время, когда для умов твердых и самобытных наука перестала быть чем-то коварным и вредным, когда христианство понимается иначе, нежели в тот грубый век, настала пора справедливости, и она оценила [Эригену], и мы благословим брата, павшего в борьбе за великую мысль» (ГБЛ, ф. 84, 2, 57).

⁴ В лекциях 1845/46 г. Грановский, характеризуя Абеляра, говорил: «Петр Абелард отказался от права первородства, от войны в надежде, как говорил он, прославиться на подвиге мысли. Он испытал много гонений — вряд ли кто испытал столько, как Абелард.

Отличительная черта поколения, которое окружало этих новых наставников,— это страстная любознательность, удивительная смелость. Около них собирались не одни юноши, около них собирались люди пожилые со всех стран Европы. Распространение французского языка в высших классах в этом периоде в Англии, Франции и Сицилии много способствовало этому. В наше время можно обойтись и без наставников. У нас много учебников. В XI, XII ст. не было ни словарей, ни грамматик. Нужно было первые начала знания приобретать от другого. Десятки тысяч слушателей стекались к Вильгельму из Шампо. Общее внимание обратил на себя Абелард возражением, которое он сделал Вильгельму. Эти возражения до того были дерзки и едки, что Вильгельм должен был бросить школу. Он открыл другую школу, но имел менее слушателей. Несколько времени Абелард учился в [Париже], потом отправился в Лаон, где он пользовался учением Ансельма. Чрез короткое время и здесь возникли те же отношения, как и в Париже. Силою полемики своей он показал всю слабость учения Ансельма и принужден был оставить Лаон и удалиться в Париж. Несколько лет провел здесь Абелард в монастыре св. Женеьевы и учил. Тут представилось любопытное зрелище; около горы св. Женеьевы образовался как бы другой город. Это были ученики его, которые выстроили себе жилища около его жилища. Это была лучшая часть его жизни. Он касался не одних политических вопросов, но и богословских и касался глубоко, смело, в полном убеждении своей правоты. Он был не только мыслителем, богословом, но его любовные песни ходили по Франции. Подробности частной его жизни не могут войти в наше изложение. Эта жизнь была исполнена страданий. Он должен был отказаться от зва-

пия мирского и вступить в монастырь. В 1119 г. его учение о св. Троице обратило на себя внимание. В 1122 г. он был потребован к ответу на собор в Соассоне. Его сочинения были осуждены, и ему было велено отказаться от преподавания и жить в монастыре св. Дионисия».

«Современник Бернгарда рассказывает, что ему случилось раз идти с Бернгардом по берегу Лозаннского озера. Они долго шли берегом, и Бернгард вдруг спросил, где же озеро? Вечно в раздумье, мистический Бернгард понял опасность, которой грозило церкви учение Абеларда. В чем же заключалось это учение? Абелард не ограничивал откровение одним Ветхим и Новым заветом; он искал следы этого откровения в Платоне, Аристотеле. Все народы, по его мнению, призваны к блаженству; но он говорит, что спаситель пришел в мир не по необходимости, для спасения прошедших поколений, но чтобы открыть новое будущее. В нравственном учении Абеларда были также стороны, резко противоположные католической церкви. Известно учение католической церкви о подвигах благочестия; оно весьма важно; Абелард учил, что грех заключается не в наклонности, не в совершении греха, потому что совершение может быть мысленно. Он признает грехом только сознательное совершение поступка. Тогда остановил его на этом пути голос св. Бернгарда, и Абелард должен был оставить свою обитель и укрыться на севере, в Англии. Он укрылся в монастыре св. Гиды. Здесь он хотел вести жизнь тихую, но встретил, напротив, здесь монахов развращенных; его попытки восстановить нравственность в монастыре были неудачны; они кончились покушением монахов на его жизнь. Он должен был бежать. Такова была жизнь Абеларда в 1140 г.» (ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, лл. 113 об.— 115 об.).

⁵ В записи Петра Бартенева 1849/50 г. по «новой истории» читаем о схоластике: «Именно в XI столетии, когда начались первые споры схоластические, когда начались первые попытки разрешить в сфере разума важнейшие вопросы, тревожащие человека, явилась эта наука, впоследствии осмеянная и опозоренная, с необыкновенной смелостью и полнотой жизни. Мы укажем только на пример Абеларда, на эту жизнь, исполненную борений всякого рода, на эту могучую и богатую умственную деятельность, которая коснулась всех вопросов тогдашней науки и коснулась их не бесплодно. Главное достоинство схоластики была отчасти ее юношеская смелость, исполненная бесконечной веры в силы человеческого разума. Схоластики думали, что нет вопросов неразрешимых».

Далее Грановский отмечал: «Но с такими смелыми мыслями и надеждами эта наука не могла вступить в дружелюбные отношения к средневековым формам. Абелард подвергся отлучению от церкви, навлекши на себя негодование таких лиц, каковы были св. Бернгард и другие представители западной церкви; ученик Абеларда Арнольд из Бресции умер на костре за смелую попытку изменить политические формы в Италии».

Одним словом, схоластики вызвали против себя двоякую оппозицию со стороны светских и духовных властей. В продолжение всего XII столетия схоластики остаются в этих же отношениях. Самых глубоких, блестящих схоластиков того времени находим в постоянной вражде с папским престолом и светскими властями». (ГБЛ, М. 3598. XXVI, л. 33—33 об.).

ЛЕКЦИЯ О ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХАХ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

¹ Несколько строк этой лекции приводит в своем «Биографическом очерке» А. В. Станкевич (см. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I. М., 1897, стр. 246). Однако материалы этой лекции ему, видимо, были известны лишь частично, так как он пишет: «Нельзя без глубокого сожаления думать, что не сохранилось никакого следа от чтения, в котором историк высказал свои воззрения по вопросу, занимавшему его мысли много лет».

² Грановский намекает здесь на революционные события 1848 г., в частности на июньские дни в Париже. Как известно, Грановский возмущался в своих письмах выступлением реакции против восставшего французского народа (см. «Литературное наследство», т. 7—8, 1933, стр. 53; «Переписка», стр. 348, а также ГБЛ, ф. 84, 2.38). Об этом вспоминал и один из его слушателей — А. Северцев (см. ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 30, лл. 101 об.— 103).

³ «Спасайся, кто может».

ОТРЫВОК РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ Ф. ЛОРЕНЦА «РУКОВОДСТВО К ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»

¹ Точнее: Johann L o e b e l l. Weltgeschichte in Umrissen und Ausführungen, Bd. I. Leipzig, 1846.

² См. предисловие в кн.: Ф. Л о р е н ц. Руководство к всеобщей истории, ч. II, отд. 1. СПб., 1847, стр. V—X.

³ Грановский, как известно, высоко ценил труды выдающегося русского востоковеда Н. Я. Бичурина (Иакинфа), с большим сочувствием писавшего о китайском народе, его истории и культуре. В лекциях по истории древнего Китая, которыми Грановский начинал свои курсы по древней истории, он всегда ссылаясь на труды Бичурина о Китае. В данном случае Грановский говорит о сочинениях Бичурина «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии» (ч. I. СПб., 1829) и «Записки о Монголии» (СПб., 1828). Упомянув об ученой полемике по поводу происхождения гуннов, Грановский имеет в виду споры вокруг книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары» (т. I. М., 1829). Грановский сам неоднократно критиковал эту работу в своих лекциях, опираясь при этом на сведения о гуннах, имеющиеся в работах Н. Я. Бичурина (см. ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 42, 45—50).

⁴ См. Ф. Л о р е н ц. Руководство к всеобщей истории, ч. II, отд. 1. СПб., 1847; ч. II, отд. 2. СПб., 1851.

⁵ Там же, ч. II, отд. 1, стр. V—X.

⁶ Имеются в виду труды: Fr. R a u m e r. Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1832—1843.

⁷ Имеются в виду кн.: I. Gillies. The History of Ancient Greece, Its Colonies, and Conquests. From the Earliest Accounts till the Division of the Macedonian. Empire the East. London, 1837; W. M i t f o r d. The History of Greece. London, 1821.

⁸ Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs, par P. van Limburg Brouwer. Groningue, 1833—1842.

⁹ Connor Thirlwall. History of Greece. London, 1835.

¹ Ср. оценку, данную Капфигу Грановским, с оценкой Белинского, называвшего Капфига «неутомимым компилятором» (см. В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. VI. М., 1900, стр. 599).

¹¹ Речь идет о сочинении: J. D. E. P r e u s s. Friedrich der Grosse Berlin, 1832.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Конспект университетского курса лекций по истории средних веков (1839/40 г.) (Автограф)	35
Лекции 1848/49 г. (запись В. Собчакова)	88
О переходных эпохах в истории человечества. (Автограф) . .	199
П р и л о ж е н и е. Отрывок рецензии на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (Автограф)	203
Примечания	210

Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор Издательства В. М. Смирин. Технический редактор И. Н. Дорохина

РИСО АН СССР № 53-83В. Сдано в набор 28/VI 1961 г.
Подписано к печати 5/X 1961 г. Формат 84×108¹/₃₂. 7,5 печ. л. 12,30 усл. печ. л.
13,3 уч.-издат. л. Тираж 2500 экз. Т-09181. Изд. № 5268. Тип. зак. № 2188.

Цена 1 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
23	9 сн.	полувымышленное	полувымолвленное
31	20 сн.	России,	России, преобразованной
			Петром, России,
68	19 сн.	Fruchlefs	Truchsess
81	16 сн.	Laebell	Loebell
86	15 сн.	Soissen	Soisson
206	1 св.	но	можно
206	12 сн.	Аксильона	Ансильона
222	4 св.	Гензиста	Генгиста
230	19 сн.	стр. 253	стр. 25, 33
234	21 св.	полицейских	полицейские
235	20 св.	свежести	смелости
238	14 св.	348	318
238	2 сн.	Macedonian. Empire	Macedonian Empire in
239	3 сн.	т. VI. М., 1900,	т. VIII. М., 1955,
58	18 св.	Germanicae	Germaniae

